

Оригинальное название: Lukas (Ashes & Embers, #3)
by Carian Cole 2015

Переведённое название: Лукас (Эшес и Эмберс, #3)
Керриен Коул 2018

Перевод: Диана Кусова

Редактор: Александра Журомская

Вычитывала: Александра Журомская

Переведено специально для группы: Книжный червь / Переводы книг

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Аннотация

Кузен Шторма.

Младший брат Вэндала.

Вы уже встречали его мельком.

Он всегда приветлив.

Всегда мил.

Тот, на кого они могут положиться.

Он добрый.

Тату-мастер. Он играет метал и классическую музыку — на скрипке.

Его тело создано для греха.

Ему 24.

И появляется Айви. Ей 36, она разведена, мать-одиночка, которая не была на свидании целых 18 лет.

Она просто хотела сделать тату.

Но получила гораздо больше.

Не так уж и плохо быть хорошим.

АЙВИ

— Детка, я так по тебе скучаю. — Его голос кажется хриплым от сдерживаемого желания.

Я прижимаю телефонную трубку к уху, мое сердце колотится, а на коже выступает тонкий слой пота.

— Я тоже по тебе скучаю, больше, чем когда бы то ни было.

Мои пальцы сжимаются вокруг трубки.

— Только подожди, я доберусь до тебя завтра вечером. Хорошенько отдохни сегодня, тебе это понадобится. Я буду трахать тебя так жестко, что ты до понедельника ходить не сможешь.

У меня перехватывает дыхание, и я закрываю рот рукой. *Завтра вечером. В пятницу вечером.*

— Ох! Давай забудем про ужин и проведем вечер в постели.

— М-м-м, детка, мне нравится ход твоих мыслей. — Он выдыхает в трубку. — Мне надо идти. Увидимся завтра.

— Я люблю тебя.

У меня внутри все обрывается.

— Я тоже люблю тебя, детка, — отвечает он.

Эти слова мне так знакомы. Он говорил их мне тысячи раз. Но в этот раз он говорит их не мне, и это не мой голос говорит их в ответ. Я произносила их много раз. Но не сейчас.

В этот раз кто-то другой слышит эти слова и говорит их *моему* мужу.

Я жду, пока он завершит разговор, тихонько нажимаю кнопку «отбой» и кладу трубку обратно на базу рядом с кроватью. Моя рука дрожит так сильно, что я его едва не роняю. Слезы жгут глаза и текут по щекам. Схватив бумажный платок с прикроватного столика, я промакиваю их и убегаю в главную ванную комнату, потому что слышу, как он идет по коридору в сторону нашей спальни.

Я сижу на краю ванны, дрожа, а в голове вихрем носятся мысли. Я пытаюсь понять смысл того, что только что услышала. Это должна быть какая-то ошибка. Или шутка. Не может быть, чтобы я только что услышала, как мой муж разговаривал по нашему домашнему телефону с другой женщиной. Посреди ночи. Говорил, что любит ее. Что собирается встретиться с ней завтра вечером.

Он по ней скучает.

Он ее любит.

Она любит его.

Он собирается жестко ее трахнуть.

Я наклоняюсь над туалетом и меня начинает тошнить. Восемнадцать лет доверия, преданности, обязательств и любви просятся наружу.

Теперь все это ложь.

— Айви... Ты в порядке? — Ручка двери трясется. — Детка, почему дверь заперта? Я протираю лицо холодным влажным полотенцем и глубоко вздыхаю, дрожа.

— Мне не хорошо. Ложись спать.

— Тебе что-нибудь принести? Открой дверь. Я не хочу, чтобы ты сидела взаперти в ванной, пока тебя тошнит.

Все еще сидя на полу рядом с туалетом, я тянусь и открываю дверь, и он немедленно входит и становится рядом со мной.

— Что случилось? — Он щурится от яркого света в ванной, глядя на меня. — Ты совсем недавно была в порядке. Съела что-то испорченное?

Нет, я вышла замуж за кого-то испорченного.

Все его лицо выражает заботу и кажется искренним, и меня снова выворачивает от одной только мысли о том, как долго он мне лгал. Меня снова тошнит, и он делает шаг назад. Голова идет кругом. *Он ее любит. Он по ней скучает. Она любит его. В пятницу вечером. Он же должен любить меня. Только меня.*

Немного раньше он упоминал о том, что завтра вечером ему нужно будет задержаться на работе. Он уже давно задерживается на работе по вечерам и работает в выходные, пока мы с детьми остаемся дома одни.

Он был с ней.

Ну конечно.

Пока я сижу на коленях на полу и страдаю, другие улики проносятся в голове, как кадры из ужасного фильма. Странные суммы расходов по нашим кредитным картам. Долгие вечера в офисе. Вспыльчивость по отношению к детям. Отсутствие интереса к сексу. То, как он избегал семейные мероприятия.

Желудок снова сжимается.

— Айви, ты меня пугаешь. Тебя никогда не тошнит. — Он набирает воду в маленький бумажный стаканчик и протягивает мне. — Попробуй выпить немного воды.

Я беру у него стакан, всматриваюсь в его лицо и начинаю всхлипывать. Я люблю Пола уже восемнадцать лет, и ни разу за это время мне не приходилось в нем сомневаться. *Ни разу.*

У него на лице замешательство.

— Ты плачешь? Что случилось?

— Я слышала. — Горло у меня болит от сдавленных рыданий, а голос превращается в жалкий шепот.

— Что ты слышала?

— Тебя, когда ты разговаривал по телефону внизу. — Я сглатываю желчь во рту. — С другой женщиной.

Он бледнеет и хватается рукой за затылок, как обычно, когда злится или расстроен.

— Черт. — Его глаза на минуту закрываются, а потом медленно открываются и встречаются с моими. — Ты меня подслушивала?

Не могу в это поверить.

— Ты серьезно? Это все, что ты можешь сказать? Нет, я не подслушивала. Я увидела, что индикатор на трубке горит и подумала, что один из детей кому-то звонит.

Он глубоко выдыхает.

— Прости. Мне так жаль, Айви. — Он меряет шагами маленькую комнату. — Нам нужно поговорить. Я не хотел, чтобы ты так об этом узнала.

О, Боже. Он даже не отрицает это.

Я встаю и пошатываюсь перед тем, как протиснуться мимо него в спальню. Внезапно ванная комната становится слишком личным пространством, и я уже не могу находиться в ней вместе с ним. Я сажусь на край кровати, ошеломленная тем, что он ничего не отрицает. *Почему он не отрицает? Вот сейчас я должна была бы обнаружить, что это просто какое-то недоразумение.*

— Пол, что происходит? — Слезы опять текут по моему лицу. — Пожалуйста, скажи, что у меня галлюцинация, или что это какое-то недоразумение.

Он садится на кровать в полутора метрах от меня.

— Айви, мне так жаль...

— Ты спишь с другой женщиной? Ты ее любишь? — спрашиваю я, рыдая еще сильнее.

Он трет свой лоб.

— Я думаю, нам не стоит говорить об этом сейчас. Ты себя плохо чувствуешь.

— Мне стало плохо *из-за этого*.

Он быстро смотрит на меня, затем отводит взгляд в пол, как будто не в силах смотреть на меня.

— Прости. Я не хотел, чтобы ты так об этом узнала, — повторяет он тихим голосом.

Желудок у меня сжимается, и из глаз снова текут слезы.

— Ты вообще хотел, чтобы я узнала? Или просто собирался продолжать встречаться с ней у меня за спиной?

Он качает головой, не поднимая глаз.

— Я на самом деле не знаю.

— Так это правда? — Реальность происходящего постепенно просачивается в мое сознание, и меня начинает трясти.

Мужчина, которого я люблю со старшей школы, смотрит мне в глаза и кивает.

— Да, у меня роман на стороне.

Внутри у меня все обрывается, а затем начинает закипать ярость.

— Ты издеваешься надо мной? — шиплю я, стараясь не кричать. — У меня уже год сексуальные отношения со съемной насадкой душа, а ты в это время встречаешься с другой женщиной?

Все это время я думала, что отсутствие у него сексуального интереса ко мне обусловлено тем, что он слишком много работает и ему приходится справляться с большим количеством стресса. Я и не предполагала, что у него роман.

— Пожалуйста, не кричи. Не хочу, чтобы дети услышали. — Он бросает взгляд в сторону коридора. — Я этого не хотел. Ты знаешь, как я отношусь к неверности. Я подобное ненавижу... но так получилось.

У меня вырывается полуистерический смех.

— Правда? Как именно так получилось, Пол? Кто она?

— Ассистентка-гигиенист в стоматологическом кабинете, — тихо признается он, избегая смотреть мне в глаза.

Для меня просто непостижимо, как человека может потянуть к кому-то, когда этот кто-то отскабливает налет и другие гадости с десенного края ваших зубов. Мне практически смешно от попытки это представить.

— Не могу поверить. Ассистентка?

Несмотря на то, что ее пальцы побывали во рту не только у него, но и у меня, и у моих детей, должна признать, что она молодая, стройная, красивая и жизнерадостная. Она из тех женщин, которых все мужчины хотят, а все женщины ненавидят, хотя втайне мечтают быть такими, как они.

— Ей, наверно, года двадцать два, Пол. Что с тобой случилось? Изменяешь мне уже год? Оставляешь меня и детей каждые выходные, чтобы провести время с ней? Обманываешь нас всех? Что, черт побери, с тобой происходит?

Он сидит, таращась на пол и не произнося ни слова. Мне нужно, чтобы он ответил что-нибудь, как-нибудь объяснил все. Но он молчит.

Я беру еще один бумажный носовой платок и вытираю нос, злясь на себя за то, что плачу в его присутствии, потому что знаю, что выгляжу погано, когда плачу. Мне вдруг становится стыдно оттого, что я плохо выгляжу, находясь рядом с ним.

— И что теперь? — спрашиваю я, хотя слышать ответ мне совсем не хочется, ведь я уже знаю, что сейчас будет. — Что будем делать?

— Нам не обязательно сейчас об этом говорить. Кажется, тебе достаточно на сегодня. Давай, ты просто...

Я хлопаю рукой по прикроватному столику, и он вздрагивает.

— Не нужно со мной сюсюкать, Пол! Скажи как есть. Не хочу тянуть. Это мучительно больно. Неужели ты не видишь? Или тебе все равно?

— Конечно, мне не все равно, Айви. Я переживаю о тебе и детях больше всего на свете.

— Очевидно, не больше всего, а иначе мы бы здесь сейчас не сидели и не обсуждали твой роман.

Он игнорирует мой сарказм.

— Ты знаешь, что я люблю тебя и детей. И всегда буду любить. Но, мне кажется, мы отделились за последние несколько лет. Ты сама это говорила несколько раз. Мы практически не видимся. Мы спорим...

— Мы практически не видимся? Пол, тебя никогда нет дома. Я всегда здесь с детьми! А ты или на работе, или, как я понимаю, в последнее время на свиданиях, развлекаешься с кем-то. Мы спорим только потому, что тебя никогда нет рядом! Не смей даже пытаться обвинить в случившемся «нас». Я была хорошей женой и матерью. Никогда не изменяла. Все вокруг на моих плечах.

Он надолго закрывает глаза и кивает.

— Ты права. Все правильно, и я это знаю. Ты всегда была отличной женой, и ты потрясающая мама. — Он медленно качает головой, все еще глядя в пол, как будто не в состоянии сейчас сфокусировать взгляд на чем-то другом. — Думаю, я просто начал хотеть чего-то еще, чего-то особенного.

Я пристально разглядываю незнакомца, который занял тело моего мужа.

— Чего-то еще? Что это вообще значит? У нас двое прекрасных детей и красивый дом. У нас обоих хорошая работа. Мы уже двадцать лет вместе, восемнадцать из которых женаты! У нас есть все, чего ты, согласно твоим же словам, хочешь от жизни. Что еще тебе нужно?

Черты его лица искажаются раздражением и смущением.

— Я не знаю, Айви. Мне тоже тяжело от всего этого. Я люблю тебя и детей. Я разрываюсь. Просто... Даже не знаю, как объяснить. Думаю, мне просто хочется чего-то нового. Все, чего я, казалось, хотел, изменилось, когда я встретил Шарлен. Не знаю, как это объяснить.

— Прекрасно. Рада слышать, что Шарлен смогла показать тебе дорогу к настоящему счастью и спасла тебя от этой скучной, мучительной жизни с семьей. Уверена, ее сексуальное тело не имеет ко всему этому никакого отношения.

Я резко швыряю бумажный платок в стоящую рядом с ночным столиком маленькую мусорную корзину.

— Это неправда, и я не это имел в виду. Возможно, мне не давало покоя то, что я за всю жизнь был только с тобой. Тебе никогда не было интересно, каково было бы с кем-то другим?

Я поворачиваюсь и таращусь на него.

— То есть спать со мной стало скучно, и поэтому тебе понадобилась двадцатилетняя девушка? Такая, которую можно трахать так жестко, что она потом ходить не сможет? Ты так ей сказал? Когда ты превратился в свинью? И нет, я никогда не думала о том, чтобы переспать с другим мужчиной. В отличие от тебя, я всегда была более чем счастлива тем, что имела, несмотря на то, что ты никогда не трахал меня так, что я потом не могла ходить. По правде говоря, в большинстве случаев тебе с трудом удается не уснуть, пока ты доведешь дело до конца.

Он морщится от моего комментария, но тянется к моей руке. Я резко отштыываюсь.

— Не прикасайся ко мне, Пол.

— Я пытаюсь попросить прощения.

— Не нужно. Это даже невозможно. Что ты теперь собираешься делать? Чего ты хочешь? — повторяю я.

Он вздыхает и окидывает взглядом нашу спальню, как будто находится здесь в первый раз.

— Думаю, после всего произошедшего мне не стоит больше здесь оставаться. Я уйду и вернусь завтра, чтобы забрать кое-какие вещи, и, если ты не против, на следующих выходных приеду с грузовиком за остальными своими вещами. Наверно, нам нужно поговорить с юристом. Обещаю, я позабочусь о тебе и детях. Тебе не придется переживать.

По тому, как он говорит, я понимаю, что он уже обдумывал все это раньше. Он раздумывал об этом про себя, пытался решить, что нужно сказать и сделать, а сейчас просто произносит эти мысли вслух.

Развод. Он разводится со мной. *А мне не придется переживать.* У меня даже нет шанса вернуть его обратно. Он не хочет даже попытаться спасти наш брак. Я убита наповал тем, что он готов перечеркнуть восемнадцать лет брака из-за какой-то девчонки, которая всего на несколько лет старше его собственной дочери.

Я медленно качаю головой, шокированная.

— И все? Между нами все кончено? Ты даже не хочешь попытаться все исправить? Мы могли бы обратиться к семейному психологу. Многие так поступают. Тут нечего стыдиться, и они умеют хранить секреты.

— Айви, я уже год сплю с другой женщиной. Как это можно исправить?

Жестокость его слов меня оглушает. Я потеряла год своего брака, даже не зная об этом. Как я могла не заметить? Как могла пропустить все знаки?

— Я думала, ты меня любишь, — мой голос срывается. — Думала, мы любим друг друга.

Я понимаю, это звучит жалко, но других слов я найти не могу.

— Я люблю тебя, но каким-то образом влюбился и в нее тоже.

Он медленно подходит к нашему общему гардеробу и бросает несколько вещей в свою спортивную сумку.

— Для меня это тоже дурдом, Айви. Меня убивало то, что я так долго тебе лгал. Знаю, ты этого не заслуживаешь, и я ненавижу себя за то, что обидел тебя.

— Тогда зачем ты это сделал? Почему ты не мог остаться верным нам? Зачем ты позволил кому-то влезть между нами?

Он приближается ко мне с переполненной сумкой в руке.

— Я не знаю. Я бы хотел знать ответ на этот вопрос, но не знаю. Я никогда не хотел тебя обидеть. Никогда. Просто одно тянулось за другое. Ты права — я должен был все прекратить. Я — мудака. Я это знаю.

— Так ты хочешь бросить меня и детей? Ради нее? — требую я ответа.

— *Не ради нее.* Но сейчас, думаю, мне нужно уйти. И я не бросаю детей. Я все еще их отец.

Мое сердце разбивается и разлетается на миллион маленьких осколков — воспоминаний о нашей совместной жизни. Они застилают все вокруг, как кровь на месте жуткого жестокого преступления. Такое не убрать, не сложить снова вместе. Он все уничтожил.

Он смотрит на меня, а я рассыпаюсь в прах. Знаю, он этого не видит, но все мои надежды и мечты состариться рядом с мужчиной, которого я люблю, смяты и скомканы в той сумке, что он держит в руках, и теперь он отдаст их кому-то другому.

— Это из-за того, что я уже не такая стройная, как раньше? — спрашиваю я дрожащим голосом. — Я могу записаться в спортзал, купить новую одежду...

— Айви, боже мой... Нет. Ты красивая, и я все еще люблю тебя. Дело совсем не в этом.

Я медленно качаю головой туда-сюда, пытаюсь осознать, что с нами происходит.

— Просто я не понимаю, что сделала не так.

Он подходит на несколько шагов ближе ко мне.

— Ты все делала так, клянусь тебе. Я не планировал это и не искал приключений специально. На самом деле она немного напоминает мне тебя, когда мы были молодыми. Она жизнерадостная и беззаботная. Мне нравится быть с ней рядом и не слышать, как дети кричат и дерутся, знать, что их нет за стенкой, не слушать постоянно орущие видеоигры и музыку. Мне очень жаль.

— Ты хотел детей, Пол. Они шумят.

— Я знаю. Ну же, Айви. Мейси родилась, когда тебе было восемнадцать, а мне девятнадцать. Мы были слишком молоды, чтобы заводить ребенка. Нам не довелось пожить для себя или друг для друга. А как только она подросла и смогла немного оторваться от нас и обходиться без твоего стопроцентного внимания, родился Томми. Думаю, мне хочется немного повеселиться, пока я еще молод.

— Тебе лучше уйти. — Мой голос глухой, безжизненный.

Я отказываюсь на него смотреть. С меня хватит. Это отвращение к собственной семье заставляет меня его ненавидеть, и я даже хочу причинить ему физическую боль.

Он колеблется какое-то мгновение, затем разворачивается и уходит. Его шаги тяжело стучат вниз по лестнице, входная дверь открывается со скрипом, затем закрывается. Хлопает дверь его машины, и та отъезжает от нашего дома, освещая фарами окна спальни.

И он ушел. Просто так.

Я до рассвета сижу на кровати и в оцепенении таращусь на стену, размышляя о том, какого черта сейчас произошло.

ЛУКАС

Бессонница — самый ужасный враг. Толкается. Пинается. Смеется мне в лицо. Выжидает, и, когда я чувствую себя в безопасности, бьет прямо по голове. Я пытаюсь бороться, но мы все знаем, чем закончится эта история — враг победит.

И вот я лежу без сна, разглядываю сводчатый потолок и чувствую себя неудобно в собственной постели. Не только потому, что не могу уснуть, а еще и потому, что рядом со мной девушка, и я знаю, что больше с ней спать не буду. Я хочу любить ее. *Я должен любить ее.* Она милая и миниатюрная, с охрнительным телом и длинными шелковистыми черными волосами с голубыми прядями. Глаза у нее, как гребаные сапфиры, а смех, как у сумасшедшего эльфа. Она музыкант, как и я, и хорошо меня понимает. Она знает, когда остаться и когда уйти, а отсасывает так, будто мой член — вишневый леденец на палочке.

И только одна деталь все портит.

Повернувшись ко мне, она прижимается губами к моей щеке.

— Ты намного приятнее в постели, чем Вэндал.

Я чувствую, как ее губы растягиваются в улыбке, когда она прижимается к моему плечу.

Ага. Именно это все портит — она несколько раз спала с моим старшим братом. На самом деле я уверен, что о сне не было и речи, когда он привязывал ее к кровати и «вэндализировал», как он это мило называет. Хоть я и старался, не могу выкинуть эти мысли из головы. Не хочу быть номером два или подбирать обеды за собственным братом. Да и кто бы захотел, чтобы его всегда сравнивали с братом? Я не хочу быть с женщиной, которую Вэндал видел обнаженной и испохабил. Я хочу быть с той, которая будет... только моей.

Я сажусь, медленно высвобождаясь из ее объятий, и пытаюсь найти свою одежду в темной комнате.

— Что ты делаешь? — Ее рука ложится мне на спину, голос сонный — она старается не заснуть.

Я поворачиваюсь к ней. Мне страшно, что я сейчас ее расстрою, но лучше всего сделать это сразу — как сорвать пластырь.

— Рио, я не могу больше это продолжать, — говорю я мягко.

— Что продолжать?

— Это. Нас.

Резко садясь, она прижимает простыню к своей обнаженной груди.

— Почему? — Ее ярко-голубые глаза темнеют.

— Ты мне очень нравишься. Ты — одна из моих лучших друзей... Но не более с моей стороны. Мне бы хотелось, чтобы было иначе.

Ее обычно красивое лицо становится хмурым и грустным.

— Лукас... Мне очень нравится быть с тобой. Может быть, нам просто нужно больше времени. Не нужно думать о том, превратятся ли наши отношения во что-то серьезное, и тогда это случится само собой.

— Я не хочу так с тобой поступать. — Я медленно качаю головой, встаю и натягиваю джинсы. — Прости. Чего я точно не хочу, так это ранить тебя.

— Именно это мне в тебе нравится больше всего, — произносит она с сожалением. — Ты единственный, кто на самом деле заботится обо мне и не относится, как к игрушке.

Я ненавижу своего брата за то, что он перетрахал всех девчонок в радиусе ста миль, и ненавижу себя еще больше за то, что не могу через это переступить.

Она переползает через кровать ближе ко мне, ее волосы шелковистым покровом заслоняют грудь.

— Лукас, это ничего, что ты меня не любишь. Я это переживу. Правда. — В ее голосе надежда и отчаяние, и мне больно это слышать. Она заслуживает намного больше, просто пока еще этого не знает.

Я поднимаю одежду Рио с пола и кладу рядом с ней на кровать, чтобы девушка могла одеться.

— Для меня это не нормально, — возражаю я. — И ты заслуживаешь большего. Не соглашайся на компромиссы, ладно? Не надо. Правильный парень обязательно появится, поверь мне. И ему чертовски повезет, что он встретил тебя.

— Сомневаюсь, — отвечает она, натягивая рубашку через голову.

— Я подожду в гостиной и отвезу тебя домой.

— Лукас? — Ее нежный голос останавливает меня, прежде чем я успеваю дойти до двери комнаты. — Возможно, не всем дано встретить своего единственного человека. Ну, знаешь, может, это просто миф?

Может, и так, но я верю в мифы и доверяю старинным легендам. Фантазии текут по моим венам. Они не дают мне умереть.

АЙВИ

Если бы несколько месяцев назад кто-то сказал мне, что мой муж бросит меня ради другой женщины, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. Сказать, что я была потрясена, значит не сказать ничего. В то время как Пол занимался переездом в хорошую новую квартиру, покупал новую мебель, встречался с красивой молодой женщиной и начинал новую, увлекательную, полную веселья жизнь с более молодой, задорной версией меня, моя собственная жизнь превращалась в дурдом, сплошь состоящий из стресса и неразберихи. Мне кажется, это несправедливо, что он натворил дел, а в итоге страдаю я. Мне в жизни не приходилось делать ничего ужаснее, чем говорить нашему семилетнему сыну и семнадцатилетней дочери, что их отец ушел. Как удобно, что Полу не пришлось видеть шок и отчаяние на их лицах или отвечать на их бесконечные вопросы.

Следующий удар по моему сердцу случился, когда он вернулся домой через несколько недель после своего официального ухода, чтобы забрать свои вещи. Он оставил почти все, что, как я ошибочно предполагала, имело значение для нас двоих, или могло представлять какую-то сентиментальную ценность для него — наши свадебные фотографии и фотографии из наших с детьми отпусков, сувениры, которые мы привозили. Он оставил картины и предметы декора, которые мы выбирали вместе; даже дурацкие смешные вещицы с наших первых свиданий времен старшей школы. Не понимаю, почему он не захотел взять ничего, что напоминало о нашей совместной жизни. Словно он намерен просто забыть о том, что мы когда-то были парой.

Моя лучшая подруга Линдси заходит почти каждый день после работы узнать, как у меня дела. Я никогда раньше не была в депрессии, у меня не было причин волноваться за свою жизнь и свое будущее, но сейчас у меня не получается думать ни о чем другом. Пол забрал все, что у меня было, и мне кажется, что я застряла в странном сумрачном чистилище, не представляя, что делать дальше.

— У Сэма есть один очень симпатичный друг, который недавно развелся. — Мы потягиваем кофе у меня на кухне, и Линдси лукаво улыбается.

Я закатываю глаза.

— Линдси, пожалуйста. Не нужно устраивать мне свидания, тем более с мужчиной, который тоже только что развелся, потому что он или остался в дураках и находится в такой же дыре, как я, или как раз и есть злодей. Мне ничего из этого не нужно.

— Встряхнись. Ты не можешь вечно сидеть в этом доме. Ты только больше загоняешь себя в депрессию и набираешь вес. Не дай этому уроду победить.

Ее слова ранят, хотя я знаю, что она не хотела меня обидеть.

— Спасибо, Лин. Я набрала пять килограммов, не двадцать пять. Я их скину.

— Знаю, что скинешь, дорогая. Я просто за тебя переживаю. Хочу, чтобы ты была счастлива. Лучший способ перестать страдать по кому-то — это забраться на кого-то другого. Ты такая красивая. Вокруг полно мужчин, которые были бы рады замутить с тобой.

— Мама, что значит замутить? — Я опускаю взгляд на Томми, который тихо материализовался рядом со мной.

Я сверлю Линдси взглядом и глажу его по голове.

— Это значит сходить в ресторан, дорогой. Иди, начинай делать домашнее задание.

Он строит рожицу и уныло плетется в гостиную. Как только он отходит настолько, чтобы не слышать нас, я снова поворачиваюсь к Линдси.

— Пожалуйста, следи за тем, что говоришь в его присутствии. Он совсем в замешательстве от того, что происходит. И я не собираюсь ни на кого забираться!

— Прости, я даже не видела, как он зашел. И почему твои дети не шумят, как мои?

— Они шумят, поверь мне. С тех пор, как Пол ушел, они оба слегка ошарашены.

— Они адаптируются. Дети это умеют.

Я поправляю фрукты в вазе на середине стола.

— Они хотят, чтобы он вернулся. Постоянно спрашивают меня, когда он вернется домой.

— А ты? Ты тоже хочешь, чтобы он вернулся?

Я пожимаю плечами, сосредоточенно перекладывая яблоко с места на место.

— Не знаю... Возможно. Я по нему скучаю.

— Айви, нет. — Она убирает мою руку от яблока. — Оставь фрукты в покое и послушай меня. Я знаю, что ты по нему скучаешь, и вся эта история ужасна. Ты самый милый, преданный человек, что я встречала в жизни. Нельзя позволить ему вернуться обратно после того, что он сделал. Тебе сейчас нужно сосредоточиться на себе. Ты этого никогда не делала.

Она сжимает мою руку, и ее обручальное кольцо впивается в мои пальцы.

— Ты всегда ставила его на первое место. И детей. Черт возьми, даже меня! Сейчас ты должна поставить на первое место себя. Ты должна научиться быть Айви без Пола. Я понимаю, это пугает, но ты должна выяснить, кто ты есть на самом деле. Попробуй сделать что-то, что ты всегда хотела. Покрась волосы, сделай маникюр, купи обалденную одежду, заведи щенка, сделай татуировку. Попробуй все то, чего ты всегда хотела, а он нет. Начни выходить из дома и встречаться с новыми мужчинами. Выпусти настоящую Айви наружу.

— Ты считаешь, я ненастоящая?

— Конечно, настоящая, но только представь, сколько всего ты не делала, потому что ему это не нравилось? Как, например, не красила волосы, потому что он считал, что это бессмысленная трата денег. Я хочу, чтобы ты стала самой собой, тебе больше не нужно переживать, что он стоит над тобой надзирателем.

Я слабо ей улыбаюсь.

— Давно хотела покрасить волосы в красивый рыжий цвет или сделать омбре, или как там это называется. И всю жизнь хотела татуировку. И щенка... Я всегда считала, что детям нужно расти с собакой.

Она берет свою сумочку и начинает в ней рыться, складывая вещи, которые достает, в кучу на столе.

— Сходи в салон красоты на следующей неделе и займись волосами и ногтями. И... У меня есть отличный тату-мастер, он тебе подойдет. На самом деле, я выиграла подарочный сертификат на татуировку от него. Он — друг моего друга. У него потрясающие работы. В основном он работает с музыкантами, моделями и прочими творческими личностями, а я дарю тебе мой подарочный сертификат.

Она протягивает мне открытку-сертификат.

— Я хочу, чтобы ты это сделала. Для себя.

Я кусаю губу, разглядывая открытку.

— Ну, не знаю, Линдси. Татуировка? В моем возрасте?

— Ради всего святого! Тебе тридцать шесть, не сто лет. У всех есть татуировки.

— Кто будет делать татуировку? — Мейси — прекрасное видение, сотворенное из длинных светло-каштановых волос и больших невинных голубых глаз — заходит в комнату и направляется прямо к холодильнику.

— Я пытаюсь убедить твою мать, что она не слишком старая для тату, — отвечает Линдси, складывая свои пожитки обратно в сумочку.

Мейси тарашится на меня с открытым ртом.

— Мам! Ты собираешься сделать тату? Круто! Можно мне тоже?

— Пока тебе не исполнится восемнадцать, нельзя.

Она драматично закатывает глаза.

— Ну и ладно. Можно я пойду с тобой и посмотрю?

— Я подумаю. Сделай одолжение, сходи, посмотри, как там твой брат. Проверь, все ли у него в порядке с домашним заданием.

— Не бери ее с собой, — говорит Линдси, когда Мейси выходит из комнаты. — Тебе нужно начать иногда делать что-то в качестве себя самой, не в качестве Мамы.

— А еще что? Когда ты успела стать моим инструктором по личностному росту? — поддразниваю я, понимая, что она права.

Мне нужно учиться идти по жизни самостоятельно: как незамужняя женщина, не как жена или мать. Это гораздо проще сказать, чем сделать, поскольку я с восемнадцати лет была и тем, и другим. Я не представляю себе ничего другого.

Линдси встает, обходит стол и обнимает меня.

— Я не хочу, чтобы ты заикливалась, вот и все. — Она отодвигается и приглаживает мои волосы. — Ты такая милая, Айви. Пожалуйста, сделай все то, о чем мы говорили. Мне пора двигать домой, кормить свое семейство.

— Ладно. Я люблю тебя. Передай от меня привет Сэму и детям.

— Передам. И подумай насчет того, чтобы забраться на кого-нибудь. Хорошее сексуальное мимолетное увлечение здорово бы тебя взбодрило.

— Иди уже! — Я, смеясь, показываю пальцем на дверь.

АЙВИ

Ты сможешь это сделать. Ты сможешь это сделать. С каждым шагом от парковки к тротуару я все сильнее колеблюсь то заставляя себя двигаться в сторону тату-студии, то желая броситься обратно к машине, чтобы уехать домой и провести вечер, свернувшись калачиком в постели с книгой.

Здание очень своеобразное, в точности как описывала Линдси. Кажется, в какой-то момент своей жизни оно было часовней или церковью: фасад из серого камня, витражные окна, а на крыше башня со шпилем. На каменной табличке на лужайке возле входа витиеватым шрифтом выгравировано: «Тату-студия «Сердца и стрелы»». Мои каблуки звонко стучат по выложенной аспидным сланцем дорожке ко входу, и я приближаюсь к огромной красной двери из дерева с металлическими деталями в готическом стиле. Глубоко вздохнув, я толкаю тяжелую дверь, и звон колокольчика объявляет о моем прибытии. Я вздрагиваю от этого звука. Назад дороги нет.

— Одну минуту! — раздается крик из другой части здания, за фойе.

Интерьер студии совсем не такой, как я себе представляла. На самом деле даже не знаю, что ожидала увидеть. Думаю, что-то похожее на холодные, грязные тату-салоны, которые показывали в кино — те, где огромные мужчины с длинными всклокоченными бородами курят сигары, тусуются и выглядят подозрительно. Интерьер «Сердца и стрел» представляет собой смесь роскошного готического и викторианского стилей: на полу темный паркет, а в приемной антикварный красный бархатный диван и такого же типа стулья. На стенах висят картины в богато украшенных золотистых рамках. Подняв с журнального столика один из фотоальбомов в старинном кожаном переплете, я понимаю, что это портфолио татуировок, набитых художником, и медленно листаю страницы, находясь под впечатлением от его дизайнов. Детали и растушевка его работ филигранны и выглядят очень реалистично, особенно на тату-портретах людей и животных, которые похожи на настоящие фотографии. Линдси была права — этот парень по-настоящему талантлив. Моя нервозность слегка отступает, теперь я как минимум уверена, что татуировка точно будет красивой. Если только я не поведу себя как дурочка или не грохнусь в обморок.

— Окей... — Он выходит из-за большой перегородки из тяжелой ткани и становится за стеклянную стойку. — Ты, должно быть, Айви — моя клиентка на шесть тридцать? Ты выиграла мой подарочный сертификат.

— Это я. — Я кладу фотоальбом на место, поворачиваюсь к нему лицом, и, как только наши глаза встречаются, меня охватывает странное чувство. словно тепло вспыхивает глубоко внутри, проникает в сердце и трепетом отзывается во всем теле.

Глаза глубокого темно-карего цвета смотрят прямо на меня, а легкая улыбка и с интересом наклоненная голова говорят о том, что он тоже что-то почувствовал. Судя по изучающему выражению на его лице, я практически уверена, что он чувствует то же самое, что я.

Он нервно откашливается и протягивает мне покрытую татуировками руку.

— Я Лукас. Мы раньше не встречались?

Я пожимаю его руку, и странное ощущение снова пронзает мое тело. Теперь, когда мы прикасаемся друг к другу, оно даже сильнее. С трудом заставив себя спуститься на землю, я рассматриваю его. Он молод, думаю, ему слегка за двадцать, и он покрыт тату. Выцветшая серая футболка слегка облегает широкую грудь и крепкие мускулистые плечи, не скрывая руки, полностью покрытые татуировками. Волосы у него длинные, немного ниже плеч, черные как уголь, с неровными кончиками. В брови и на нижней губе пирсинг

— серебряные украшения. Глаза темные, с янтарными бликами: мы, девчонки, описывая, назвали бы его взгляд томным, чересчур сексуальным, чтобы можно было без ущерба для себя смотреть на него долгое время. Он держит меня за руку немножко дольше, чем принято, а затем медленно отпускает.

— Нет, — тихо отвечаю я, не в состоянии отвести свои глаза от его.

Хоть в нем есть что-то такое, от чего мне кажется, что мы знакомы, я уверена, что никогда не видела его раньше. Я бы точно его запомнила. Хотя раньше мне никогда не нравились мужчины как он, почему-то его близость согревает мое тело изнутри, чего раньше со мной не приключалось, а мое внутреннее равновесие вдруг оказывается под угрозой.

Его губы расплываются в очаровательной мальчишеской улыбке.

— Мне показалось, мы знакомы. — Он качает головой, и его густые волосы разлетаются черным ореолом. — Ну, ты готова? — Голос у него слегка хриплый, он таким бывает, если кричать весь вечер на концерте.

— Думаю, да, — отвечаю я, улыбаясь в ответ. — Это мой первый раз... Я немного нервничаю.

Я сжимаю сумку, которую принесла с собой. В ней лежат шорты и носки, чтобы переодеться. Он предложил захватить сменную одежду, когда мы переписывались по электронной почте на этой неделе.

Лукас жестом предлагает мне следовать за ним за темную тяжелую штору.

— Люблю девственниц. Не переживай. Все будет хорошо. Я буду милым и нежным. Если хочешь переодеться в шорты, прямо вон за той шторой есть ванная комната. Просто поверни налево.

Я быстро переодеваюсь, возвращаюсь к его рабочей зоне и, нервно улыбаясь ему, забираюсь на кресло. Он уже разложил на рабочей скамье свои инструменты: тату-машинку, крошечные емкости с чернилами и бумажные полотенца. В углу тлеет ароматическая палочка, а где-то на заднем плане играет рок-музыка, которую я, кажется, раньше не слышала. Лукас, как готический хирург, со щелчком натягивает черные латексные перчатки и подъезжает ко мне на крутящемся стуле.

— Здесь у меня эскиз твоей татуировки, — говорит он, — и я должен сказать, он мне очень нравится. Думаю, тебе тоже понравится.

Он поднимает большой лист кальки, чтобы я могла посмотреть. На ней воплощена идея, которую я просто описала ему по электронной почте — тянущаяся по внешней стороне ноги, от верхней части бедра до лодыжки, виноградная лоза с завитками и небольшими разноцветными цветами, крошечными бабочками и колибри, парящими тут и там и отбрасывающими изящные тени. Его набросок сам по себе — удивительное произведение искусства. Вообще-то, он такой красивый, что мне хотелось бы вставить его в рамку и повесить на стену у себя дома. Каким-то образом он смог отобразить именно то, что я рисовала в своем воображении.

Я разглядываю его рисунок некоторое время, словно лишившись дара речи.

— Ух ты! Как красиво.

Мне немного не по себе от того, что рисунок такой большой для первой в жизни татуировки, но не хочу делать что-то маленькое и бессмысленное, просто чтобы попрактиковаться перед основной тату — этой. Я хочу набить что-то стоящее, серьезное, символ новой меня.

Широко улыбаясь, Лукас крепит эскиз к стене, рядом с креслом.

— Я бью тату фрихэндом. Это значит, что я не буду сначала намечать контур на коже, и только потом его прорисовывать. Вместо этого я буду татуировать сразу, как будто черчу и рисую на бумаге или холсте.

— Ого... А что, если ты сделаешь ошибку? — спрашиваю я.

Слегка рассмеявшись, он качает головой.

— Ты первый человек, который задал этот вопрос.

Оскорбить потрясающего художника? Не сомневайтесь, доверьте это дело мне.

— Извини. — Я снова перевожу взгляд на эскиз. — Я не хотела тебя оскорбить. Простое любопытство.

— Эй, я совсем не обиделся, — отвечает он. — Мне нравятся благоразумные люди, которые не боятся задавать вопросы. Особенно когда речь идет о рисунке, который останется на теле на всю жизнь.

Я жду, что он продолжит, но он молчит.

— Ну так? — настаиваю я, вопросительно приподняв брови. — Что будет, если ты сделаешь ошибку? Есть какой-то способ или устройство, чтобы все стереть?

Он косится на меня и подмигивает.

— Я не допускаю ошибок. А даже если бы и допустил, то сделал бы это так красиво, что ты никогда бы не догадалась, что это была ошибка.

— Понятно, — говорю я, изумляясь его уверенности в себе.

— Есть в жизни вещи, которые нельзя переделать. И они навсегда, вне зависимости от того, как ты себе их представляешь и чего ожидаешь. Это не значит, что они — ошибка.

Я озадаченно разглядываю его, пока смысл этих слов укладывается у меня в голове.

— Очень мудрые слова, Лукас. Впечатляюще.

— Да, я ходячее печенье с предсказанием. Это оттого, что слишком много читаю.

— Невозможно читать слишком много. Как там в поговорке? Тот, кто читает, проживает тысячу жизней.

Он кивает в ответ и еще раз одаривает меня хитрой, но ужасно милой улыбкой, которая по-прежнему кажется очень знакомой.

— Чистая правда, Айви.

Лукас слегка покачивает головой в такт музыке, внимательно осматривая меня, а затем придвигается поближе.

— Ладно... Ложись на левый бок. Кресло раскладывается, как кушетка. — Он дергает рычаг, опуская спинку, после чего кладет на меня руку и слегка подвигает мою ногу. — Так пока удобно? — спрашивает он.

Я киваю, слегка смущенная из-за ощущения его руки у себя на бедре.

— Да, нормально.

— Ладненько. Дай мне знать, если почувствуешь дискомфорт, головокружение или что-то еще, хорошо? Я принес тебе бутылку воды. Вдруг захочешь попить.

— Спасибо. Ты очень любезен.

Я опускаю голову на согнутую руку и нервно закусываю губу, рассматривая его и инструменты. Такое ощущение, что я на приеме у странного врача.

Когда он подносит машинку к моему телу, я стискиваю зубы, готовясь к худшему.

Первые несколько секунд мне хочется закричать и ударить его ногой по лицу. Аппарат шумит. Он обжигает. И, твою мать, как же больно. Как, черт возьми, люди это терпят? *Зачем* люди это терпят? Я стараюсь не двигать ногой, и гадаю, насколько все это безопасно. Мне кажется, он в буквальном смысле пытается продырявить мне ногу.

Лукас останавливается, бросает на меня взгляд из-под упавших ему на лицо волос, и мной опять овладевает то странное чувство. Кажется, сердце замирает... а потом поспешно возвращается к своему ритму. Я моргаю, стараясь привести себя в норму.

— Айви, ты там в порядке, куколка? — Отложив машинку, он протягивает мне бутылку с водой и смотрит на меня с беспокойством.

Я беру у него бутылку и медленно пью. Он назвал меня куколкой. Я должна быть оскорблена, но ничего подобного. На самом деле я даже уверена, что покраснела. *Иисусе*.

— Ты такая напряженная. — Лукас слегка пожимает мне ногу, чтобы подбодрить, и его жест словно посылает горячий разряд вверх по бедру. — Ты отлично держишься. Знаю, ощущение странное. Как будто безостановочно пчела впивается, но постарайся все

же расслабиться, хорошо? Все правда не так плохо, и уколы не такие глубокие, как тебе сейчас кажется.

У меня вырывается нервный смешок, и я делаю еще один глоток воды.

— Кажется, я сама не знаю, чего ожидала. Это и правда больно.

Я смотрю на часть виноградной лозы, которую он успел набить. Даже этот крошечная часть смотрится очень красиво, и радость от предвкушения момента, когда я увижу рисунок полностью, помогает мне отвлечься от боли.

— Постарайся абстрагироваться и думать о чем-нибудь другом, — советует он.

— Прости, — отвечаю я. — Ты, наверно, не привык работать с пожившими тетеньками, которые всего боятся и вечно дергаются.

Я опускаюсь обратно на кресло, давая понять, что можно продолжать работу.

Лукас поднимает машинку со скамьи, и все начинается снова, но сейчас мне кажется, что боль стала меньше, и он сам как будто стал нежнее.

— Пожившими? — повторяет он, слегка прищурившись и протирая мою ногу бумажным полотенцем. — Ты вроде как не старая.

— Более чем уверена, что я — совсем не типичный твой клиент.

— У меня не бывает типичных клиентов. Сколько тебе лет? Тридцать? Это не возраст.

— А если тридцать шесть?

Он усмехается и немного подвигает мою ногу.

— Блин, это тоже еще совсем не старость, и выглядишь ты отлично. Я тут частенько вижу молодых девчонок, которые выглядят ужасно из-за наркоты или просто из-за того, что уродуют свое тело: например, слишком много загорают на солнце. Черт возьми, у большинства из них некоторые части тела даже ненастоящие. В половине случаев я не знаю, к чему прикасаюсь, может, там что-то отломается или лопнет. — Он улыбается. — У тебя очень нежная, натуральная красота.

К моим щекам опять приливает краска, я быстро отворачиваюсь от него и пытаюсь сосредоточиться на разглядывании дальней стены.

— Спасибо, что ты так говоришь. Я как раз начинаю чувствовать себя старой. Моей дочери почти восемнадцать, мы с мужем недавно расстались, и у меня такое чувство, что все женщины, которых я вижу вокруг — молодые, худенькие, с потрясающими фигурами, и вообще, как будто только-только с подиума.

— Эх, поверь мне. Без макияжа и одежды все совсем иначе. На самом деле они еще и ужасно скучные. Большинство из них не может даже нормальный разговор поддержать, если только он не вокруг них крутится.

Он водит машинкой туда-сюда по моей ноге, тихонько мурлыча под музыку. Звук его голоса отвлекает и убаюкивает, и постепенно я расслабляюсь.

— Ну, так с чего вдруг ты решила сделать татуировку?

Решаю, что лучше просто ответить честно, и не придумываю дурацкие отговорки.

— Я давно ее хотела, но бывший муж говорил, что это уродливо. Он не позволял мне сделать тату, потому что считал, что я буду выглядеть, как шлюховатая стриптизерша.

Лукас откатывается на стуле ближе к рабочей скамье и меняет что-то на машинке.

— Seriously, уродливо? — Его рука поднимается к лицу, чтобы убрать упавшую прядь волос, и от этого движения мускулы на плече играют и перекатываются. Мне приходится приложить усилие, чтобы отвести глаза, пока он не заметил. — Тогда, полагаю, здесь ходят тысячи шлюховатых стриптизерш. Только я никак не могу представить, что ты — одна из них. — Он снова подъезжает поближе, кладет руку мне на бедро, и легкий трепет опять поднимается вверх по моей ноге.

Боже милостивый! Когда меня в последний раз кто-то так трогал? Или когда я последний раз чувствовала бабочки в животе?

— И вообще, твое тело принадлежит только тебе. Ты можешь делать с ним все, что тебе хочется. Никто не имеет права диктовать тебе, что ты должна делать, думать, носить и тому подобное. — От звука его голоса бабочки разлетаются прочь.

— Когда ты замужем, это все проще сказать, чем сделать.

— Что ж... Судя по всему, он больше не будет навязывать тебе свое мнение, теперь ты можешь расправить крылья. В точности, как вот эта самая бабочка... — Лукас легонько постукивает пальцем по моей ноге, и, проследив глазами за его взглядом, я вижу маленькую красивую бабочку, которая теперь навечно вытатуирована на моей коже.

— Как красиво, — радостно вскрикиваю я. — Совсем как настоящая. Как ты это делаешь?

— Вот видишь. Это должна была быть птичка, но я слегка напортачил, и теперь это бабочка.

У меня отваливается челюсть, и тут я вижу, как игривая улыбка расплывается у него на лице.

— Шучу, — говорит он. — Просто хотел посмотреть на выражение твоего лица. Ты очень забавная.

— Это не смешно, — отвечаю я, смеясь.

Я лежу на кресле два часа, пока Лукас работает, но по ощущениям прошла вечность. Иногда мы переговариваемся, после наступают минуты тишины, и я просто слушаю музыку, стараясь не думать о жжении и боли в ноге. В конце концов он откатывается на стуле и объявляет, что сейчас как раз подходящий момент, чтобы сделать паузу до моего следующего визита.

Я сажусь, потягиваюсь, смотрю вниз на ногу и отмечаю, что кожа вокруг рисунка очень красная и раздраженная, но сам рисунок очень красивый. Стебли, цветы и бабочки выглядят очень естественно, почти живыми. Понятия не имею, как ему удастся создать нечто столь реалистичное и красивое с помощью тату-машинки.

— Нравится? — спрашивает он, мягким движением накладывая мне на кожу большую белую повязку.

— Очень. Жду не дождусь, когда смогу увидеть окончательный вариант.

— Скоро увидишь. — Он подмигивает и встает. — Как ты себя чувствуешь? Можешь походить вокруг?

Я спускаю ноги с кресла и еще раз немного потягиваюсь.

— Да.

— У тебя офигенная бледная кожа. Обожаю с такой работать. На ней чернила кажутся очень яркими.

— Хм. Спасибо... наверное, — отвечаю я, бросая на него взгляд.

— Да, это комплимент... Ты красивая.

Он что, со мной флиртует? Нет, он просто милый и вежливый.

Лукас протягивает мои джинсы и туфли, и этот жест отчего-то кажется ужасно интимным.

— Можешь пока пойти переодеться, а я тут приберу. Потом назначим следующий твой визит, если ты не передумала.

— Конечно. Теперь я точно не передумаю. Мне нужно увидеть твое восхитительное творение законченным.

— Умница. Я тоже с нетерпением этого жду. — Он с благодарностью мне улыбается.

Я направляюсь в ванную комнату, чтобы переодеться и, раз уж я здесь, немного подправить прическу, потому что выгляжу так, как будто только что проснулась. Взглянув

на часы, я осознаю, что уже девять тридцать. Я пробыла здесь почти три часа. Закинув шорты в сумку, я выхожу к нему в приемную. Нога болит, когда я иду.

Лукас стоит, склонившись над большим исписанным вдоль и поперек ежедневником, и сравнивает записи со своим телефоном. Не могу удержать улыбку от того, как серьезно, но при этом озадаченно он выглядит.

Он замечает мою сочувственную улыбку.

— Я пытаюсь использовать новое приложение, чтобы следить за графиком визитов, но все равно полагаюсь на это бумажное безобразия, — поясняет он. — Старые привычки умирают с трудом.

— Я тебя так понимаю. У нас на работе недавно установили новое программное обеспечение, и я все еще не до конца ему доверяю.

— Кем ты работаешь?

— Я — менеджер в отделе кадров.

— Ух ты. Просто супер. Тебе приходится увольнять людей?

— Да, иногда. — Я издаю смешок. — Мне и нанимать их приходится. Не люблю увольнять людей. Это совсем не весело.

Он вздыхает и возвращается к календарю.

— Так, тебе подойдет в пятницу через две недели, в шесть тридцать, как сегодня? — спрашивает он. — Тогда ты опять будешь моей последней клиенткой, и мне не придется торопиться.

Я достаю мобильник и проверяю свой календарь. Я знаю, что никаких дел у меня нет, но нужно убедиться, что не запланированы никакие мероприятия у детей. Маленький квадратик, обозначающий этот день в моем календаре, пуст. *Как всегда.*

— Мне подходит. Хотя тебе не стоит работать в пятницу вечером. Я могу прийти вечером в другой день или в выходной, если так удобнее.

Лукас записывает мое имя в ежедневник, затем вбивает его в свой телефон.

— У меня обычно не бывает никаких планов на вечер, а выходные у нас забиты на месяцы вперед. Все ходят прийти именно в выходные.

— Это объяснимо. Ладно, тогда спасибо, что готов потратить на меня вечер пятницы.

— Без проблем. — Он протягивает мне лист бумаги. — Это памятка по уходу. Не забывай смазывать кожу лосьоном два раза в день. Несколько дней нога будет побаливать, потом начнут отваливаться корочки, и кожа будет зудеть. Чесать и ковырять нельзя. Мыть нужно аккуратно. Если появятся вопросы, любые, сразу звони мне. Номер телефона салона и мой мобильный там записаны.

— Хорошо... Спасибо. — Часть инструкций про корочки и зуд звучит устрашающе и неприятно. Линдси ничего не говорила о болячках и чесотке. — Насколько сильно будет зудеть?

— Очень сильно. Как место, которое чешется, но почесать не можешь.

— Так бывает?

— О, ты себе даже не представляешь. — Он лукаво улыбается.

Обойдя вокруг стойки приемной, он подходит со мной вместе к двери.

— Я провожу тебя до машины. Уже поздно.

Сердце в груди на мгновение замирает от такой предупредительности.

— Не нужно, Лукас. Я уже большая девочка. — Улыбнувшись, я прохожу под его рукой, которой он придерживает дверь.

— Я настаиваю. На парковке темно. Никогда не знаешь, какой псих может шататься вокруг, где у него зудит и что ему вздумается тебе почесать.

— Думаю, ты прав, — соглашаюсь я, пока мы бок о бок идем по дорожке к тротуару.

— Вы долго были женаты? — спрашивает он, глядя вниз, на меня.

— Восемнадцать лет.

— Ого! Ты так рано вышла замуж.

— Да... Тогда это казалось хорошей идеей. — Я смотрю на свои ноги, и мы идем дальше. Мне кажется невероятным, что половину своей жизни я провела с человеком, который так просто выбросил меня из головы.

— Можно, я спрошу, что случилось?

Я тяжело вздыхаю.

— Он встретил другую, и на этом все закончилось. Он просто ушел.

— Просто так? Что, правда?

На темной парковке стоят только моя машина и винтажный «Корветт», и Лукас сразу ведет меня к моей машине. Я поворачиваюсь к нему перед тем, как открыть дверь.

— Да, в общем-то, именно так, — отвечаю я. — Это было ужасно. Совсем неожиданно. Мне казалось, что у нас все хорошо.

— Полный отстой. Мне очень жаль.

— Спасибо. — Я обнимаю себя руками, чтобы согреться, в вечернем воздухе уже настоящий холод. — Представляешь, я на самом деле верила, что мы всегда будем женаты. Не думала, что в тридцать шесть муж бросит меня ради первой молодой красотки, которая уделила ему совсем немного внимания. Видимо, наши свадебные клятвы и семья значили для меня больше, чем для него.

— Он дурак.

— Может быть. А может быть, это я — дура, потому что думала, что я в сказке, и мы будем вместе жить долго и счастливо.

Лукас открывает для меня дверь машины.

— Нет, не сдавайся. Ты же знаешь, как бывает в сказках. Придется перецеловать немного лягушек, пока не найдешь прекрасного принца, правда же?

Я сажусь в машину, смеясь.

— Эй, я думала, парни не знают сказки, — поддразниваю я.

Он улыбается в ответ, наклонившись и заглядывая в открытую дверь

— Я не такой, как большинство парней, Айви. Увидимся через две недели.

Он захлопывает дверь и уходит. Я наблюдаю, как он идет по парковке обратно к своей студии, и тут он на полпути вдруг оборачивается и машет мне рукой. Краснея, я машу ему в ответ и наконец завожу машину. Черт побери, какой же он симпатичный.

ЛУКАС

Должен признаться, я помню большинство своих клиентов по татуировкам, которые им набивал. Их имена и лица словно перемешались у меня в голове, а вот их тела — мой холст — я помню всегда. Но сегодня должна прийти Айви, и я на самом деле предвкушаю возможность увидеть ее снова, что на меня совсем не похоже, ведь я никогда не привязываюсь к клиентам. Конечно, мне нравится с ними работать, но обычно я так сосредоточен на рисунке, что считаю невероятной удачей, если смогу вспомнить о них хоть что-то. Тем не менее Айви чем-то отличается от остальных. В ту минуту, когда я ее увидел, меня словно ударила молния, и с тех пор я не могу выкинуть эту девушку из головы.

Прямо перед ее приходом я в последнюю минуту решаю сбегать наверх, в свою квартиру, которая находится над студией, надеть чистую рубашку и умыться. Я как раз спускаюсь по винтовой лестнице обратно, когда над входной дверью звенит колокольчик. И вот она уже в приемной, стоит спиной ко мне, разглядывая какие-то картины на стене. Она маленького роста, миниатюрная, с аппетитной фигуркой и длинными каштановыми волнистыми волосами, которые мне вдруг хочется взять и пропустить сквозь пальцы, ощущая, как они струятся шелком. Похоже, сегодня она приехала сразу после работы, потому что на ней черный брючный костюм, а не джинсы.

— Привет, — говорю я, и, стоит ей повернуться и улыбнуться, на меня накатывает то самое удивительное чувство, что и на прошлой неделе, когда она улыбалась мне.

— И тебе привет. Очень красивый рисунок. Твой? — Она жестом показывает на нарисованного углем дракона, который сидит на скале — мою работу пятилетней давности.

— Да, это я рисовал.

Она еще раз смотрит на рисунок, а затем на меня.

— Просто потрясающе. Как бы мне хотелось уметь рисовать!

— Спасибо. Мне всегда нравилось рисовать, даже когда я был совсем маленьким, — делюсь я. — Ты готова? Пойдем?

Она кивает, мы проходим к моему рабочему месту, и я достаю эскиз ее тату из большой папки на своем столе.

— Ну, как ощущения? — интересуюсь я. — Все в порядке?

— Мне очень нравится. — Она сияет. — Так красиво! Я постоянно ее разглядываю. Несколько дней было больно, потом начался зуд, как ты предупреждал, но я честно ничего не трогала.

— Супер! — Я улыбаюсь. — Переодевайся, а я пока все подготовлю.

— Хорошо. Я быстро.

Когда она возвращается, я не могу сдержать улыбку, потому что в выцветшей футболке, черных хлопковых шортах и белых носках вместо строгого костюма и высоких каблуков, которые были на ней несколько минут назад, она кажется совершенно другим человеком. Она прелестна.

— Что? — спрашивает она, забираясь на кушетку и замечая, что я рассматриваю ее.

— Мне нравится, как ты за пять минут превратилась из серьезной бизнес-леди в милую барышню.

От моих слов ее щеки слегка розовеют.

— Спасибо. Пришлось задержаться на работе, и я не успела переодеться.

Я нежно провожу рукой по рисунку на внешней стороне ее бедра, мысленно намечая, что хотел бы успеть сделать за сегодня. Нужно было бы надеть перчатки, прежде

чем прикасаться к ней, но я этого не сделал, потому что хотел почувствовать ее тепло. Как я и представлял, кожа у нее нежная и мягкая. В голове быстро проносится фантазия о том, как я медленно провожу руками вверх по ее обнаженным бедрам.

— Нужно было отменить прием, если у тебя был тяжелый день. Я бы все понял, — произношу я, нехотя убирая руку от ее фарфоровой кожи.

— Нет, я хотела прийти, даже ждала с нетерпением. Кроме того, мой сын на этих выходных у отца, а у дочери планы на вечер. Я бы просто сидела одна в пустом доме.

Она откидывается назад на кушетке и вытягивает ноги вперед. Для такой невысокой девушки у нее охренительно сексуальные ноги.

Осторожно склонившись над ее телом с тату-машинкой в руке, я вдруг осознаю, как разочарован был бы, если бы она отменила визит.

— Я рад, что ты пришла, — признаю я, поднимая взгляд вверх, на ее лицо. Она тоже на меня смотрит, а потом быстро отворачивается. Ее застенчивость еще больше меня привлекает. — Ну так, как дела? — задаю я вопрос в надежде, что она расслабится, если мы немного поболтаем. По тому, как напряжено ее тело, я чувствую, что она на взводе.

— Хорошо. Как всегда, полный дурдом на работе, но мне это даже нравится. Так день проходит быстрее и, когда я занята, меньше времени на тяжелые мысли.

— Мне тоже это нравится. Здесь у нас в последнее время тоже кипит работа, и это здорово. Скучать не приходится.

— Ты здесь один работаешь? — спрашивает она.

— Нет. Мой брат, Вэндал, работает со мной. Но он еще играет в группе, поэтому иногда не может быть на месте, если у них репетиции или турне. Возможно, мне придется нанять кого-нибудь еще, чтобы управиться с потоком клиентов.

— Супер. Сейчас так много небольших фирм едва сводят концы с концами. Приятно для разнообразия слышать, что кто-то процветает.

— Это точно. Нам очень везет.

Я нежно переворачиваю ее слегка на бок и сгибаю ее ногу в колене, чтобы удобнее было работать. Предплечьем я прислоняюсь к ее обнаженному бедру и от этого прикосновения словно пламя приливает прямо к моему члену. *Твою мать!* Я никогда не возбуждаюсь, работая с клиентами женского пола. Никогда. Я встряхиваю головой, чтобы убрать прядь волос, которая упала на глаза, и бросаю быстрый взгляд на нее, но она, кажется, погружена в собственные мысли.

— Кстати, о малом бизнесе, мне нужно найти человека, который сможет приехать и починить крышу подсобки. Несколько черепичных плиток напрочь снесло большой сосулькой во время прошлого снегопада, — сообщает она, не замечая моего влечения. — Пол приходил, делал мелкую работу по дому какое-то время, но, очевидно, теперь не сможет делать это вечно, когда он спелся с другой женщиной.

— Полагаю, Пол — это твой муж?

— Да. Теперь он говорит, что, возможно, дом нам тоже придется продать, потому что он переехал в новую дорогую квартиру со своей девушкой. Я из-за этого очень переживаю.

— Черт, — говорю я, заметив, что мускулы на ее ноге напряглись. Она расстроилась. — Паршиво.

По мне, так ее муж — первоклассный мудака.

Она качает головой.

— Прости, что жалуюсь тебе. Просто такая неделя была, понимаешь. А еще, видимо, я просто идиотка, потому что не представляла, что со мной может произойти подобное. — Ее голос слегка дрожит, и я перестаю работать, чтобы взглянуть на нее.

Глаза у нее на мокром месте, щеки покраснелись, ее вид цепляет за душу.

— Айви, ты не идиотка. — Я нежно сжимаю ее ногу. Мне хочется ее утешить, но я не представляю, как это сделать, не нарушая границы. — Уверен, когда люди женятся, никто не ожидает, что спустя годы партнер свалит и вся жизнь перевернется вверх дном.

— Нет, — всхлипывает она. — Я такого не ожидала.

Я подъезжаю на стуле к рабочему столу, беру оттуда коробку бумажных салфеток и протягиваю ей.

— Ты, наверное, думаешь, что я дура, — говорит она, беря салфетку и промокивая глаза. — Прости.

— Ты не дура. — Вообще-то, я думаю, что она красивая, и дело не только в ее внешности. Я знаю, у этой женщины золотое сердце. Это сразу понятно — оно излучает подобный прожектору свет, пробивающийся наружу. — Можешь выплескивать на меня свои эмоции сколько влезет. Я и сам через много дерьма прошел, поэтому все понимаю. Поверь мне. Я умею слушать.

Я беру машинку и продолжаю работу над ее ногой, стараясь быть нежным, насколько это возможно. Неприятно осознавать, что я причиняю ей даже мало-мальскую боль.

— Ты женат? — вдруг интересуется она.

— Неа.

— Что ж, ты еще молод. У тебя полно времени.

Я протираю ее ногу салфеткой.

— Что верно, то верно. Думаю, я — один из немногих парней, которые на самом деле хотят жениться. Просто не могу найти ту самую девушку.

— В это трудно поверить. Ты вроде бы по-настоящему милый парень, и ты очень талантлив. Странно, что кандидатки не строятся в очередь.

Я смеюсь.

— Те, что нужно, точно не строятся. Я постоянно привлекаю сумасшедших, ну или просто не тех, что надо. Как раз несколько недель назад я расстался с девушкой и все еще переживаю. Она — прекрасная девушка, очень красивая, и у нас много общего. Думаю, я ей тоже очень нравился. Это самая нормальная девчонка, с которой я встречался за очень долгое время.

— Как жаль! Что случилось?

— Она несколько раз спала с моим братом перед тем, как я с ней познакомился.

— Ох. — Айви морщит лицо.

— Да, вот именно. Не мог закрыть на это глаза. Как думаешь, я не прав? Думаешь, я должен был просто забыть об этом? — спрашиваю я, раздумывая, правда ли со мной что-то не так или, может быть, я слишком привередничаю.

Она размышляет над моим вопросом какое-то время, прежде чем ответить.

— Нет, я тебя понимаю. Думаю, для многих было бы неловко состоять в интимных отношениях с человеком, с которым был близок кто-то еще, кого ты хорошо знаешь. Некоторыми вещами просто невозможно делиться.

— Вот именно! Не мог себе представить, как мы с ней ужинаем в гостях у моего брата, сидим за его столом, зная, что он с ней спал. Я бы сошел с ума, думая об этом, а не думать не смог бы. Не могу *развидеть* это у себя в голове, понимаешь?

Она смеется.

— Абсолютно согласна. Прости, я не над тобой смеюсь. Просто ты так забавно выразился, — говорит она. — Меня саму тошнит каждый раз, когда я думаю о том, что у Пола был роман уже целый год, когда я узнала. Только подумать, он занимался сексом с другой женщиной, а потом приходил домой, ко мне, притворялся, что был на работе и вел себя совершенно нормально. Отвратительно.

— Еще бы, твою мать! Он спал с вами обеими? Не одновременно, очевидно, ну ты понимаешь, что я имею ввиду — пока был женат на тебе?

— По всей видимости, да. Он перестал спать со мной много месяцев назад. Почти год. — Она отворачивается от меня, краснея от смущения. — Я думала, он устает на работе. Не думала, что он просто получает все, что нужно, и даже получше где-то в другом месте.

— Черт. Вот отстой! Сочувствую. Ненавижу людей, которые изменяют.

Она вздыхает и снова поворачивается лицом ко мне.

— Пожалуйста, не нужно меня жалеть. Я и без того чувствую себя убогой.

— Я тебя не жалею. Просто мне за тебя обидно, потому что ты этого не заслуживаешь. Он просто урод.

— Я тоже так считаю!

Я добавляю несколько цветов к рисунку, прежде чем набираюсь смелости задать следующий вопрос.

— Ты сегодня ужинала?

— Нет... Не было времени.

— Когда закончим, можем сходить в кафешку неподалеку, вниз по улице. У них открыто до полуночи. Я сегодня тоже еще не ел.

Мышцы на ее ноге снова напрягаются под моей рукой, и я мысленно умоляю ее сказать «да».

— Не знаю... Наверное, мне лучше просто поехать домой, — отвечает она, нервно покусывая нижнюю губу.

— В большой пустой дом? Брось, пойдем со мной. У них офигенные супы и сэндвичи, а латте — просто чума. Ты правда хочешь, чтобы я ужинал в одиночестве, как полный лузер?

Она застенчиво улыбается.

— Нет. Конечно, не хочу.

— Тогда пойдем, поедим вместе. Спаси меня от неминуемого лузерства.

Она немного ерзает на кресле.

— Лукас, я бы с радостью спасла тебя от лузерства, но не уверена, что это хорошая идея.

Я одариваю ее самой ослепительной своей улыбкой, которая может растопить снежную королеву. *Какого черта я вытворяю? Я что, правда пытаюсь закадрить девчонку на десять лет старше себя? Да. Точно пытаюсь.*

— Просто сэндвич, Айви. Никаких обязательств, обещаю.

Она вздыхает, смеется, и я думаю о том, какие красивые у нее губы, когда она улыбается. Как у маленькой куколки.

— Ну ладно. Я, вообще-то, голодная.

— Круто. Давай попытаемся еще немного порисовать, а потом пойдем, ладно?

— Отличный план. — Она кивает.

У меня есть жесткое правило «нельзя-встречаться-с-клиентками», которое я сам для себя установил, когда мы с братом открыли студию четыре года назад. И хотя технически это не настоящее свидание, меня все больше и больше тянет к Айви, и я понятия не имею почему. Мне каждый день приходится работать с самыми разными привлекательными женщинами, но я всегда чувствую отстраненность, даже несмотря на то, что многие из них в буквальном смысле домогаются меня и предлагают все что угодно от минета до секса втроем. В ней есть что-то особенное. Может быть, дело в ее застенчивости. Или это из-за боли, которую я в ней чувствую. Или это то странное щекочущее ощущение, что накатывает на меня каждый раз, когда я прикасаюсь к ней или смотрю в ее глаза. В любом случае, я точно знаю, что мне хочется провести рядом немного больше времени, не втыкая при этом в нее иголки.

— Ты давно здесь работаешь? — спрашивает она.

— Мы с братом открыли эту студию четыре года назад, после того, как унаследовали немного денег от нашего деда.

Она с удивлением поднимает брови.

— Ух ты! Я не знала, что владелец ты!

Я улыбаюсь, добавляя тонкую растушевку на чувствительном месте чуть выше ее колена.

— Ага. Здание тоже принадлежит мне, я живу здесь, наверху.

— Ого! Я и понятия не имела. Завидую тебе, на работу добираться недалеко, — поддразнивает она. — Что здесь было перед тем, как ты переехал? Здание такое необычное. По-моему, раньше тут была церковь или часовня, да?

— Это было очень давно. Перед тем, как я здесь поселился, тут жила пожилая пара. Они торговали антиквариатом. Такие прикольные — они даже оставили нам кое-что из своей старинной мебели и картин. Вся мебель в приемной — антиквариат и куча мебели в моей квартире тоже. Люблю винтажные интерьеры, особенно в стиле викторианской готики. — Я делаю паузу в работе над татуировкой. — Меня завораживает прошлое, которое хранят некоторые предметы. Кажется, что предметы старины могут рассказывать истории, будто они несут с собой частичку каждого своего владельца. Вроде отпечатка. Иногда мне нравится проводить рукой по старому дереву и пытаться почувствовать, как прошлое просачивается под кожу.

Она слушает меня замороженно.

— Лукас... Это так красиво. Удивительно. Большинство мужчин совершенно не интересуется такими вещами, особенно в твоём возрасте.

— Я всегда чувствовал себя старше, Айви.

— Можно я спрошу, сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

Ее глаза округляются от удивления

— Так нечестно. Хотела бы я, чтобы мне снова было двадцать четыре.

Я немного меняю положение, она поворачивается на бок, чтобы я мог достать до задней поверхности ее ноги. Невольно я замечаю, что шорты на ней немного задираются и слегка оголяют бедро в том месте, где начинается ее попка. Я с трудом подавляю желание провести рукой вверх по ее ноге, погладить ее. Хочу слышать, как она стонет от моих прикосновений.

Я зажмуриваюсь и стараюсь снова сфокусироваться на работе.

— Ну, назад вернуться не получится, но ты можешь двигаться вперед. Старайся не думать обо всех изменениях в своей жизни в негативном ключе, — подбадриваю ее я, стараясь в это же время угомонить свой член. — Попробуй смотреть на все, как на новые возможности.

Да, точно. Новые возможности, например, мои губы на твоей прекрасной коже.

— Ты говоришь совсем как моя подруга Линдси. Думаю, возможно, вы оба правы.

Я откатываюсь от нее на стуле и кладу тату-машинку на рабочий стол.

— Ну все, прекрасная леди, время для новых возможностей. Ты идешь в кафе со мной.

АЙВИ

Это просто кофе. Не свидание. Составлю ему компанию, пока он будет есть, перекушу сама и поеду домой. Ничего особенного.

Мое отражение в зеркале выглядит не так, как мне бы хотелось. Вид у меня уставший. Глаза немного припухли, взгляд тусклый. Седой волос торчит. Вот черт! Я запускаю руку в шевелюру, осторожно отделяю его от остальных волос и выдергиваю.

Ой!

Я точно покрашу волосы. Скоро.

Потирая болезненное место на голове, я размышляю о том, почему Лукас захотел поужинать со мной. Если брать в расчет его возраст, уверена, у нас с ним мало общего. С такой внешностью у него должно быть полно знакомых молодых красивых девочек, с которыми можно провести вечер пятницы вместо того, чтобы тратить его на кого-то такого скучного, как я.

Ему просто жаль тебя, одинокую горемыку.

Я хмурюсь, бросая взгляд в зеркало, и убеждаю себя, что мнение двадцатичетырехлетнего парня о том, как я выгляжу, не имеет никакого значения. Собрала сумку, я открываю дверь и направляюсь к нему в приемную.

— Как насчет пятницы через две недели? В то же время? — спрашивает Лукас, записывая что-то в свой ежедневник.

Я даже не утруждаюсь заглянуть в календарь в своем телефоне.

— Отлично.

— Супер. Ты готова?

Я киваю, и он выходит из-за стойки приемной.

— Знаю, там холодрыга, но ты не против, если мы пройдемся пешком? — задает вопрос Лукас, когда мы выходим на улицу. — Тут всего два квартала. Холодный воздух меня бодрит. — Он поворачивается, чтобы закрыть за нами дверь.

— Пешком? Хорошо. Я вообще-то люблю холодную погоду, — отвечаю я.

Мне нравится эта улица; она симпатичная и оригинальная, здесь много необычных магазинчиков и бутиков — одно из многочисленных преимуществ жизни в маленьком манерном городке Новой Англии. Сейчас декабрь, поэтому большинство витрин магазинов разукрашены рождественскими огоньками, отчего улица выглядит совсем как картинка на праздничной открытке. Надеюсь, мне удастся найти дом себе по карману, если Пол решит, что нам нужно продать наш. Если придется переехать из этого маленького городка, где я выросла и который так люблю, мое сердце будет разбито. Хочется, чтобы мои дети росли здесь, как я сама.

— Как твоя нога? — интересуется Лукас. — Я не сообразил, что она будет болеть, когда предложил пройтись пешком.

Тронутая его заботой, я улыбаюсь. Это так мило.

— Совсем не болит.

Кафе небольшое, но уютное, и оформлено, как гостиная. Маленькие столики с расставленными на них свечами, несколько диванчиков для двоих с большими подушками, красивые лампы с цветными стеклянными абажурами и электрический камин с широкой каменной облицовкой. В углу стоит рождественская елка, под ней подарки в праздничных упаковках. Я сразу же влюбляюсь в это место и знаю, что приду сюда еще. В это время в кафе всего четверо других посетителей — двое сидят на диванчике и читают, и еще двое тихонько болтают, сидя за столиком.

— Привет, Лукас! Кофе, как обычно? — спрашивает девушка за стойкой, широко ему улыбаясь.

— Ага, — подтверждает он и поворачивается ко мне. — Ванильный латте с тростниковым сахаром — просто чума, — намекает он.

— Хорошо, тогда мне нужен ванильный латте. И я буду рогалик с индейкой и клюквенным соусом.

Игнорируя мою попытку заплатить за себя, Лукас расплачивается, ведет меня к уединенному столику в углу, и мы сидим, ожидая, когда официантка принесет наш заказ.

— Здесь так мило и уютно, — говорю я, оглядываясь вокруг. — Хочется свернуться калачиком с книжкой.

Он кивает.

— Люблю это место. Я прихожу сюда почти каждый вечер после того, как закроюсь... И по утрам тоже, за кофе. Иногда по вечерам тут играют местные музыканты, и я прихожу, беру кофе, слушаю акустическую музыку и отдыхаю после работы, перед тем как отправиться домой спать.

— Чувствую, я буду приезжать сюда в выходные позавтракать.

— Круто. Может быть, я тебя как-нибудь здесь застану.

Мой мобильник начинает звонить, и, зная, что это кто-то из детей, я достаю его из сумочки.

— Мне нужно ответить. Это недолго.

Лукас кивает, и я подношу трубку к уху.

— Привет, дорогой, — произношу я с радостью.

— Привет, мамочка.

— Как у тебя дела? Вам с папой весело?

— Да. Мы посмотрели мультики, и Шарлен сделала мне макароны с сыром.

— Здорово. Твое любимое! — Ненавижу Шарлен.

— Ты вкуснее готовишь, мамочка. Можно я теперь поеду домой?

Сердце разрывается.

— Нет, любимый. Помнишь, мы говорили о том, что в эти выходные ты будешь ночевать в новом папином доме? Он привезет тебя домой в воскресенье.

Лукас хмурится и откидывается на спинку стула, вытянув длинные ноги под столом.

— Ладно... — Томми вздыхает в трубку. — А что ты делаешь, мамочка?

— Я сейчас ужинаю с другом, родной. Хорошенько повеселись с папой и Шарлен, ладно? Звони сразу, если захочешь со мной поболтать. Скоро увидимся. — Я едва могу выдавить из себя это «папа и Шарлен», разговаривая с собственным сыном.

— Хорошо, мамочка. Я по тебе скучаю.

Ох, милый мой малыш.

Я улыбаюсь и крепче сжимаю трубку.

— Я тоже по тебе скучаю и люблю тебя сильно-сильно. Спокойной ночи, зайчик.

— Спокойной ночи.

Я жду, пока он положит трубку и улыбаюсь Лукасу, убирая мобильник обратно в сумочку.

— Ему трудно понять, почему все вокруг вдруг так сильно изменилось, — поясняю я.

Он кивает, на его губах милая улыбка, в глазах нежность.

— Все понятно. Ты — хорошая мама. У тебя аж лицо засветилось, когда ты с ним разговаривала. Я в его возрасте мечтал о такой маме.

— Мои дети — моя жизнь, — замечаю я, подождав, пока отойдет официантка, которая принесла нам наш заказ, а затем отпиваю латте из своей чашки. — Надо же, ты был прав. Отличный кофе!

Ванильный латте с тростниковым сахаром вкусный до безобразия.

— Это мой любимый напиток, у меня даже ломка начинается, если я не выпиваю хотя бы один за день, — усмехается он.

Взяв в руки нож и вилку, я разрезаю свой сэндвич на маленькие кусочки, в то время как Лукас озадаченно, но увлеченно следит за моими действиями.

— Ты специально нарезаешь сэндвич, чтобы есть его приборами? — раздается в конце концов вопрос.

— Да, — отвечаю я, вилкой поднося кусочек ко рту.

Он смеется, рассматривая меня.

— Это... что-то новенькое. Можно спросить, зачем?

— Ты надо мной смеешься? — поддразниваю я. — Если уж тебе так интересно, то я с детства терпеть не могу откусывать или запихивать еду в рот целиком. Поэтому всегда ем вилкой.

— Серьезно? А мороженное или, например, банан? Или яблоко?

Я качаю головой.

— Неа. Ничего из этого я в рот не пихаю. Кладу на тарелку, нарезаю и ем вилкой или ложкой.

На его лице расплывается озорная хитрая ухмылка.

— Окей. Я сейчас очень сильно постараюсь сдержаться и не отпустить сексуальный комментарий на эту тему.

— Лукас! — Я изображаю шок. — Не нужно думать о моем рте и сексуальных штучках.

Он тяжело вздыхает и опускает голову, длинные волосы падают ему на лицо.

— Теперь я точно об этом думаю.

Знаю, что лицо у меня заливается краской. Так приятно невинно пофлиртовать с парнем, зная, что он не какой-то придурок. Мне даже нравится эта его игривость и то, что он умудрился разбудить ее и во мне.

— Хватит говорить о том, что я делаю ртом. Давай сменим тему? — предлагаю я. — Как насчет тебя? У тебя есть дети?

— Нет. Хотя я детей люблю. И я все еще думаю о твоём рте.

Невольный смешок вырывается прежде, чем я успеваю остановить его. Мне точно не стоит больше провоцировать его на флирт. Я наблюдаю, как он кладет салфетку себе на колени перед тем, как начать есть — намек на то, что он хорошо воспитан.

— Ты обмолвился о брате. Помимо него у тебя есть братья или сестры? — Я подношу ко рту еще один кусочек сэндвича и игнорирую озорной блеск в его глазах, когда он наблюдает за тем, как я начинаю жевать.

— Нет, — отвечает он. — По крайней мере, я так думаю. Я вообще только лет пять назад узнал, что у меня есть брат.

— Seriously? — интересуюсь я с неподдельным любопытством. — Как так получилось?

Он глотает, прежде чем ответить.

— По словам моей бабушки, мой отец — известный музыкант, гулял направо и налево. Спал с кем попало. Случалось некоторым его женщинам забеременеть, и он их просто бросал. Так было с моей матерью и с матерью моего брата. Кто знает, возможно, с кем-то еще? В общем, моей маме было всего восемнадцать, и у нее были проблемы с наркотиками. — Он убирает прядь черных волос от своего лица. — Она отдала меня своим бабушке с дедушкой, и они меня вырастили. Она больше не вернулась, а я никогда не видел своего отца.

Как ужасно для ребенка, должно быть, начать жизнь вот так. Не могу даже представить, чтобы я бросила своих детей, и неважно, какими бы были обстоятельства.

— Лукас, мне так жаль. Даже не знаю, что сказать. Это просто ужасно. У тебя было счастливое детство?

Он какое-то мгновение смотрит мимо, куда-то вдаль, как будто достает воспоминания из старого фотоальбома своей памяти.

— Иногда я бывал счастлив, да. Мои прабабушка и прадедушка были очень пожилыми и не в состоянии заботиться о маленьком ребенке. Прабабушка занималась моим обучением дома, я не ходил в школу, и она редко выпускала меня на улицу. Они и мою маму воспитали, а она столько неприятностей им доставила. Вот они и решили, что, если будут держать меня в безопасности, дома, подальше от внешнего мира, я буду лучше нее, и им проще будет со мной справиться.

— Похоже, они просто очень переживали, что с тобой может что-то случиться, и, как ты говоришь, просто хотели, чтобы ты был в безопасности. Ты был одиноким ребенком? — Мне хочется плакать от одной только мысли о Лукасе — маленьком красивом мальчике, запертом дома без возможности выйти на улицу, повеселиться с другими детьми.

— У меня не было друзей, с которыми можно было бы поиграть, но поскольку ничего другого я не знал, думаю, для меня это было нормально. Я в основном играл на чердаке. Даже тогда мне нравились старые вещи, которые там хранили бабушка с дедушкой. Я постоянно рисовал карандашами и красками и читал все, что попадало под руку. У них было много старых книг. Я сам научился играть на старых музыкальных инструментах, которые у них были. Когда мне было около десяти лет, они оба стали слабеть физически и умственно, а я заботился о них. Готовил, убирался, напоминал, что нужно выпить лекарства... собственно, делал почти все.

— О боже! В таком юном возрасте тебе пришлось все это делать? Томми всего семь, но я даже вообразить не могу, что он мог бы взять на себя такую ответственность.

Он пожимает плечами, откусывает кусок сэндвича и неспешно прожевывает его, перед тем как снова заговорить.

— Я делал то, что приходилось. У меня больше никого не было, кроме них, а у них никого, кроме меня. Я их любил. Они были добры ко мне, насколько только могли. Дедушка заболел первым. У него началась деменция, его пришлось поместить в дом для душевнобольных, и спустя год он умер. Я старался заботиться о бабушке, но у нее тоже были серьезные проблемы со здоровьем, и с горем было очень трудно справиться. Однажды она упала на кухне, ударилась головой и умерла прямо у меня на глазах. Я был в таком шоке, что просидел целый день на полу рядом с ней. Боялся позвонить в скорую, потому что знал, что меня отправят в детский дом. Какое-то время после этого я провел в больнице. — Его голос дрожит, а в уголках глаз блестят накатывающие слезы.

Инстинктивно я наклоняюсь ближе к нему через стол и прикасаюсь к его покрытой татуировками руке.

— Лукас... Мне так жаль. У меня нет слов. — Я сама едва могу сдержать слезы, представляя, какая это, должно быть, была для него катастрофа. Такой маленький, и ему столько пришлось пережить.

Он проводит по глазам свободной рукой, не убирая ту, что накрыта моей. Я тронута его эмоциональностью, тем, что он даже не пытается ее скрыть и не ведет тебя так, словно стыдится подобных проявлений, как сделали бы многие мужчины.

— Паршиво было, — продолжает он. — После того, как меня выписали, я оказался в приемной семье, но поладить с ними не получилось. Им не нравилось, что я такой тихий, картины, которые я рисовал, мое увлечение стариной и то, что я любил сидеть в темноте. Они хотели, чтобы я был общительнее, ходил на танцы, постригся, занимался спортом. А мне ничего из этого не нравилось. Это не мое. Я там чувствовал себя чужим.

— Ты, кажется, был милым ребенком. Может быть, немного замкнутым?

Он улыбается мне с грустью.

— Да. Я до сих пор такой.

— Это не плохо. Я тоже такая, если честно. Всегда была очень застенчивой.

— Я это почувствовал.

Он переворачивает руку под моей так, чтобы они соприкасались ладонями. Мы одновременно медленно поднимаем взгляды с наших соединенных рук, пока наши глаза не встречаются, и смотрим друг на друга через слабо освещенный стол. Теплый трепет пробегает по всему моему телу, от макушки до пяток, и оседает где-то в животе. Опустив взгляд, я осторожно убираю руку. Пламя свечи на столе, кажется, медленно танцует вальс — крошечные шаги вперед и назад, словно передразнивая то, что происходит между нами. *Я к этому не готова.*

— Хм, ну а как ты узнал, что у тебя есть брат? — продолжаю расспрашивать я, пытаюсь прийти в себя от только что случившегося, что бы это ни было.

Он откашливается, проводит рукой по волосам, и мне вдруг хочется самой прикоснуться к этим темным шелковистым прядям.

— Мать моего отца выяснила, что у ее сына есть двое детей, про которых он никогда не рассказывал никому из семьи. Когда умер ее муж, она наняла частного детектива, чтобы найти нас, хотела, чтобы мы получили долю в его наследстве и стали частью семьи.

Я глотаю кусочек сэндвича и смотрю на него в изумлении.

— Невероятно. И что, ты теперь правда часть этой семьи?

— Да. Моя бабушка — та, что нас разыскала — удивительная женщина. Она просто... потрясающая. Оказалось, что большинство членов семьи вроде как знаменитые люди. Мой дядя, брат моего отца — бывший музыкант, который много лет назад был очень известным, а его сыновья, то есть мои кузены, играют в очень популярной рок группе. Вообще-то, мой брат тоже сейчас играет в этой группе. А моя тетя известная писательница. Деньги, которые мы унаследовали, позволили нам с братом вместе купить здание и открыть студию. Я всегда мечтал иметь собственный бизнес.

— Вы оба тату-мастера?

— Да, так круто. У нас много общего. Хотя он немного с придурью. Не самый простой в общении человек. Есть у него свои заморочки.

— Уверена, со временем это изменится. Представляю, как трудно наладить родственные отношения с людьми, с которыми ты не рос. Наверно, особенно трудно для мужчин, им вообще трудно строить отношения.

— Ты права. Довольно-таки странно, что вдруг, откуда ни возьмись, в жизни появилась куча людей, которых ты раньше даже не встречал. — Он задумывается на мгновение. — Но я от людей не отмахиваюсь. Если мне хочется, чтобы кто-то был частью моей жизни, я делаю все, чтобы этот человек был рядом.

Я спрашиваю себя, не была ли эта искорка в его взгляде и едва заметное изменение интонации в конце этой фразы намеком на меня, и сердце трепещет. *Нет. Не может быть.*

Чрезмерное влечение, которое я чувствую к нему, сбивает с толку, я сама не понимаю, что с этим делать. Меня никогда раньше не привлекали мужчины настолько моложе меня, и я точно никогда не обращала внимание на мужчин с татуировками и длинными волосами. Но от всего этого, вкупе с его чувственными, ласковыми карими глазами, обаятельным характером, мускулистым телом и убийственной улыбкой у меня внутри все сжимается. Когда он улыбается, то делает это так искренне, от души. Таких людей я называю «старая душа». В нем есть тихая глубина, словно он знает то, о чем никак не мог узнать. Он действует на меня так успокаивающе и в то же время возбуждающе, что меня тянет к нему, как к магниту.

— А ты? — интересуется он. — Братья, сестры? Близкие?

— У меня есть брат, на два года старше меня. У нас дружная семья. Мои родители живут в городе, и я выросла здесь же. Брат живет приблизительно в часе езды, поэтому я часто их всех вижу, и, конечно, мы встречаемся на праздники и дни рождения. — Я быстро делаю глоточек кофе. — Родители до сих пор в шоке от мысли, что я, возможно, буду разводиться. Они старомодны.

Лукас поднимает брови.

— *Возможно*, будешь разводиться? Значит, есть вероятность того, что вы с Полом снова будете вместе?

От смущения я заливаюсь краской.

— Нет. Очевидно, я просто еще не до конца приняла ситуацию. — Я слабо ему улыбаюсь.

— Ты бы приняла его обратно?

Черт, вот ведь парнишка прямолинейный.

— Лукас... Я не уверена, что хочу об этом говорить.

— Блин. Прости. Ты права. Это не мое дело. — Он выпрямляется, сидя в кресле. — Не хотел тебя обидеть.

— Ты меня не обидел. Ты очень милый, и я признательна тебе за то, что ты привел меня сюда, угостил вкуснейшим латте, за то, что так внимателен. Просто мне тяжело об этом говорить.

Он жестом останавливает меня и улыбается.

— Больше ни слова. Все понятно. Я хочу, чтобы ты расслабилась, а не чувствовала себя неловко.

Мы продолжаем непринужденно болтать о несложном, пока заканчиваем ужин, когда я, наконец бросив взгляд на свои часы, обнаруживаю, что время быстро пролетело.

— Подумать не могла, что уже так поздно. Мне нужно выдвигаться. Я бы хотела быть дома, когда придет Мейси, чтобы ей не пришлось возвращаться в темный пустой дом.

— Конечно. — Он достает из кармана и кладет на стол несколько долларов. — Я провожу тебя до машины.

Все магазины уже закрыты на ночь, машин почти нет, на улице теперь, когда мы возвращаемся обратно, намного тише. Воздух совсем промозглый, кажется, снег уже не за горами. Обычно я надеюсь, что Рождество будет снежным, потому что люблю этот праздник, но это первое мое Рождество без Пола. Маленькие семейные традиции, накопленные за годы жизни вместе, он просто небрежно выбросил на помойку. Надеюсь, у меня все же получится устроить для детей веселый праздник, и им не придется слишком сильно страдать от последствий нашего расставания.

— Ты живешь один? — спрашиваю я, когда мы приближаемся к его студии. Окна с витражами на верхнем этаже красиво светятся. Интересно, как выглядит его квартира изнутри.

— Ага. У меня раньше бывали соседи, в других квартирах, но это место для меня неприкосновенно, поэтому я не хочу жить с друзьями, которые будут его уродовать. Квартира довольно большая, три спальни. Хочешь сходить посмотреть? Там очень красиво. Все дерево и витражи оригинальные. Она даже несколько раз была в журналах.

Ой-ей. Мне нельзя идти к нему домой. Это было бы совершенно неуместно. Правда?

— Нет, но все равно спасибо, — вежливо отказываюсь я. — Судя по твоим словам, квартира правда красивая.

Он смотрит вниз на меня и с надеждой улыбается.

— Может быть, в следующий раз, — говорит он.

Моя машина и винтажный черный «Корветт» единственные машины на темной парковке, как и в прошлый раз, когда я была здесь в неурочное время.

— Это твоя машина? — спрашиваю я, жестом показывая на «Ветт».

— Да, это моя крошка. Жаль, в доме нет гаража для нее. Это единственный минус жизни в этом месте.

— У «Корветт» такие красивые машины. Они всегда мне нравились.

Мы подходим к моей скучной мамской машине, останавливаемся, и Лукас поворачивается ко мне.

— Мне тоже, — соглашается он. — Особенно старые модели. У них такие красивые округлые формы, как у женщины.

Ого! Какое чувственное сравнение. И правдивое.

Я облокачиваюсь на капот своей машины и, слегка подняв голову, разглядываю его. Он правда очень красивый — темные глаза, точеный подбородок и озорная улыбка; хочется просто сидеть и любоваться.

— Спасибо за ужин, — благодарю я, хотя мне не хочется заканчивать этот вечер, первый приятный вечер за очень долгое время. — Все было отлично, особенно латте. Вкуснятина.

Он подходит поближе ко мне и убирает волосы от лица.

— Я хочу снова тебя увидеть, — тихо произносит он, и в его голосе слышится некоторая взволнованность.

Все у меня внутри тает, и, естественно, я несу жалкую чушь в ответ.

— Я приду на следующий прием через две недели.

Пальцем он нежно трогает мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть прямо в его глубокие карие глаза.

— Нет. Я не об этом, — отвечает он.

— А о чем? — голос у меня дрожит, как, собственно, и я сама.

Его тело так близко, палец все еще у меня под подбородком, и он уставился прямо мне в глаза — для меня происходящее сплошной шок и потрясение.

— Ужин, — предлагает он. — Я могу сам приготовить или сходим куда-нибудь. Выбирай сама.

— Лукас...

Я не могу.

— Не говори «нет», Айви. — В его голосе нежность и надежда. — Я дам тебе сколько угодно вилок, и постараюсь не думать о всяких штуках, которые можно положить тебе в рот, — поддразнивает он, заставляя меня рассмеяться.

Не представляю, как он умудряется быть одновременно милым, очаровательным и сексуальным. Это совершенно обескураживает.

— Я еще не готова ходить на свидания, — признаю я. — У меня в голове все еще полная неразбериха.

Он пальцем поглаживает меня под подбородком, и я хочу замурлыкать и потереться о него, как кошка.

— У всех в голове сейчас неразбериха, Айви. В наши дни это нормальное состояние.

— Да, это точно.

— Так соглашайся. Не думай об этом, как о свидании. Просто хорошая еда, приятная компания и больше ничего. И вилки.

Этот сексуальный голос и умоляющий взгляд. С каждой секундой не поддаваться на его уговоры все труднее, но я пытаюсь.

— Это не очень хорошая идея. Я не готова, и мне кажется, я для тебя старовата. Хотя я все равно польщена.

— Серьезно? — Он наклоняет голову. — Или ты думаешь, что это я для тебя слишком *молод*? Потому что твой возраст для меня значения не имеет.

— Ну, это большая разница в возрасте, как ни крути.

Он подходит немного ближе, наши тела почти соприкасаются, я поднимаю руку и кладу ему на грудь. Я хотела остановить его этим жестом, но как только к нему прикоснулась, мое намерение испарилось. Он такой крепкий, такой живой, такой теплый... *Настоящий мужчина*. Я кажусь себе такой маленькой, зажата между машиной

и его высоким, крепким телом. Плечи и грудь у него такие широкие, что я даже ничего не вижу вокруг. Я поднимаю глаза на него, и в этот момент вижу падающую звезду, пролетающую по небу над его головой.

— Ты понятия не имеешь, насколько ты очаровательна, правда? — тихо спрашивает он. — Твое лицо, и глаза вот сейчас... просто ах!

— Я только что увидела падающую звезду. Сто лет их не видела.

В воздухе сегодня витает что-то волшебное. Не знаю, может быть, это потому, что я рядом с ним или оттого, что стресс последних нескольких месяцев постепенно отступает, давая мне возможность снова наслаждаться маленькими радостями жизни. Что бы это ни было, ощущения чертовски приятные.

— Значит, ты должна загадать желание, — со знанием дела заявляет Лукас. — Или передарить желание мне.

— И что бы ты загадал? Я должна знать, стоящее ли у тебя желание, прежде чем передарить тебе свое, — бормочу я, в то время как мои пальцы против воли очень медленно скользят по его груди. Ткань его фланелевой рубашки тонкая и мягкая, сквозь нее чувствуется тепло его тела.

— Я бы загадал, чтобы ты поужинала со мной, и загадал бы поцеловать тебя на прощание.

Внутри у меня все сжимается, я чувствую, что его сердце под моей рукой колотится быстрее, и мое сердце вторит ему.

— Лукас... это два желания... — шепчу я, внезапно едва в состоянии говорить и дышать.

Он наклоняется ближе ко мне.

— Когда ты так на меня смотришь и так произносишь мое имя, мне еще больше хочется тебя поцеловать.

Я нервно сглатываю, не в состоянии отвести от него взгляд.

— Ты не должен так говорить, — выдыхаю я с дрожью в голосе.

Нервы у меня на взводе. Боже, кого я пытаюсь обмануть? Я вся сейчас на взводе, физически и морально.

Он нежно кладет ладонь на мое лицо.

— Закрой глаза, Айви. Давай загадаем наши желания одновременно.

Лукас — волшебник, и я пала жертвой его чар. Я закрываю глаза, и его губы прикасаются к моим, совсем слегка, едва-едва, но мне и этого достаточно, чтобы увидеть целый звездопад, в этот раз с закрытыми глазами, там, где случаются чудеса. Его поцелуй застает меня врасплох, но он слишком идеальный, не оторваться. Я бросаю сумочку на землю и обнимаю его за плечи. Он целует меня чуть настойчивее, языком чуть касается моих губ, словно просит разрешение на большее. Разомкнув их, я позволяю ему поцеловать меня глубже. Он находит своим языком мой, неспешно лаская его круговыми движениями. Прикосновение пирсинга на его языке и в губе так непривычно и все же очень возбуждает. Думаю, мне нравится. Рукой он берет меня чуть ниже талии и притягивает к себе властным, нежным движением, а его поцелуй становится страстным и настойчивым. Ноги у меня начинают дрожать от робкого желания, руки сами сжимают его мускулистые плечи, я буквально висну на нем от внезапного головокружения, до которого он же меня и довел. Разве первый поцелуй когда-нибудь был таким? Разве поцелуи вообще когда-нибудь были такими? Нет. Уж точно не для меня. Никогда.

От него веет уверенностью и чувственностью, каждый вздох, каждый поцелуй словно точно спланированы, идеальны во времени и по глубине. Это не неуклюжий, неловкий, озабоченный мальчик, поспешно лапающий меня из спортивного интереса. Ни капельки. Он наслаждается моментом. И я не хочу, чтобы он останавливался.

Обеими руками обхватив меня за талию, он с легкостью поднимает меня и сажает на капот машины так, что я оказываюсь выше своего роста, почти на одном с ним уровне. Раздвинув мои ноги и встав между ними, он обвивает свои обтянутые джинсами бедра

моими и снова накрывает губами мои губы. Он целует меня долго, глубоко, маняще медленно, обхватив ладонями мое лицо. Такой поцелуй полностью подчиняет и пленяет. Он не оставляет сомнений — Лукас хочет меня. Разумная часть меня велит остановить его, но измученная одиночеством часть одерживает верх, и, проведя руками вверх по его груди и плечам, я обнимаю его за шею. Мои пальцы зарываются в его длинные шелковистые волосы, и мне нравится, как ново и необычно это ощущение. Все в нем удивительно. Это как попробовать в первый раз экзотическое блюдо, которое тут же становится любимым. Странное влечение, которое я почувствовала, когда впервые увидела его, превратилось в мощную силу, с которой теперь нельзя не считаться. Она контролирует, захватывает каждую частичку меня, разносит в прах все мои страхи и опасения и без тени сомнения ведет прямо к этому мужчине. Я даже мимолетно не понимаю смысла этого притяжения. Но вот оно, здесь, и оно сильнее, чем все, что я чувствовала в своей жизни.

Лукас внезапно перестает целовать меня. Его губы совсем рядом с моими, он смотрит на меня несколько мгновений, а затем медленно закрывает глаза, притягивает меня ближе к себе и обнимает. Сквозь одежду я чувствую его возбужденный член, и меня резко обдает горячей волной желания.

То, что я увидела мельком в его глазах, потрясло меня даже больше, чем его поцелуй.

Страсть.

Нежность.

Желание.

Те чувства, что обладают способностью принести невероятное наслаждение и боль. А я не готова ни к тому, ни к другому.

Я стараюсь потихоньку отстраниться от него, но он держит меня в объятиях.

— Черт! — выдыхаю я и прислоняюсь головой к его плечу.

— Давай поднимемся ко мне и проверим, получится ли дойти до «*О, Боже!*», — шепчет он, обнимая и слегка лаская мою шею сзади.

От этих слов мои бедра словно обдает жаром, и внутри все трепещет. Я ему совсем не пара. Неужели я смогу понравиться такому мужчине; с моим-то отсутствием опыта, не говоря уже о далеко не идеальном теле? Интересно, каких результатов можно достичь за неделю, если я куплю тренажер для бедер и буду заниматься по десять часов в день, сидя при этом на капустной диете?

— Лукас, я не могу. Мне правда нужно ехать домой...

Он не отпускает меня, а вместо этого берет мои руки в свои и сжимает их, глядя мне в глаза.

— Не переживай. — Он поднимает мою руку к губам и целует. — Пойдем со мной. Я хочу посидеть с тобой рядом, обнимать тебя и целовать часами. Ничего другого нам делать не нужно. Я просто не хочу, чтобы это чувство исчезло.

В его глазах нежность и надежда — отражение моих собственных эмоций. Я чувствую удивительную связь с ним, как будто мы в равной мере чувствуем одно и то же.

Боже, я хочу его. *Так сильно.* Представить не могу, что может быть лучше, чем оказаться в его объятиях и никуда не торопиться. Его поцелуи и прикосновения, как рай на земле, о котором я и не мечтала, и мне хочется больше.

Я стараюсь отдышаться и прийти в себя.

— Я не могу. Уже поздно, и я правда не хочу, чтобы дочка переживала за меня. Она не привыкла, что меня нет дома.

Кивнув и глубоко вздохнув, он соглашается.

— Ты права. Прости.

Он поднимает меня за талию и снова ставит на ноги, на землю.

— Ты красивая, — говорит он, убирая мои волосы назад, за спину. — Я не мог дождаться, когда увижу тебя сегодня. Никогда раньше не чувствовал такого к клиентке.

— Зачем ты мне это говоришь? — Я наклоняюсь, чтобы поднять сумку, и моя рука дрожит. Хотелось бы верить, что я дрожу из-за того, что стою на улице, на холоде, но знаю, что к морозу это не имеет никакого отношения, зато точно имеет отношение к тому эффекту, который он на меня производит.

— Может быть, чтобы узнать, почувствовала ли ты это тоже?

Не могу скрыть улыбки, глядя на этого невероятно красивого парня напротив. *Невероятно молодого красивого парня. Целоваться с которым на темной парковке, как девочка-подросток, я не имею права.*

— Лукас... — Я не могу ему соврать. Он слишком честен со мной, чтобы обманывать. Я не могу не признать, что он удивительно хороший человек. Я это знаю, хотя мы поговорили всего несколько часов. — Ты удивительный человек. Правда. В другом месте и в другое время... Я бы сама накинулась на тебя. Я тоже это почувствовала. Я в восторге от татуировки и видеть тебя снова была рада не меньше. В тебе есть что-то особенное. Но... Моя жизнь — сплошной дурдом. — Я пожимаю плечами, и его улыбка медленно угасает, и уверена, моя тоже. — Я просто не справлюсь, если сейчас ситуация станет еще запутаннее. Мне нужно разобраться со своей жизнью и позаботиться о детях. Я не в состоянии сейчас начинать что-то с таким человеком, как ты.

Он отступает на шаг.

— Таким, как я?

Я трогаю его за руку и качаю головой.

— Я хочу сказать, с молодым, как ты. Мы сейчас существуем в совершенно разных мирах.

— Я был на твоём месте очень давно, Айви. Гораздо раньше, чем следовало бы. Не суди по годам, и не думай, что я мальчишка-желторотик.

— Я знаю, что ты не такой. Я вижу. Поверь мне.

Он засовывает руки в карманы и качает головой.

— Я не хочу задерживать тебя, пытаюсь разубедить. Тебе нужно домой, и я не хочу, чтобы твоя дочка переживала. — Он наклоняется и целует меня в щеку. — Веди аккуратно, увидимся на следующем приеме.

Я вдыхаю его запах, прежде чем он отдаляется от меня. Он так хорошо пахнет — смесью его одеколona и благовоний из студии.

— Спасибо за ужин, — бормочу я. — Мне было очень приятно познакомиться поближе и поговорить с тобой.

— Мне тоже, Солнце. Ты не представляешь, насколько. Приглашение на ужин в силе, если ты решишь его принять.

Я сажусь в машину, смотрю, как он подходит к зданию с другой стороны от входа в студию, где, очевидно, находится дверь в его квартиру. Прищурившись, в темноте я замечаю ранее не видимый мне балкон, находящийся сбоку здания. Наверху загорается свет, и Лукас проходит мимо окна, на ходу стягивая через голову рубашку. Даже в полумраке видно, какой он мускулистый. *Отлично, Айви. Не хватало вдобавок ко всему стать вуайеристкой.*

Когда свет в окне гаснет, меня охватывает тоска. Интересно, он уже лег в постель, думает ли обо мне? Жаль, я не пошла с ним наверх, не провела рядом чуть-чуть больше времени. Каким-то образом мир кажется лучше, когда я рядом с ним. Даже если мы просто разговариваем, я чувствую себя непринужденнее, счастливее, спокойнее. *Больше похожей на ту девушку, которой была раньше... Как Шарлен сейчас, судя по словам Пола. Что ж, по крайней мере, мне не приходится соскребать налет с чужих зубов, чтобы заработать себе на жизнь, Шарлен.*

И знаешь, что еще, Шарлен? Пол никогда не поцелует тебя так, как только что поцеловал меня Лукас. Уж в этом-то я уверена.

Я завожу машину и, включив обогрев, жду несколько минут, пока двигатель прогреется. Голова слегка кружится, я все еще не пришла в себя от его поцелуев и

ощущения его твердого тела, прижимающегося к моему. Трусики у меня промокли, я хочу его невероятно сильно. Я еще раз поднимаю взгляд на его окно, в сознании проносится воспоминание о том, как чувствовался его пирсинг на моей мягкой плоти, и теперь я понимаю, почему некоторые женщины пищат от восторга из-за мужчин с пирсингом. Как это, наверное, чувствуется в других местах...

Звонит мобильный, я вздрагиваю от резкого звука и забываю о своих грезах. Достая телефон из сумочки и вижу, что на экране определился домашний номер телефона.

— Привет, Мейси, — бодро отвечаю я.

— Мам, ты где? Одиннадцатый час. — Смена социальных ролей может быть так неожиданна.

— Знаю, родная. Прости, — смущенно говорю я. — Мой визит затянулся сильнее, чем я ожидала. Я уже еду домой. Буду меньше чем через тридцать минут.

Я выезжаю с парковки. Надеюсь, Лукас не увидел, что я до сих пор сидела здесь в машине, разглядывая его окна.

— Зачем мне нужно было идти домой, если ты возвращаешься так поздно? — требует ответа Мейси. — Я могла погулять с друзьями подольше.

Господи, практически первый вечер, когда я не вернулась домой засветло, и уже приходится сражаться с дочерью-подростком.

— Потому что ты должна быть дома в десять, вот почему.

Она раздраженно вздыхает.

— Мам, ты серьезно? Мне почти восемнадцать. Никто из моих друзей не бежит домой к десяти. Это полный отстой. Теперь, когда папы нет, может, ты как бы забудешь об этом и разрешишь мне возвращаться попозже? Я же не пью и все такое. Мы просто тусуемся, болтаем или пьем кофе.

— Мейси, твоего отца не нет. Мы расстались, но он все равно твой отец, и комендантский час — его правило.

— Да папа сам не особо торопится следовать правилам, если ты не заметила.

Сжав зубы, я стараюсь сосредоточиться на дороге, а голова у меня начинает трещать.

— Мы уже говорили на тему таких комментариев, Мейси. Знаю, тебе тяжело. Нам всем тяжело.

— Папе не тяжело, только нам.

Я молча соглашаюсь с ней. Пол переехал к Шарлен Прекрасной, в то время как мы с детьми остались против воли одни в полном дурдоме.

— Милая, я знаю. Все наладится.

— Завтра я должна встретиться с Шелли. Можно, я хотя бы до полуночи останусь? Или, может быть, она придет к нам? Мы собираемся устроить марафон по «Дневникам вампира».

Черт. Я согласилась завтра поужинать с Тимом, парнем, с которым мы работаем вместе. Он ловил меня в комнате отдыха каждый день в течение двух недель, пока я не согласилась пойти. Однако я отказываюсь рассматривать этот выход, как свидание. Когда я соглашалась на этот ужин, то рассчитывала, что на несколько дней он отстанет, а потом, еще за несколько дней до ужина, я все отменю, сказав, что возникли дела с детьми. И, конечно же, неделя была такой сумасшедшей, что я про это совсем забыла, а теперь будет очень некрасиво с моей стороны позвонить ему завтра утром и отменить планы в последний момент, особенно, когда мне приходится видеть его каждый день. Казалось бы, работая в отделе кадров, я должна понимать, что не стоит соглашаться ни на какие встречи вне офиса, что, как ни странно, не против правил компании, в которой я работаю. Надо бы не забыть поднять этот вопрос на следующем собрании персонала.

— Мам? Алло? Ты меня вообще слушаешь?

— Да, я только что вспомнила, завтра вечером мне нужно отлучиться по работе, поэтому почему бы тебе не пригласить Шелли к нам? Она может остаться на ночь, если захочет.

— Улет! Я ей позвоню прямо сейчас. Люблю тебя! — Она кладет трубку, заканчивая разговор.

Позже вечером, когда я сижу на кровати, наношу лосьон на свою татуировку и не могу налюбоваться ее красотой, на ум приходит воспоминание о том, как руки Лукаса скользили по моей ноге, когда он работал, как от этого его прикосновения словно электрический разряд бежал по позвоночнику. Я такого не чувствовала уже очень давно, если вообще когда-то чувствовала. Мне хотелось, чтобы он не переставал прикасаться ко мне, хотела сама к нему прикоснуться. Интересно, у него татуировки по всему телу? *Каково было бы провести рукой по его мускулам и запустить пальцы в его длинные волосы?*

Забираясь в постель, я замечаю на своей подушке крошечное черное перышко. Нахмурившись, я поднимаю его, гадая, откуда оно появилось. Открыв ящик своего прикроватного столика, я аккуратно кладу перышко в угол. Оно слишком красивое, чтобы выбрасывать.

Уютно устроившись под одеялом, я чувствую, что вымоталась вконец, но уснуть не получается, потому что не выходит выкинуть мысли о Лукасе из головы. Не понимаю, что он во мне нашел. Может, это какая-то дурацкая шутка? Хотя он, на мой взгляд, не похож на любителя поразвлечься. И все же я не могу взять в толк, как такой мужчина, как он, мог заинтересоваться мной? Я не молодая, я скучная и у меня растяжки. У меня двое детей. Свежевыстиранное белье обычно главное мое достижение на выходных, а моя жизнь — сплошной бедлам. С какой стати молодой красавец захотел вдруг со всем этим связаться? Чушь какая-то.

Несмотря на все это, я не могу отрицать, что он мне *очень нравится*. Он милый, внимательный, талантливый и определенно умеет целоваться. Никогда не думала, что, целуясь, можно столько почувствовать. И я не только себя имею в виду — когда он меня целовал, я на самом деле чувствовала его эмоции. Это просто невероятно. Мне бы так хотелось пойти с ним, целовать его всю ночь, но сильно сомневаюсь, что на этом бы все закончилось, а я не готова снять с себя одежду перед кем бы то ни было. Не думаю, что вообще когда-нибудь буду готова. Даже мой собственный муж не хотел заниматься со мной сексом, так что уверена, Лукасу я показалась бы отвратительной.

Повернувшись на бок, я решаю, что мне просто нужно пережить еще один, возможно, два, визита в салон, и больше не придется с ним встречаться, что, вероятно, к лучшему. Тогда это случайное, восхитительное приключение закончится, и я смогу вернуться обратно к своей скучной жизни в качестве будущей разведенки тридцати с чем-то лет от роду и без надежды на личную жизнь.

АЙВИ

На следующий день, когда я наконец отрываю свою задницу с кровати и спускаюсь вниз, на кухню за кофе, Мейси стоит возле окна и тарашится в него, как ошалелая.

— С ума сойти, мам, — верещит она, когда замечает меня. — Парень, которого ты наняла чинить крышу, такой симпатичный!

Я наняла кого-то? В замешательстве я наблюдаю, как она идет к холодильнику и хватается за бутылку воды, не переставая при этом тараторить.

— Я отнесу ему попить, мне кажется, он разгорячился и не против попить. Но, в основном, разгорячился, если ты понимаешь, о чем я.

— Что? Какой парень? — спрашиваю я, не в состоянии уловить смысл разговора. — Мейси, о чем ты говоришь?

Но она выскакивает через заднюю дверь, прежде чем я успеваю ее остановить и выяснить, в чем дело.

Я еще не наняла рабочего, но, видимо, Пол прислал кого-то починить крышу пристройки, чтобы самому соскочить. Надеюсь, он заплатил этому человеку, и мне не придется этим заниматься. Я беру чашку кофе, выглядываю в окно и вижу, как рядом с нашей пристройкой Мейси разговаривает с очень мускулистым молодым человеком с длинными, ниже плеч, черными волосами, в теплой черной рубашке, выцветших джинсах, грубых ботинках и с лопатой в руках. Я даже вижу татуировки на его руках.

Вот черт! Это Лукас.

Какого?..

Я наблюдаю, как моя красавица-дочь флиртует с ним, играет с прядью своих волос, стоя к нему слишком близко. На ней облегающий свитер, ее любимые джинсы и меховые сапоги. Вот она смеется над чем-то, что он сказал, откинув голову. Если честно, они очень мило смотрятся.

О нет, только не это.

У меня такое чувство, что я — белка, оказавшаяся посреди дороги, мечусь туда-сюда, а машина несется прямо на меня. В общем, полная растерянность эпического масштаба.

Имею ли я право ревновать? Нет. *Но я ревную.*

Должна ли радоваться, что такой милый, талантливый и внимательный молодой человек, как Лукас, возможно, заинтересовался моей дочерью? Да. Определенно, он относился бы к ней намного лучше, чем последний мальчик, с которым она встречалась. Тот, что пытался проскользнуть в ее спальню, как маленький извращенец. Уж он-то отгреб у меня по полной.

И все же я не хочу, чтобы Лукасу понравилась моя дочь, и мне неважно, по какой причине, потому что все мои мысли о том, как он поцеловал *меня*, о том, как у меня подкашивались ноги, о страсти, которую я видела в его глазах. Не могу себе даже представить, что он мог бы поцеловать так Мейси, ведь я хочу его для себя. Не говоря уже о том, что вообще не хочу, чтобы моя маленькая девочка чувствовала что-то подобное, пока ей не исполнится тридцать. Как минимум.

Я пытаюсь обнаружить признаки того, что он тоже флиртует с Мейси, но не вижу ничего подобного, и, стыдно признаться, но я рада.

И все-таки, что он делает у меня дома? И откуда он вообще знает, где я живу?

Мне бы хотелось выйти и прервать их разговор, но я не могу, зная, что Мейси смутится и придет в ярость, если я так сделаю, в то время как она, совершенно очевидно, с ним заигрывает. Меня охватывает неприятное предчувствие, когда я думаю о том, что

сказала бы моя дочь, если бы узнала, что мы с Лукасом друзья, и даже, возможно, немного больше, чем друзья. Вот уж действительно, никогда не знаешь, в какой ситуации можешь оказаться.

Чувствуя себя виноватой, я продолжаю наблюдать за ними до тех пор, пока Мейси не поворачивается и не заходит обратно в дом, улыбаясь до ушей.

Она игриво обмахивает себя ладонью, как веером, когда входит внутрь.

— Ого, какой секси! Ты видела, какое у него тело, мам?

О, Господи! Когда моя девочка начала так думать о мужчинах? Ей же еще вчера было пять лет! *Или не вчера?*

— Мейси, это мой друг. Он мой тату-мастер. — Я слабо улыбаюсь, спрятавшись за чашкой кофе.

— О боже, мама! Ты сейчас шутишь? — От удивления у нее челюсть отвисает.

— Нет.

Она шлепается на стул возле кухонного стола.

— Мам! Можешь поговорить с ним про меня? Ну, устроить свидание или вроде того? Я думала, он попросит у меня номер телефона, но он не стал. — Она недовольно надувает губы, совсем как когда была малышкой. — Он с кем-нибудь встречается? Ты не знаешь?

Меня начинает слегка подташнивать от этого разговора.

— Кажется нет, дорогая, но думаю, он для тебя слишком взрослый. Ему двадцать с чем-то лет.

И слишком молодой для меня, не забываю я себе напомнить.

Она закатывает глаза.

— Мои ровесники — такой отстой, мам. И у них не бывает такой фигуры, как у него. А эти тату! Я уже молчу о его волосах и глазах. И пирсинг в губе! Он просто потрясающий.

Все верно, но я просто не в состоянии обсуждать это с собственной дочерью. Разговаривать о мужчинах, да еще и дышать неровно к одному и тому же мужчине? Нет. Просто нет.

Когда Мейси родилась, мне было восемнадцать лет, и я знала, что всегда буду молодой мамой, но сейчас совершенно не готова выслушивать рассуждения дочери-подростка о том, насколько сексуально привлекателен некий мужчина, особенно если речь о мужчине, который только накануне вечером целовал меня до полубессознательного состояния, и от которого я все еще без ума. Я считаю, что в этой новой неразберихе виноват Пол. Его безобразия с Шарлен всех нас поставили в неудобное положение.

Мейси подскакивает.

— Пойду наверх, позвоню Шелли и расскажу о нем. Хочу снять его на телефон из своего окна, показать ей фотку.

— Мейси, нельзя так делать! — кричу я ей вслед, но уже поздно. Она бегом поскакала по лестнице. Вот ее уже и след простыл.

Я хватаю толстовку, которая валяется на спинке одного из кухонных стульев, быстро сую ноги в стоящие рядом с задней дверью сапоги и выхожу во двор, чтобы выяснить, что затеял Лукас.

— Привет... Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, подходя к нему и щурясь от солнца.

Улыбаясь, он показывает на пристройку, как будто я не знаю, что она здесь стоит.

— Я все починил.

— Это я вижу, и это очень мило с твоей стороны, но зачем? Не стоило возиться из-за меня, Лукас. Ты же не разнорабочий.

Он пожимает плечами и вытирает лицо ярким носовым платком.

— Просто хотел сделать что-нибудь для тебя. Теперь тебе не придется из-за этого переживать. Дел на десять минут. Ничего особенного.

От его слов у меня снова тает сердце.

— Это невероятно мило, но совершенно необязательно. Я бы нашла кого-нибудь для починки.

Он отпивает воду из бутылки, которую ему вынесла Мейси.

— Теперь тебе не придется искать. — Он кивает головой в сторону дома. — У тебя красивый дом. Большой. Целое поместье.

— Я ценю твою помощь, но правда не стоило. И, как видишь, моя девочка-подросток моментально на тебя запала.

Он закручивает крышку бутылки и даже немного краснеет от смущения.

— Она симпатичная, но для меня слишком маленькая. Мне нравятся женщины постарше. Особенно одна. — Он наклоняет голову в мою сторону, и на лице его опять эта очаровательная озорная улыбка.

Как у него получается заставить меня почувствовать себя такой желанной буквально одними словами и улыбкой?

— Лукас, это невозможно. Мне очень неудобно, что ты приехал сюда, чтобы помочь, и я тебе заплачу.

Он хмурится.

— Ни за что. Можешь отблагодарить меня, согласившись сходить со мной куда-нибудь сегодня вечером.

Я скрещиваю руки на груди.

— У меня сегодня вечером другие планы.

— Серьезно? — Лукас прищуривается и смотрит на меня с подозрением.

— Да, серьезно.

— Тогда ладно, — отвечает он с несчастным выражением лица. — Как насчет вечера в воскресенье?

Блин, вот же настойчивый!

— Я не могу. Мой сын как раз должен вернуться от своего отца.

— Тогда на следующей неделе. В любой день. Выбирай сама.

— Должна признать, в упорстве тебе не откажешь, но я не могу. Ты мне нравишься, очень сильно. Я просто не могу. Моя дочь считает, что ты сексуальный. Я и представить не могу, что бы она сказала, если бы узнала, что я пошла с тобой на свидание. Это чересчур странно.

Он поворачивается, чтобы закрыть дверь пристройки, закрывает задвижку, и мне при этом открывается отличный вид на его широкую спину. Его волосы так красиво спадают по плечам, а задница в этих выцветших джинсах выглядит просто отлично. Он снова поворачивается ко мне лицом, и я быстро отвожу взгляд.

— Что странного, Айви? Просто скажи правду. Ничего с ней не случится.

— Какую правду? Нет никакой правды.

Он подходит и берет мою руку в свои теплые ладони.

— Правду о том, что ты мне нравишься, и, надеюсь, я тебе тоже. В конце концов, ты только что разглядывала мою задницу, это что-то да значит, как считаешь? — дразнит он.

Я убираю свою руку и бросаю смущенный взгляд на окно спальни Мейси. Надеюсь, она сейчас не фотографирует происходящее и не грузит фото сразу же в интернет.

— Лукас, пожалуйста. Я не могу нежничать с незнакомым человеком на глазах у своих детей. Они и так сбиты с толку из-за отца и его новой подружки. И я не разглядывала твою задницу.

— Почему ты наказываешь себя за то, что сделал он? Он радуется жизни, у тебя тоже есть на это право. Рано или поздно дети увидят тебя с другим мужчиной, как видят его с другой женщиной. Понимаю, приятно мало, но, если только ты не собираешься оставаться в одиночестве до конца дней своих, что точно было бы херово, детям придется видеть рядом с тобой других мужчин.

— Я знаю, но...

Он достает пачку жвачки из кармана и закидывает одну подушечку в рот.

— Но что? — спрашивает он. — Или дело во мне? Может, ты просто не хочешь, чтобы они видели тебя со мной?

Прежде чем ответить, я раздумываю какое-то время, уставившись в никуда.

— Им пришлось бы непросто, — признаю я, пытаюсь представить себе, как знакомлю Лукаса со своими детьми.

Он спиной прислоняется к пристройке, надувает пузырь из жвачки, лопает его и смотрит на меня.

— *Непросто?* Из-за меня? Ты стесняешься меня?

Я вовсе не хочу, чтобы он думал, что с ним что-то не так, что он неправильный. Потому что он замечательный такой как есть. Просто я встретила его в неправильный момент и в неправильном месте.

— Нет. Конечно, нет. Я хочу сказать, что им будет непросто видеть меня с другим мужчиной, особенно с мужчиной, который моложе и похож на рок-звезду. Они привыкли к своему отцу: короткая стрижка, работает в офисе... Не хочу наваливать на них слишком много безумия сразу.

Лукас стискивает зубы.

— Пожалуйста, не говори так. Ненавижу это выражение — рок-звезда.

— Прости, я в не хотела тебя обидеть, — бормочу я, понимая, что обижаю его только потому, что не могу найти правильные слова и объяснить то, что хочу сказать.

— Айви, мне все равно, что думают другие, и тебе тоже должно быть все равно. Я не хочу сказать, что тебе должно быть наплевать на мнение собственных детей, но, мне кажется, нет ничего особенного в том, чтобы встречаться с мужчиной младше, или тем, кто выглядит, как я. В мире случаются вещи гораздо хуже, они это поймут. — Он снимает солнечные очки с макушки, проводит рукой по волосам и надевает их обратно. — Если бы это были мои дети, я бы хотел показать им, что людей нужно принимать такими, какие они есть, независимо от того, как они выглядят, сколько им лет или чем они зарабатывают на жизнь.

Я напрягаюсь и отступаю немного. Он прав, но я не желаю выслушивать нотации от двадцатичетырехлетнего мальчика, у которого нет никакого опыта в воспитании детей. Конечно, мне не хотелось бы, чтобы мои дети судили других. Я стараюсь научить их принимать людей, несмотря на цвет кожи, религию, профессию и сексуальную ориентацию.

— Ты прав, — соглашаюсь я. — Но ты не представляешь, каково это на самом деле. Быть родителем очень трудно. Я просто стараюсь поступать так, как лучше для них, вот и все.

— Я представляю, насколько это должно быть непросто. Так в какой вечер ты готова сходить со мной куда-нибудь?

— Ты не собираешься сдаваться?

— Нет. Пока ты не скажешь мне прямо в лицо, что никогда и никуда со мной не пойдешь, я буду продолжать спрашивать. Тебе придется сходить со мной хотя бы для того, чтобы я заткнулся.

— Зачем? Я не понимаю. Я скучная, и, как видишь, со мной сложно. — Я качаю головой и чувствую, как мои щеки начинают гореть.

Он обнимает меня за плечи и ведет к той стороне гаража, из-за которой нас не будет видно из окон моего дома.

— Я люблю сложности, — подтрунивает он.

Интересно, поцелует ли он меня здесь, в укрытии, рядом с гаражом, и, если поцелует, хватит ли у меня сил, чтобы не поддаться. Он очень сексуальный: слегка вспотел, волосы спутались, томный взгляд, что обычно прожигает меня насквозь, скрыт за солнечными очками.

— Айви, ты мне нравишься, я серьезно. Мне надоело таскаться по вечеринкам и встречаться с безбашенными девчонками. Я хочу быть с нормальной, спокойной девушкой, которой смогу доверять. — Он прикасается к кончику моего носа. — Кроме того, ты прелестна. Ты даже утром выглядишь офигенно.

Вот дерьмо! Я совершенно забыла, что вышла поговорить с ним, едва встав с постели, в спортивных штанах.

— О, Господи! Я совсем забыла, что не накрашена и выгляжу, как неряха, — восклицаю я, закрыв лицо руками.

Он хватает меня за руки и насильно убирает их от моего лица.

— Ты красивая. Не прячься.

Я аккуратно снимаю его солнечные очки, чтобы посмотреть в его глаза. Как я и ожидала, они полны искренности и чувственности.

— Лукас, ты просто невероятно милый.

— Я знаю, куколка. — Он улыбается, и мое сердце тает, как кусочек масла на раскаленной сковороде.

Противиться ему чертовски трудно.

— Я правда считаю, что это не очень хорошая идея, — снова говорю я, пытаюсь убедить нас обоих. Даже мне самой уже надоело слушать, как я это повторяю.

Разочарованный, он отходит на несколько шагов, а потом снова подходит и становится напротив меня.

— Я считаю, что это отличная идея, Айви, но умолять не буду. Это уже за гранью. Но можешь сделать мне одно маленькое одолжение?

— Смотря какое...

— Обдумай все и дай ответ, когда в следующий раз придешь на прием. Ладно? Я просто прошу тебя поужинать со мной. Ничего более. Я бы очень хотел снова поцеловать тебя, но соглашусь хотя бы на ужин.

Он, наверное, думает, я чокнутая. Ну кто ведет себя так, когда парень приглашает на ужин? Конечно, я. Вот кто. Потому что я абсолютно социально не адаптирована.

— Окей, — соглашаюсь я. — Я подумаю.

— Ну наконец хоть какой-то прогресс. — Он улыбается во все зубы, затем поворачивается и машет на прощание. — Чао-какао!

Знаю, что, пока я наблюдаю, как он уходит, на лице у меня, должно быть, дурацкая улыбка.

ЛУКАС

Отъехав от дома Айви, я решаю прокатиться до дома бабушки, навестить ее. Поскольку по субботам я обычно работаю, у меня не получается навещать ее в выходные, как это делают остальные члены моей семьи, но сегодня я освободил день, чтобы помочь Айви с починкой крыши и немного отдохнуть. К счастью, все мои клиенты спокойно отнеслись к переносу назначенных сеансов.

Дом бабушки вроде как наш семейный очаг: сюда постоянно приезжают все. У нее в доме шесть спален, поэтому время от времени кто-нибудь из нас остается здесь с ночевкой, составить ей компанию или просто расслабиться.

Когда я подъезжаю к дому, на подъездной аллее припаркованы спортивная машина моего брата Вэндала и натюнингованный пикап — кажется, это новая игрушка нашего кузена Тэлونا.

Едва войдя через заднюю дверь, я чувствую запах свежей выпечки. Бабушка практически постоянно готовит. Печенье, пироги, рагу, запеканки, лазанья, жаркое — что ни придумай. Она или уже приготовила, или как раз готовит, или как раз собирается это приготовить.

— Дядя Лукас! — Пятилетняя дочка Вэндала бежит ко мне через комнату и бросается в мои объятия. Подняв ее повыше, я кружу ее до тех пор, пока она не начинает хихикать.

— Как поживает моя девочка? — Я крепко обнимаю ее и громко чмокаю в щечку.

— Хорошо. Мы делаем шоколадные кексы!

Я несую ее на кухню, где бабушка и Вэндал стоят возле кухонного островка.

— Шоколадные кексы? — повторяю я. — Мои любимые.

Вэндал толкает меня локтем.

— Не, не такие шоколадные кексы, чувак, — шутит он.

Я целую бабушку в щеку. Она размешивает жидкое тесто в большой чашке.

— Какой приятный сюрприз, родной. Почему ты не на работе? — с улыбкой спрашивает она.

Я ставлю Кэти на ноги и наблюдаю, как она бежит к кухонному столу, поиграть со своими игрушками.

— У меня сегодня утром были дела, поэтому я перенес все визиты и взял выходной. — Я беру печенье с большой тарелки на кухонной стойке и поворачиваюсь к брату. — Ты же будешь работать на следующей неделе, да? Если будешь часто отлучаться с группой, нам придется нанять еще одного мастера.

Он кивает и проводит рукой по своим длинным черным волосам.

— Да, я приду. Дай мне немного подумать насчет того, чтобы нанять кого-то. Я бы предпочел обойтись без этого. Я хотел, чтобы мы были только вдвоем, без всякой херни с наемными работниками.

— Следи за языком, Вэндал, — шепчет бабушка, кивая в сторону Кэти.

— Я тоже, — соглашаюсь я. — Но клиентов правда много. Я не могу сам все делать. Думаю, нужно по крайней мере найти администратора. Достало постоянно прерываться, чтобы отвечать на звонки. Клиенты тоже от этого нервничают.

— Да ну на хрен! Не нужен нам никто, чтобы отвечать на звонки. Переадресуй их на голосовую почту, а потом перезванивай.

Вэндалу тут же прилетает кулинарной лопаткой по голове от бабушки.

— Иди, положи четвертак в кувшин!

— Какого хрена, Ба? — Вэндал потирает голову в том месте, где у него теперь пятно от шоколадного теста.

— Прекрати выражаться перед малышкой! И иди, положи четвертак в кувшин.

Едва удерживаясь от смеха, я смотрю, как он роется в карманах.

— У меня нет четвертака, — говорит он. — У меня только двадцатка.

— Мне все равно. Клади в кувшин. — Она пожимает плечами.

Бабушка у нас совсем крошечная, не выше метра пятидесяти, седая, в очках с оправой, и, как правило, нарядно одетая и с кучей разных украшений. Характер у нее просто огонь, и она держит нас по струнке. Обычно мы просто в истерике валяемся. Мы все ее обожаем и убить за нее готовы.

«Матерный кувшин» совсем забит банкнотами, между которыми виднеются всего несколько двадцатипятицентовых монет.

— Ба, что ты собираешься делать с кучей денег, которую из нас вытянула? — спрашиваю я ее. Я сам подарил этому кувшину не меньше сотни баксов.

Она заталкивает противень в духовку и устанавливает время на таймере.

— Какая разница? Вы, мальчики, слишком много сквернословите перед Кэти. Хотите, чтобы она начала ругаться, как матерый дальнбойщик?

— Да, — отвечает со смехом Вэндал. Нравится ему выводить ее из себя.

— Не напрашивайся, а то я снова тебя шлепну, — парирует она.

Кэти сидит, сосредоточенно разрисовывая картинку с радугой и единорогом, и вдруг поднимает глаза и улыбается мне. Два передних зуба у нее выпали. Я взъерошиваю ее волосы и наклоняюсь, чтобы поцеловать в макушку.

— Эта картинка для тебя, дядя Лукас, — произносит она нежным голосом, обращаясь ко мне. — Когда я закончу, можешь забрать ее домой и повесить на стену или, может быть, нарисуешь кому-нибудь такую татуировку.

— С удовольствием, принцесса Кэти.

Вэндал подходит к нам и садится на стул к столу, рядом с Кэти.

— Эй, я слышал, ты бросил Рио, — говорит он и берет несколько карандашей.

— Да, бросил. Остались еще девушки, которых ты не оприходовал? — Нахмурившись, я прислоняюсь к стене и качаю головой.

Он слегка склоняет голову набок, словно размышляет.

— Не много, старик. Тебе, наверное, придется переехать на западное побережье.

— Очень смешно.

— Ну и почему ты ее бросил? Она прикольная. — Он выбирает фиолетовый карандаш и начинает разукрашивать одну из картинок Кэти.

— Мне не нужны твои объедки. Вот почему. — Я сжимаю зубы, стараясь не заматериться. Не хочу потерять двадцать баксов.

— Девственницу ты не найдешь, дружище. Смирись.

— Я не говорю, что мне нужна девственница. Просто кто-то, кто не был с тобой.

— Почему? Я могу тебе предоставить честные отзывы. Специальная услуга — критический разбор кандидатур.

— Еще немного и я, твою мать, дам тебе по морде, — выдавливаю я, хотя и сквозь смех. Какой же он иногда мудака.

— Лукас, ты знаешь правила, — подает голос бабушка с другой стороны комнаты.

Да мою ж мать! Я достаю бумажник.

— Ты смерти нашей хочешь, Ба? — подтруниваю я, запихивая пятидолларовую купюру в кувшин.

— В один прекрасный день вы мне оба спасибо скажете.

— В один прекрасный день мы оба сюда прикатим попросить денег взаймы, — возражает Вэндал.

Я подхожу к бабушке, которая споласкивает посуду в раковине.

— Ба, я надеялся, у тебя найдется пара минут поговорить.

— Конечно, мы можем поговорить. — Она берет полотенце и вытирает насухо руки. — Давай пойдем в другую комнату.

Я следую за ней в небольшой рабочий кабинет — ее любимую комнату, наполненную вещами, которые мой покойный дед обожал больше других. Жаль, я не успел познакомиться с ним, пока он был жив, не успел поблагодарить его за то, как он изменил мою жизнь. Но, к сожалению, если бы не его кончина, мой отец так и не рассказал бы о том, что у него есть двое сыновей, и я бы сейчас здесь не находился.

— Иди, присядь сюда, Лукас. У тебя сияют глаза. Ты с кем-то познакомился? — Бабушка садится на кожаный диван и жестом приглашает меня сесть рядом с ней.

У меня полно причин обожать свою бабушку. Она не просто самый добрый и заботливый человек, которого я встречал в жизни, она еще и удивительно близка с каждым членом своей семьи, очень хорошо знает нас всех, наши слабые и сильные стороны. Быть «матриархом» семьи, которая состоит в основном из мужчин-музыкантов и художников, непросто, но она держит нас всех в узде, любит и принимает такими как есть, даже когда мы лажаем

Я шлепаюсь на вытертый кожаный диван и вытягиваю ноги перед собой.

— Я правда встретил кое-кого, Ба. Мне нужен совет.

— Так и знала. Ладно, расскажи мне о ней, посмотрим, смогу ли я тебе помочь. — Бабушка складывает руки у себя на коленях.

Я вздыхаю в растерянности. Как описать свои чувства? Как объяснить, что сердце замирает каждый раз, когда я вижу Айви или прикасаюсь к ней?

— Она — клиентка.

Бабушка вопросительно поднимает брови.

— Знаю, знаю, — соглашаюсь я, разводя руками. — Я нарушил собственное правило, просто в ней есть что-то такое. Каждый раз, когда я к ней прикасаюсь, у меня как будто все внутри ходуном ходит, и так дрожат руки, что едва получается работать над ее тату. Я такого раньше никогда не чувствовал.

— Ах, химия между людьми — это прекрасно. Помню это чувство.

— Да. Это оно. И она очень симпатичная и немного застенчивая. У нее хорошая работа, и она совершенно нормальная. Не шатается по вечеринкам. У нее не силиконовые сиськи... Она слушает меня, когда я говорю. Ей будто правда интересно то, что я могу рассказать, понимаешь?

— Судя по твоим словам, она просто прекрасная девушка для тебя, дорогой. Мне она уже нравится. — На губах у бабушки теплая улыбка.

— Да, но есть проблема — она не хочет быть моей девушкой.

— Ого, — удивляется бабушка, нахмурившись. — Ну, а почему нет? Почему она не хочет с тобой встречаться?

— Ей тридцать шесть. Несколько месяцев назад ее бросил муж, с которым они были вместе восемнадцать гребанных лет. У него роман с молодой девчонкой. У них двое детей, дочь-подросток и сын немного младше Кэти. Из-за всего этого она в легкой растерянности. Постоянно говорит, что не готова, и что я для нее слишком молод.

Бабушка внимательно слушает, и ее глаза все шире раскрываются от удивления по мере продвижения моего рассказа. Наконец, она слегка присвистывает.

— Да уж, мальчик мой. Боюсь, задачку ты себе выбрал непростую.

Глубоко вздохнув, я перевожу взгляд на стоящие возле стены старинные напольные часы из великолепного вишневого дерева, покрытого изысканной резьбой, которые когда-то принадлежали моему прадеду, а после него моему деду. Каждый раз, когда я смотрю на них, мерное тиканье успокаивает, практически гипнотизирует меня. Бабушка знает, что я обожаю эти часы и обещала оставить их мне, когда придет ее время. Об этом я даже думать не хочу, но буду хранить их всегда.

— Если она тебе правда нравится, придется набраться терпения, но при этом нужно дать ей понять, что ты к ней чувствуешь. Вероятно, она сейчас в полном смятении и в целом склонна не доверять мужчинам, и я ее понимаю.

— Ты права. Она напугана. Я и сам это вижу, когда разговариваю с ней.

— Не сомневаюсь, что это так. И возраст тоже, скорее всего, для нее большая проблема. Я бы сказала, она чувствует себя даже старше, чем есть на самом деле. Ты для своего возраста очень взрослый, и рано или поздно она это поймет, но на все потребуется время.

— Так что мне делать? Я поцеловал ее вчера вечером, и это было невероятно. Я уверен, она тоже это почувствовала, но все равно продолжает отгораживаться от меня.

— Точного рецепта нет, родной. Думаю, нужно просто дать ей время. Дай ей знать, что ты готов ждать. Сможешь подождать?

— Да, черт возьми! Я буду ждать. Мне бы, конечно, не хотелось. Но ради нее, да... Я подожду.

— Ей нужно почувствовать, что с тобой она может снова обрести покой и стабильность. Муж только что разрушил всю ее жизнь, понимаешь? — Бабушка накрывает своей маленькой ладонью мою руку.

— Да, она была потрясена. По-настоящему, — киваю я.

— Тогда ты должен заслужить ее доверие. Она должна понять, какой замечательный ты человек. А ты правда замечательный, Лукас. Ты настоящий джентльмен. Она этого пока не знает, но очень скоро узнает и будет очень счастлива, что ты есть в ее жизни.

Я не против дать Айви время понять, что я не обижу ее, но, черт, я хочу ее. Прямо сейчас.

— А что с детьми? — Бабушка слегка сжимает мою руку, чтобы привлечь внимание. — Ты готов к отношениям с женщиной, у которой двое детей? Это очень большая ответственность, тут легко и просто не будет. Она не сможет, например, просто встать и поехать куда-нибудь с бухты-барахты или торчать с тобой ночь напролет на концертах. Обо всем этом ты думал?

Я упираюсь головой в диван и качаю ею из стороны в сторону.

— Ну... вроде да, но я не обдумывал детали. Я люблю детей. То, что у нее есть дети, для меня не проблема. Я даже ей не сказал, что иногда играю в группе.

— Лукас! — Она шлепает меня по плечу. — Ты должен ей сказать. Никаких секретов, хорошо? Когда вы, мальчики, только научитесь. Я снова и снова повторяю: никакого вранья, никаких секретов. Что сложного?

Бабушка раздраженно качает головой.

— Хорошо, хорошо, — со смехом соглашаюсь я, понимая, что она права. — Я ей расскажу. Я собираюсь пригласить ее пойти вместе со мной на следующее наше шоу. Может быть, она согласится в этот раз.

— Когда все устаканится, привези ее сюда. Я хочу с ней познакомиться.

— Конечно. Я мог бы полюбить эту девушку, Ба. Я это чувствую. Она — та самая, единственная.

— Ты такой романтик, Лукас. — Ее губа растягиваются в лучезарной улыбке, и глаза блестят. — Совсем как твой дедушка. Ты так напоминаешь мне его в твоем возрасте.

— Серьезно? Какой он был? — Я сажусь прямо и поворачиваюсь к ней. Мне всегда интересно узнать больше про своего деда.

Вглядываясь в его фото на стене, она в буквальном смысле сияет.

— Он был совершенно особенным человеком. Умным. Щедрым. Красивым. Все его любили.

— Жаль, мне не пришлось с ним встретиться.

— Думаю, большинство из вас, мальчиков, унаследовали его романтическую сторону характера. Твой дядя Ронни такой же. К сожалению, твой отец — нет. Он не любящий по натуре, он как пережаты-поле. Не знает, чего хочет, и никогда не знал.

Я снова останавливаю взгляд на часах и покусываю щеку, прежде чем задать свой следующий вопрос.

— Он когда-нибудь выходит на связь? Мой отец? — Даже не знаю, что надеюсь услышать.

Бабушка качает головой и хмурится.

— Нет. С тех пор, как умер твой дед, ни разу, — отвечает она поникшим голосом. — Но это ничего. Он рассказал мне о тебе и Вэндале, а это самое главное. Я устала разыскивать твоего отца. Он и так отнял у меня несколько лет жизни.

— Не понимаю, что у него за расклад. Почему ему наплевать на нас? — Я никогда не пойму, почему мои родители не хотели меня, и, хотя я стараюсь убедить себя, что это неважно, что они лишились куда большего, чем я — и прочий собачий бред, которым меня пичкали психологи и мозгоправы, пока я подрастал, — но меня до сих пор напрягает, что меня отдали и забыли, как мусор.

— Дорогой, ему даже на себя наплевать. Он не в состоянии беспокоиться о ком-то еще. Мы любим тебя и Вэндала, несмотря ни на что. Ошибки твоего отца и его недостатки не должны тебя касаться. Не позволяй им портить тебе жизнь.

— Мне пора ехать. — Я щелкаю пальцами и встаю, потом протягиваю руку ей, чтобы помочь подняться. — Спасибо, что выслушала.

— Всегда пожалуйста. Ты приедешь на Рождество? Привози с собой свою девушку и ее детей. Чем больше народу, тем веселее.

— Посмотрим, Ба. — Не уверен, что Айви будет готова поехать со мной на семейный ужин в честь Рождества всего через несколько недель знакомства. Особенно к этой шайке.

Когда мы после разговора возвращаемся на кухню, Вэндал и Кэти все еще разукрашивают картинки за кухонным столом, а с ними присоединившийся к веселью мой кузен Тэлон. Вэндал ухмыляется, как идиот.

— Что смешного? — интересуюсь я.

— Скажи ему. — Он кивает Тэлону.

Кузен только качает головой и ничего не говорит.

— Тэл, рассказывай, — прошу я. — Что случилось?

— Он женится! — радостно вскрикивает Кэти.

— Что? На ком? — Я даже не помню, чтобы у него была подруга.

— Через месяц или два, я еще не уверен.

— Расскажи ему все, — подталкивает его локтем Вэндал.

Тэлон корчит рожу, и становится очевидно, что Вэндал его бесит.

— Это социальный эксперимент, который проводит группа психологов и специалистов в области отношений. Директор проекта — мамин друг.

Я смотрю на него искоса.

— Социальный эксперимент? Что это значит?

— Он собирается жениться на совершенно незнакомой женщине, — перебивает Вэндал. — Как лабораторная крыса.

Мой взгляд устремляется к Тэлону.

— Ого! Что, серьезно? На незнакомке?

— Да, — кивает он. — Мы не сможем встретиться, увидеться или узнать что-нибудь друг о друге заранее. В первый раз мы увидимся на свадьбе.

— Ни фига себе! — Я даже не знаю, что еще сказать. Это чистое безумие, но в то же время немного круто.

— Мы заполняем всякие опросники и общаемся с психологами, а они подбирают нам идеальную, по их мнению, пару. Потом мы женимся и должны пробыть вместе шесть

месяцев. После этого можем развестись или остаться вместе, и каждый из нас получит пятьдесят тысяч долларов.

— Так ты на это ради денег подписался, да? — спрашивает Вэндал.

— Нет, мудила. Деньги мне не нужны. Мне жестко не везет с девчонками. Хочу попробовать, вдруг сработает.

Увлеченный идеей, я облокачиваюсь на стену.

— Думаю, идея охренительная, — говорю я. — А транслировать будут? Как реалити-шоу?

Он качает головой с длинными русыми волосами.

— Нет. Мы будем вести дневники.

— В общем, думаю, это круто. Очень интересно посмотреть, как все сложится.

— А ты, я смотрю, готов оказать моральную поддержку? — подкалывает Вэндал.

— Ты — мудака!

— Мальчики! Я даже сосчитать уже не могу, сколько денег вы мне сейчас должны. Думаете, я тут делаю меренги и не слышу вас?

— Прости, Ба, — произносим мы хором.

— А ты, — она показывает на Вэндала, — оставь своего брата и кузена в покое. Нет ничего плохого в том, что люди хотят найти свою любовь.

— Они скоро захотят пойти в магазин и прикупить себе книгу «Развод для чайников», Ба. Тебе, что, все равно?

— Конечно, не все равно. — Она ставит чашу в раковину. — Но ты должен быть добр с ними.

— Я не могу, Ба. Тьма живет во мне.

Бабушка укоризненно качает головой, но я слышу ее смех. Вэндал точно ее доведет. И озолотит.

— Все, я ушел, — говорю я. — Вэн, увидимся в понедельник?

Он кивает, даже не поднимая головы, потому что разукрашивает черным цветом бабочку в книжке Кэти.

— Ага, — отвечает он.

— Тэлон, удачи, старик.

— Спасибо.

Кэти поднимается со своего стула и обнимает меня за шею. Я тоже крепко обнимаю ее в ответ.

— Дядя Лукас, хочешь приехать к нам домой сегодня вечером?

— Сегодня не могу, зайка. — Я целую ее в лоб и нежно опускаю обратно на стул.

— Но ты можешь приехать ко мне, когда папе надо будет, чтобы я с тобой посидел.

— Ура! — кричит она.

— Кэти, букашечка, мы сегодня собирались мультики смотреть, — напоминает Вэндал, а потом смотрит на меня. — Лукас, приезжай, потуси с нами, если хочешь.

— Спасибо, но у меня кое-какие дела.

Я беру еще одно печенье и обнимаю бабушку, которая сует мне в руки большой пластиковый контейнер с печеньем и кексами.

— Возьми с собой, милый.

Вот черт. Теперь я все выходные буду под кайфом от сладкого.

АЙВИ

Я останавливаюсь возле двери в комнату Мейси и тихонько заглядываю внутрь, чтобы посмотреть, что она делает. Она лежит на своей кровати в наушниках и читает. В кои-то веки в комнате у нее порядок — огромное достижение по сравнению с тем, что здесь творилось несколько месяцев назад, когда вокруг было разбросано столько барахла, что даже пол не было видно. Надеюсь, уборка войдет у нее в привычку.

Внезапно она поднимает глаза и вытаскивает наушники из ушей.

— Привет, мам. Что случилось?

— Я ухожу, но вернусь не поздно. Во сколько придет Шелли?

— Она уже в пути. Ты разговаривала с тем симпатичным парнем? Может, типа, намекнешь ему, что он мне нравится?

У меня тут же от напряжения начинает болеть голова, а желудок неприятно скручивает.

— Нет, милая, я с ним не особо разговариваю. Он всего лишь мой тату-мастер, и заехал, только чтобы починить пристройку.

— Ну, может, во время твоего следующего сеанса получится, типа, что-то сказать? — с надеждой спрашивает она.

— Мейси, не уверена, что мне по душе эта идея. Я твоя мама, и это было бы не очень уместно. Ведите себя хорошо, пока меня не будет, пожалуйста. В холодильнике есть еда.

— Ладно. Приятного вечера! — Она вставляет наушники обратно и возвращается к чтению, забывая про меня.

Приятного вечера? Слабо верится, что вечер вообще будет приятным, жаль, что я не могу просто остаться дома. Я стою возле окна в гостиной, выглядывая на улицу, пока на подъездной аллее наконец не показывается машина Тима. Тяжело вздохнув, я надеваю пальто и выхожу на улицу, на холодный вечерний воздух, не давая ему шанса подойти за мной к входной двери. Интересно, мужчины на свиданиях все еще так делают? Не то чтобы это было свидание, просто интересно.

— Я бы подошел к дверям. — Первые слова, которые он произносит, когда я усаживаюсь на пассажирское кресло его внедорожника.

Значит, видимо, некоторые мужчины все еще появляются на пороге.

— Все в порядке. — Я пожимаю плечами.

— Думаю, стоит испытать новый гриль-бар, — предлагает он, сдавая назад и выезжая на главную улицу.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Отличная идея.

Мне даже не хочется есть, мой желудок до сих пор сводит от мыслей о Лукасе. Весь день я пыталась отвлечься, убирала дом, затеяла стирку, чтобы не думать о нем, но вместо этого несколько раз вдруг ловила себя на том, что замечталась, вспоминая о нем. Непонятно откуда возникали мысли о его губах на моих, и от этого теплая дрожь пробегала по всему телу.

— Рад, что ты наконец согласилась поужинать со мной. Еще когда мы разговаривали на собеседовании, я подумал, что ты красивая. — Тим улыбается мне и отворачивается, следя за дорогой. — Если честно, я расстроился, когда узнал, что ты замужем.

Брр! Ну и что на это отвечать? Мне немного не по себе от того, что он разглядывал меня на собеседовании. По-моему, это немного непрофессионально. Не стоило

соглашаться на этот ужин. Я и так уже знаю, что речи о взаимной приязни здесь нет, и я не захочу с ним куда-то выйти еще раз, будет только неловко, если мне когда-нибудь придется его увольнять. Уверена, в такой ситуации он вряд ли посчитает меня привлекательной.

— Что ж, Тим, я уже говорила, что не верю в отношения между коллегами.

— Надеюсь, у меня получится заставить тебя передумать.

Я молча поворачиваюсь и смотрю в окно. Мы как раз проезжаем тату-студию Лукаса. Ну надо же, какой неподходящий момент! Вывеска перед входом в студию светится красными праздничными огоньками, а окна наверху, в его квартире, озарены золотистым светом. Мы едем дальше, и на меня накатывает грусть. Скажи я Лукасу «да», мы бы с ним сейчас, наверное, ужинали. И я бы улыбалась, глядя, как волосы падают ему на лицо, закрывая темные сексуальные глаза.

Новый ресторан набит битком. Несмотря на то, что Тим забронировал столик заранее, нам приходится полчаса подождать, пока освободится место. В зале очень шумно: из колонок гремит музыка, люди вокруг нас разговаривают, поэтому поболтать, пока мы ждем, не получается, и Тим использует это время, чтобы проверить телефон.

— Почта сыплется бесконечно, — наконец обращается он ко мне. — Сложно отвлечься от работы.

Я сочувственно улыбаюсь. Тим — инженер-электрик и, насколько я знаю, очень хороший. С тех пор как он устроился к нам на работу, отзывы о проделанной им работе приходят исключительно отличные. Он определенно не халтурщик.

— Все нормально. Я понимаю, — отвечаю я.

Наконец раздается сигнал специально выданного нам пейджера, объявляющий о том, что место освободилось, и нас провожают к столику недалеко от бара. В нашем маленьком городке не так много мест, где можно поужинать, поэтому, похоже, все желающие поесть и расслабиться стекаются сюда.

— Отлично выглядишь, — выдает Тим после того, как я снимаю зимнее пальто и сажусь за крошечный столик напротив него.

Я замечаю, как его взгляд задерживается на V-образном вырезе моего свитера. На работу я обычно не ношу вещи, которые хоть сколько-то обнажают декольте, но если уж выбираюсь куда-то, то стараюсь выглядеть по-человечески, не как офисная мышь. Однако сейчас, боюсь, мой наряд может быть понят не совсем верно. Не то чтобы у меня огромная грудь или совсем уж оголенная, но декольте все же немного открыто, и он тут же умудряется это заметить.

— Спасибо, — благодарю я, открывая меню и благоразумно держа его так, чтобы он больше не смог тарачиться на мою грудь.

Ненавижу такую мужиковатость. Если честно, внешне Тим совсем даже не урод. На самом деле он довольно симпатичный: короткие каштановые волосы подстрижены превосходно, по последней моде, и слегка взлохмачены спереди; сам он высокий, поджарый, и у него яркие, небесно-голубые глаза. Он всегда хорошо одет и выглядит так, словно только что сошел с рекламы мужской одежды. В офисе много женщин, желающих с ним пофлиртовать и неоправданно долго поторчать у него в кабинете. Я украдкой бросаю на него взгляд, пока он изучает меню. Может, я слишком строга к нему? Может, нужно просто сбросить броню, ослабить оборону? Он хороший парень — иногда немного назойливый, но все же порядочный и трудолюбивый. Линдси права. Я должна научиться давать людям шанс, а не бежать ото всех без оглядки только потому, что Пол меня обидел.

— Что закажешь? — спрашиваю я, пытаюсь сама определиться с выбором.

— Думаю, я буду стейк рибай. Давно хотел хороший стейк. А ты? Пожалуйста, не говори, что будешь салат, — шутит он.

— Думаю, возьму овощные равиоли. Звучит очень аппетитно. — Я улыбаюсь ему поверх меню.

— Что есть, то есть, — кивает он. — Я слышал, тут все вкусно готовят.

Подходит официантка, чтобы принять у нас заказ, и я прошу бокал белого вина, надеясь, что оно поможет успокоить распалившиеся нервы.

— Как у тебя дела? — спрашивает Тим. — Ну, после всего, что произошло?

От того, как он выразился, у меня ощущение, что речь идет об аварии или чрезвычайном происшествии. Как будто произошел *несчастный случай*. Интересно, народ в офисе шепчется обо мне, может, им тоже меня жаль? Хочется залезть под стол и спрятаться.

— Думаю, все в порядке. Мне и детям было непросто приспособиться к ситуации, но я постепенно привыкаю к «проклятию» одиночества, — отвечаю я с некоторой долей сарказма.

— Сколько лет твоим детям?

— Семнадцать и семь.

Он откусывает кусок булочки.

— Семнадцать? — повторяет он с набитым хлебом ртом. — Черт! Я и не думал, что твоя дочь такая взрослая.

Я киваю и делаю глоток вина.

— Да, я родила ее сразу после школы. — Интересно, с каких пор семнадцать лет считаются «таким взрослым» возрастом.

— У меня детей нет, — говорит он, беря еще одну булочку из хлебной корзинки, стоящей посреди нашего столика. — Если честно, я и представить не могу, что у меня мог бы быть ребенок-подросток в моем возрасте.

— Странно, что ты не женат. — Любопытно, почему мужчина лет тридцати пяти может быть не женат, а насколько я знаю, он даже никогда не был женат. Может быть, это знак, что он просто плейбой или не такая уж завидная партия.

— Да, — смеется он. — Я слышал, по офису ходят слухи, что я — гей.

Ну да, или еще это.

— А ты — гей?

Он смеется, запрокинув назад голову и едва не подавившись хлебом.

— Айви, могу тебя заверить, я — не гей. Просто я еще не встретил женщину, которая смогла бы заставить меня поверить, что я смогу быть верен ей остаток жизни. — Он делает глоток пива. — Если это случится, значит, так и должно быть. Если нет, я не против просто встречаться с кем-то и приятно проводить время. Чего я точно не хочу, так это жениться и потом заводить романы на стороне, потому что не был готов отказаться от разнообразия.

Я бросаю на него взгляд через стол.

— Ага, разнообразие — вещь сложная.

— Черт, Айви, прости. Я не подумал. — Он чуть не опрокидывает свой стакан.

Да, уж, очевидно, не подумал.

— Не переживай. — Я снова ловлю его похотливый взгляд на своей груди.

— Ты мне давно уже нравишься, например. Так что, кто знает, что может случиться. Возможно, тебе и удастся меня захомутать.

Хм. Нет. Я осматриваю ресторан в надежде, что официантка скоро появится с нашим заказом, и замираю, когда вдруг вижу смеющегося Лукаса, который стоит возле бара с группой людей. Красивая девушка с длинными светлыми волосами стоит рядом с ним, и они смеются. Ее рука лежит на его плече. О, Господи! Я почти залпом опрокидываю половину бокала, и тут он, словно почувствовав мой взгляд, поворачивается, чтобы встретиться со мной глазами. *Черт возьми!*

Я не имею права ревновать, но ревную. Опять. Он, видно, времени не терял, нашел-таки, с кем провести сегодня вечер, да? А я думала, что правда ему *нравлюсь*.

— Умираю с голоду. Надеюсь, еду уже скоро принесут, — объявляет Тим.

— Я тоже. Весь день ничего не ела, — рассеянно вторю ему я, расправляя салфетку на коленях.

Я бросаю еще один взгляд в сторону Лукаса и вижу, что он идет прямо к нашему столу. Ой-ей! Что-то мне подсказывает, что это не к добру.

— Привет, — говорит он, останавливаясь возле нас и улыбаясь мне. — Какой сюрприз! Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Могу сказать то же самое. — Я улыбаюсь в ответ. — Тим, это Лукас. Лукас, это Тим. Мы вместе работаем.

Лукас пожимает Тиму руку.

— Приятно познакомиться, старик, — приветствует он, но я вижу, что он стиснул зубы. У него плохо получается скрывать свои чувства.

В этот момент к столику подходит официантка с нашим ужином, и я готова ее расцеловать за то, что она выручила меня в этой неловкой ситуации.

— Ладно, не буду вам мешать, — произносит Лукас. — Приятно было снова тебя увидеть.

— Мне тоже. Хорошего вечера, — отвечаю я. Кивнув в сторону Тима на прощание, он медленно уходит обратно к бару и к своей девушке.

— Кто это? — спрашивает Тим.

— Просто друг.

— Вот этот? Не могу себе представить, что ты дружишь с кем-то, кто так выглядит. — Тим отрезает кусок стейка и смотрит на меня с удивлением.

— Почему? — интересуюсь я, оскорбленная его замечанием.

— Длинные волосы и куча татуировок? Какого черта? Как вообще такие люди находят работу? Ты же менеджер в отделе кадров, Айви. Взяла бы ты на работу парня, который так выглядит?

Я медленно прожевываю равиоли.

— Думаю, это зависит от работы, Тим. Он — тату-мастер и, очевидно, его внешний вид соответствует его профессии. Он же не преступник.

— А выглядит, как уголовник.

А ты выглядишь, как придурок.

В моей сумочке начинает пищать телефон, и я наклоняюсь, чтобы достать его, на случай, если это кто-то из детей.

На экране смс с незнакомого номера:

«Жду тебя возле туалетов».

Я поднимаю глаза и вижу, как Лукас направляется в глубину ресторана.

— Тим, прости, я отлучусь на минутку. Нужно перезвонить дочери.

— Все в порядке?

— Да, просто родительские обязанности. Я скоро вернусь.

Через забитый посетителями ресторан я пробираюсь к небольшому коридорчику, который ведет к туалетам. Лукас стоит там, ждет меня.

— Что ты творишь? — возмущаюсь я.

— То же самое я собирался у тебя спросить. Кто это такой?

— Что, прости? Почему ты считаешь, что это тебя касается? — Я поднимаю брови.

С какой стати он решил, что вправе меня расспрашивать?

— Я не считаю, что касается. Но, когда я спрашивал, ты сказала, что еще не готова ходить на свидания.

— Это не свидание. Он мой коллега.

— А похоже на свидание. — Он оборачивается, чтобы посмотреть на Тима, по-прежнему сидящего за столом, а потом снова обращается ко мне. — Ты могла бы просто сказать, что встречаешься с кем-то, Айви.

— Я с ним не встречаюсь. Да и как насчет тебя самого? Ты здесь тоже не один.

— Она просто подруга. Вообще-то, она встречается с одним из моих друзей. Я зашел сюда по дороге домой, поздороваться и пропустить стаканчик.

Меня охватывает чувство облегчения, на которое я не имею права. Внезапно он приближается, прижимает к стене своим телом и наклоняет ко мне лицо.

— Айви, послушай. Мы можем остаться здесь и весь вечер пожирать друг друга взглядами через зал, или ты можешь избавиться от своего занудного кавалера, и мы встретимся у меня дома через полчаса.

Я облизываю пересохшие губы и бросаю нервный взгляд в сторону столика, где ждет Тим. Он меня совершенно не интересуется. Вообще не стоило соглашаться на ужин с ним.

— А что потом, Лукас? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему, и наши носы соприкасаются. — Мы поцеловались один раз, и, скорее всего, тот поцелуй был ошибкой.

Дерзкая, сексуальная улыбка расплывается по его лицу.

— Я тебе уже говорил, Солнце, я ошибок не делаю. — Он наклоняется еще ниже, пока его губы не прикасаются к моей щеке. — Я создаю воспоминания, — шепчет он. — Которые ты никогда не забудешь.

Сердце у меня в груди колотится все быстрее и тяжелее.

— Лукас... пожалуйста... тебе двадцать четыре. А мне тридцать шесть...

Он быстро закрывает мне рот поцелуем.

— Тс-с... завтра можешь быть хорошей кошечкой, — шепчет он, и его ладонь медленно скользит по моей руке. — Сегодня побудь хищницей.

Я начинаю хихикать.

— Господи боже, Лукас! Не могу поверить, что ты только что это сказал.

— Да, сказал. — Он смеется вместе со мной и прислоняется лбом к моей голове. — Я от тебя без ума. Ты бы лучше поскорее согласилась поужинать со мной, а то из меня и послащавее пошлости посыплется.

Я стараюсь удержаться от смеха.

— Ты в курсе, что ты сумасшедший?

— Да, есть немного.

— Прекращай, — прошу я его, хотя сама не могу перестать улыбаться.

— Боюсь, я не могу.

Я отстраняюсь от него и поправляю свитер.

— Ты очень красивая, — говорит он. — Этот свитер подчеркивает цвет твоих глаз. Сейчас они совсем бирюзовые.

— Спасибо. — Так приятно, что он употребил слово «бирюзовые». Много ли мужчин знают, что это на самом деле за цвет? Конечно, он знает, потому что он — художник, и мне это в нем чертовски нравится. — Лукас, я не могу просто оставить Тима. Мы вместе работаем. Мне приходится каждый день его видеть. И вообще, я не грубиянка и не собираюсь ей становиться.

Он, кажется, расстроен.

— Не делай такое лицо, пожалуйста, — прошу я. — Ты сейчас выглядишь совсем как мой сын.

Он смешит меня, еще сильнее надувая губы.

— Перестань, — возмущаюсь я.

— Айви, ну какого черта! Мы бы могли сейчас сидеть и ужинать в каком-нибудь миллом, должен отметить, спокойном месте, а не в этом дурдоме. Вместо этого ты торчишь с этим позером, а я от скуки схожу с ума и не знаю, чем себя занять. А теперь я поеду домой в одиночестве и буду думать о тебе всю ночь. Не представляешь, чем я могу

заняться в одиночестве, думая о тебе. — Он хитро улыбается и намекает, приподнимая несколько раз брови.

Боже правый! Я чувствую, как с каждой минутой щеки у меня краснеют все больше.

— Ты — нахал, — замечаю я, качая головой. Он такой игривый и сексуальный, но мне это начинает нравиться.

— Тогда приезжай ко мне после того, как закончится это твое «не свидание», — предлагает он. — Я буду дома, просто буду рисовать. Покажу тебе все свои работы. У меня их целые альбомы. Бабушка сегодня дала мне с собой печенье и кексы, можем их съесть вместе.

Мне и в самом деле нужно вернуться за свой столик, а иначе Тим решит, что я его оставила.

— Лукас, нет. После этого ужина я поеду сразу домой, и мы увидимся, когда я приду на сеанс. Обещаю, что подумаю о том, чтобы поужинать с тобой, раз уж ты готов настаивать до неумолимости, но, хоть убей, не могу понять, зачем тебе это?

— Затем, что мне кажется, нам суждено быть вместе, вот зачем. — Он пожимает плечами. — Смейся, сколько хочешь. Мне все равно. Я почувствовал это в тот день, когда увидел тебя, и, хоть я и сам ни хрена не понимаю, ты как гребаный магнит. Меня тянет к тебе. Даже когда тебя нет рядом, не могу перестать о тебе думать. А когда мы вместе, все, чего мне хочется — быть еще ближе.

Я хочу сказать ему, что он рехнулся, но не могу, потому что чувствую то же самое. Может быть, мы оба выжили из ума. Как бы там ни было, мне страшно до чертиков.

— Мне правда пора идти, — шепчу я, глядя ему в глаза. — И мне совсем не смешно.

И опять, когда я ухожу прочь от него, возвращается уже знакомая тоска по нему.

— Я уже собирался идти искать тебя, — говорит Тим, когда я возвращаюсь. — Все в порядке?

Я сажусь и отпиваю немного вина.

— Прости, пожалуйста. У дочери случилась небольшая личная драма, нужно было ее успокоить.

— Кажется, твои равиоли остыли. Хочешь, позову официантку, чтобы их разогрели?

Я качаю головой и поднимаю вилку.

— Нет, все хорошо. Мне очень жаль, что пришлось так задержаться.

Он улыбается мне через столик.

— Можешь компенсировать мне неудобства.

Аж внутри все скрутило. Нет, нет, нет. Никаких «нет» не хватит, чтобы выразить, насколько этому *не бывает*.

Я заставляю себя жевать дальше. Время тянется невозможно медленно. Мы заказываем кофе и десерт, Тим рассказывает о своем новом телевизоре с плоским экраном, которому он, по-моему, чересчур рад.

Как раз когда приносят наш десерт, я бросаю еще один взгляд через зал, и вижу, как Лукас прощается с друзьями. Он быстро смотрит на меня, коротко машет рукой на прощание и затем уходит. Один.

— Ты какая-то рассеянная, — замечает Тим.

— Нет, здесь просто слишком шумно. Трудно сосредоточиться, — отвечаю я, но практически уверена, что он заметил, как я несколько раз смотрела на Лукаса. Неужели он

в самом деле сказал, что думает обо мне все время, или это мой безумный мозг нафантазировал?

Когда мы наконец уходим из ресторана, Тим спрашивает, не хочу ли я поехать к нему. Этого я не ожидала, и точно не собираюсь делать.

— Нет, спасибо. Мне действительно нужно домой.

В машине темно, но видно, что он смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Еще даже десяти нет. Зачем тебе домой?

— Моя дочь одна дома. Мне не нравится оставлять ее в одиночестве поздно вечером.

— Ей семнадцать. Думаю, она обойдется без тебя еще пару часов. Или до утра...

— Тим... не думаю, что я смогу. Извини.

— Вот уж не думал, что поведу тебя ужинать, а потом сразу повезу домой.

— Ты серьезно? — раздраженно спрашиваю я. — Сколько раз за последние несколько недель я говорила, что меня пока не интересуют свидания? К чему-то большему я пока просто не готова. Извини, что ввела тебя в заблуждение.

Он отводит взгляд от дороги и хмурится, глядя на меня.

— Когда ты в конце концов сказала «да», я решил, что ты передумала. — Он протягивает руку и кладет ее на мою ногу. На мое бедро!

Мне хочется выпрыгнуть из машины, чтобы убраться от него подальше.

— Нет, Тим, извини. Я просто пыталась проявить любезность. Думала, мы можем поужинать вместе, как друзья.

— Ну да... Но обычно это значит немного больше. Слышала про секс по дружбе? Ты, видимо, понятия не имеешь о том, как на самом деле обстоят дела в реальном мире современных отношений, да?

Я стараюсь удержаться и не отправить его куда подальше, в «реальный мир современных отношений», потому что, как ни крути, а мы все равно работаем в одной компании. Я все равно менеджер по персоналу, несмотря на идиотское решение сходить с ним куда-то, и не собираюсь опускаться до его уровня. Если современные отношения подразумевают бездумный секс на первом свидании, то я не хочу иметь с ними ничего общего.

Мы молча едем дальше, пока, наконец, он не останавливается у подъездной аллеи моего дома, где я выскакиваю из машины, поблагодарив его за ужин и хлопнув за собой дверцей.

— Мам, ты почему так рано? — удивляется Мейси, когда я вхожу в дом через парадную дверь. Они с Шелли сидят, уютно расположившись на диване, и едят попкорн, полностью поглощенные происходящим на экране телевизора.

— Просто быстро поужинала кое с кем из коллег. Вам двоим что-нибудь принести?

Обе одновременно мотают головами.

— Ладно. — Я снимаю пальто и вешаю его в гардероб в прихожей. — Я буду наверху. Приятного вам вампирского марафона.

Приняв горячий душ, я сворачиваюсь калачиком в кровати, включаю романтическую комедию и вспоминаю, что Томми не позвонил мне, чтобы сказать «спокойной ночи». Надеюсь, это значит, что он хорошо проводит время со своим отцом, но я все же чувствую себя немного забытой. То, как распалась моя семья, ужасно, но, похоже, мне придется к этому привыкнуть.

В полночь лежащий на кровати рядом со мной телефон начинает пикать. Подняв его, я провожу пальцем по экрану, щурясь от яркого света в темноте комнаты. Смс от Лукаса. Теперь я узнаю его номер и быстро сохраняю в список контактов.

«Лукас: Привет».

«Я: Уже полночь».

«Лукас: И что? Ты превратишься в тыкву? ;—)»

Улыбка расплывается у меня на лице, и я набираю ответ.

«Я: Очень смешно :)»

«Лукас: Хотел убедиться, что ты добралась домой в целости и сохранности. Мне показалось, твой кавалер или вынесет тебе мозг своим занудством, или попытается подкатить к тебе по дороге домой».

«Я: И то, и другое, но я выжила. Приехала домой и сразу легла спать. Очень увлекательно, правда?»

«Лукас: У меня тоже. Пришел домой, расселся в постели и рисовал».

«Я: Что ты рисовал?»

Проходит несколько минут, и когда я уже готова решить, что он уснул, приходит смс с фотографией. Рисунок цветными карандашами, на котором изображена красивая девушка с длинными каштановыми волосами. Волосы убраны на сторону, развиваются на ветру, и их кончики образуют крыло бабочки. Дух захватывает, как красиво. Даже рассматривая рисунок на крошечном экране своего телефона, я вижу, как потрясающе проработаны детали и как подобраны цвета.

«Я: Ничего себе! Как красиво, не передать словами. Ты очень талантлив».

«Лукас: Это для тебя».

«Я: Правда?»

«Лукас: Да. Я отдам его тебе, когда ты придешь на сеанс».

«Я: Спасибо. Мне очень нравится».

«Лукас: Так он тебя лапал?»

Ой! Он что, серьезно ревнует?

«Я: Он положил руку мне на ногу и вроде как намекнул, что надеялся на большее, поскольку угостил меня ужином».

«Лукас: Какого х?.. Вот поэтому девчонки и не доверяют мужчинам. С каких пор ужин приравнивается к согласию на минет? По крайней мере, меня не так воспитывали».

«Я: Согласна, и именно поэтому я не готова с кем-то встречаться. Я со времен старшей школы не ходила на свидания. Это было очень давно, и кое-какие вещи точно изменились».

«Лукас: Мне ты можешь доверять, Айви, ты же знаешь?»

Я смотрю на экран телефона, на маленькое зеленое облачко с его словами. Да, думаю, он не стал бы торопить и обижать меня. Несмотря на его настойчивость, он знает, когда остановиться, не выходит из себя, и с ним я не чувствую себя так, словно со мной что-то не то. Именно это мне сейчас и нужно.

«Я: Я доверяю тебе настолько, насколько сейчас способна доверять кому-либо».

«Лукас: Для начала неплохо. ;—)»

«Я: Я не ожидала, что с тобой так все случится. Просто хотела сделать тату. :/»

«Лукас: Тебе досталась бонусная программа. Я тоже не ожидал».

Я читаю его слова, и меня пробирает дрожь.

«Лукас: Когда я увидел тебя с этим парнем, у меня было такое чувство, будто меня ударили. Правда».

Забавно. Именно так я себя почувствовала, когда увидела его с той красивой девушкой.

«Я: Не знаю, что сказать. Я совсем сбита с толку происходящим».

«Лукас: Я тоже».

Клавиатура манит меня написать что-нибудь в ответ, но я в замешательстве. Меня обуревают чувства, но я не представляю, как их выразить, да и стоит ли вообще. Кажется, сейчас я играю с огнем, увлекаю Лукаса. Чего я точно не хотела бы, так это ввести его в заблуждение или саму себя поставить в ситуацию, с которой потом не справлюсь. Как этот ужас, который я устроила с Тимом и его ужином.

«Лукас: Я знаю, что тебя беспокоит разница в возрасте. Знаю, ты привыкла общаться с коротко стриженными мужчинами без пирсинга и с престижной офисной работой. Знаю, я — не тот, кого ты стала бы искать и с кем хотела бы быть. Я все понимаю».

У меня сжимается горло. Да, это правда... но он гораздо лучше всего этого. Я постепенно начинаю это понимать. Он особенный. Единственный в своем роде.

Снова пищит телефон.

«Лукас: Просто дай мне шанс. Я не накосячу. Я знаю, чего хочу. Перестань думать о возрасте и внешности. Это все неважно».

«Я: Я и не думала, что ты накосячишь. Как раз наоборот, на самом деле».

«Лукас: Хорошо».

«Я: Пора спать. Спасибо за рисунок. Жду не дождусь, когда увижу его».

«Лукас: Сладких снов».

Я бросаю телефон на край кровати и, перевернувшись, обнимаю подушку. Спать в этой комнате без Пола по-прежнему трудно. Мы жили и спали в этой комнате столько лет, что теперь, кажется, воспоминания о нем преследуют меня здесь, как будто он в любой момент войдет в дверь. Я начинаю верить, что правда нужно продать этот дом и начать все заново в новом месте, не омраченном нашей историей.

Телефон снова пищит. Качая головой и улыбаясь, я тянусь за ним, и от того, что я вижу, сердце буквально замирает. Черно-белое фото Лукаса, лежащего на застеленной черным бельем кровати. Часть его лица закрыта темными волосами, он обнажен выше пояса и весь покрыт татуировками. На шее цепочка, большой крест лежит на мускулистой груди. В комнате полумрак, и он выглядит чертовски сексуально. Палец прижат к его губам. Я с трудом отрываю взгляд от фото, чтобы прочитать, что он написал в следующем сообщении.

«Тс-с...

Забудь о тревогах, любовь моя,

Увидимся в наших снах,

Открой свое сердце, любовь моя,

Я буду носить тебя на руках.

Тс-с...

Не нужно бояться, любовь моя,

Есть только ты и я,

Если ты вдруг споткнешься, любовь моя,

Я всегда поймаю тебя.

Тс-с...»

Никто раньше не присылал мне стихи. Я перечитываю их десять... нет, двадцать раз... ладно, может, и тридцать. Они мне нравятся, хоть я и не совсем понимаю, что они значат. Я снова открываю фото, его чувственность не дает покоя. Как бы мне хотелось быть в этой кровати рядом с ним. Конечно, у него черное постельное белье. Почему-то я не удивлена.

Нужно как-то ответить, но что я могу сказать на это?

Пальцы в нерешительности замирают над клавиатурой. Написать что-нибудь милое и легкомысленное и разрядить обстановку или что-нибудь более подходящее по настроению к его романтическим ухаживаниям?

Помоги мне, Боже! Тим был прав. Я не представляю, как это делается. Когда мы встречались много лет назад, мобильных телефонов еще не было. Так вот почему Мейси не расстается со своим телефоном круглые сутки? Безумие какое-то.

«Я: Сначала фото, потом стихи — ты лишил меня дара речи. Не в состоянии здраво мыслить, чтобы ответить тебе».

«Лукас: Значит, с задачей справился. ;—)»

Ах! Он сводит меня с ума, и, мне кажется, это начинает мне нравиться.

АЙВИ

Сегодня я взяла отгул на работе, чего не случилось уже несколько лет. Решила, что схожу к своему парикмахеру, покрашу волосы и подстригусь, но к ней не пробиться в ближайшие две недели. Поэтому сейчас я стою среди стеллажей с красками для волос в местном магазинчике косметики в совершеннейшей растерянности и ошеломлении.

— Нужно просто смешать эти два тюбика вот с этим и нанести смесь на волосы, — объясняет продавщица, вручая мне три маленькие коробки. — Смешивать вот в этом, — продолжает она, подсовывая мне небольшую пластиковую чашу. — А наносить вот этим. — Она подбрасывает в кучу инструмент, похожий на маленькую щетку. — И наденьте вот это. — Добавляет черные перчатки. — А потом используйте этот кондиционер.

— И все? — спрашиваю я с сомнением. — Это очень сложно?

Она качает головой с розовыми волосами.

— Да. И все. Совсем не сложно. Я все время сама крашусь.

Не уверена, хороший ли это пример. Она выглядит, как живая модель для статьи *«двадцать способов испортить свои волосы»*.

— Я никогда раньше не красила волосы, даже в салоне, — продолжаю сомневаться я, пока иду за ней следом к кассе, прижимая к себе коробки, которые она мне вручила. Она оборачивается на секунду и смотрит на меня, как на инопланетянку.

— Оставьте на волосах на полчаса, потом смоете. Шампунем пользоваться не нужно. Кондиционер нанесете на пять минут. Потом просто высушите и уложите волосы, как обычно. Проще не бывает.

Ладно. Звучит достаточно просто.

После я заезжаю в торговый центр, покупаю несколько новых нарядов, обувь и симпатичные черные с красными сердечками шорты. Сегодня вечером у меня запись на сеанс к Лукасу, и я собираюсь согласиться поужинать с ним завтра вечером, если он все еще захочет. Я так и не смогла перестать думать о нем, и он продолжает присылать мне игривые сообщения в любое время дня и ночи. К черту разницу в возрасте. Я полна решимости в кои-то веки повеселиться.

Как только я вхожу в дом после забега по магазинам, звонит домашний телефон.

— Алло? — запыхавшись, отвечаю я, не представляя, кто сейчас может звонить на домашний, если, как правило, в это время я бываю на работе.

— Привет, это я, — говорит он. — Почему ты дома?

Я бросаю сумки с покупками на диван, раздосадованная. И приспичило же ему позвонить именно сегодня.

— Как ты узнал, что я дома, Пол?

— Я звонил тебе в офис, и твоя ассистентка сказала, что ты сегодня не вышла на работу. Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто взяла отгул, решила заняться кое-какими личными делами.

— Хм. Не похоже на тебя.

— Ты что-то хотел?

— Хотел обсудить Рождество. Это на следующей неделе.

— Я в курсе, когда Рождество, — отвечаю я, скидывая туфли и присаживаясь на диван рядом с кучей своей новой одежды.

— Мы не обсуждали, что собираемся делать с детьми.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я. От одного его голоса у меня начинается изжога.

— Ты хочешь провести с ними канун Рождества или день Рождества? Я решил, пусть выбор будет за тобой.

Он решил?

— Пол, о чем ты вообще говоришь? Дети будут со мной оба дня. Мы поедем к моей маме в канун Рождества, как всегда ездим последние восемнадцать лет, а в первый день Рождества я буду готовить праздничный завтрак и ужин. Все как обычно.

Он, что, серьезно думает, что я позволю ему забрать детей в первые праздники с тех пор, как началась эта история?

— Ну и когда, твою мать, я их увижу?

— Можешь увидеть их на следующий день после Рождества.

— Какого хрена? — он повышает голос. — Это не то же самое.

— Ну, тебе, знаешь ли, стоило подумать об этом прежде, чем бросать нас ради своей подружки. Хотя бы раз подумай о детях, Пол. Уверена, они с большим удовольствием проведут Рождество так, как привыкли. Им нравится ездить к моим родителям, получать кучу подарков. — Я прижимаю пальцы ко лбу, голова начинает раскалываться. — Да и где они будут спать? Мейси сказала, что у тебя только одна свободная спальня, и та забита одеждой Шарлен.

— В той комнате есть кровать. Нужно только привести ее в порядок и убрать кое-что.

— Хорошо, но у тебя *двое* детей.

— Тогда один из них поспит на диване.

— Им это не понравится. Не нужно расстраивать их на Рождество. Дай им привыкнуть к ситуации, прежде чем вносить еще больше сумятицы в их жизнь.

Он вздыхает на другом конце.

— Ладно. Пусть в этот раз будет по-твоему, но я собираюсь поговорить со своим адвокатом про график посещений, праздники и про летний график для Томми. И про развод тоже. Ты уже нашла адвоката? Нам придется продать дом и разделить имущество и накопления. Ты не сможешь оставить все себе.

— Я не пытаюсь оставить все себе. Это ты ушел. У меня не было права выбора, забыл?

— Ты права. Прости. Я просто вымотался.

— От чего вымотался? — У меня вырывается саркастический смешок. — От бесконечного потока удовольствий с новой подружкой?

— Слушай, мне тоже все это тяжело дается, Айви.

— Я бы рада пожалеть тебя, Пол, но не могу. Все происходящее — твое решение. А вот детям и мне приходится справляться с побочными эффектами твоего романа.

— Я не собираюсь спорить с тобой, Айви. Мы никогда раньше не скандалили.

Поверить не могу, что он это мне сказал. Хотя, надо признать, это правда. За все время наших отношений мы с Полом практически никогда не ругались. Мы всегда спокойно обсуждали проблемы и принимали решения вместе. Ни я, ни он не относимся к тому типу людей, что склонны психовать и орать на другого. Споры начались, только когда он начал «задерживаться допоздна на работе».

— Как странно, да? — удивляюсь я. — Мы никогда не ругались и всегда были счастливы вместе, а ты все равно завел роман на стороне и ушел.

Знаю, что пора прекратить отпускать такие комментарии, но это, похоже, выше моих сил.

— Айви, прошу тебя.

— Ладно. Можешь забрать детей на следующий день после Рождества. Ты должен забрать Томми на этих выходных. Заберешь его сегодня из школы? Сумка с вещами у него с собой.

Мейси решила, что не хочет проводить каждые вторые выходные в доме отца, и я ее не заставляю. Она скоро уезжает, будет учиться в колледже. Я не могу силой заставить ее проводить выходные с Полом и его девушкой.

— Да, я заеду, заберу его.

Не уверена, что стоит задавать ему вопрос, который крутится в голове.

— Пол... — Я закусываю губу. — Как Томми чувствует себя, когда он с тобой?

Он некоторое время молчит, не отвечает, это вызывает у меня подозрение, что его ответ мне не понравится.

— Ну... он, кажется, в замешательстве. Часто просит меня отвезти его домой. Спрашивает, почему я не прихожу домой. Ему всего семь, Айви, он вряд ли на самом деле понимает, что происходит, но, думаю, со временем все наладится. Шарлен очень старается быть с ним помягче.

Я высыпаю содержимое пакета из магазина косметики на журнальный столик.

— Старается быть помягче? — повторяю я. — Ей это так трудно?

— Она не привыкла общаться с детьми, не ожидала, что будет иметь дело с семилеткой на выходных. Мы разберемся.

Так и двинула бы им обоим. Как можно быть такими беспечными эгоистами?

— У нее был роман с женатым человеком, у которого двое детей, — напоминаю ему я, с трудом удерживаясь, чтобы не повысить голос. — Очевидно, она рассчитывала, что в один прекрасный день ты меня бросишь. А что, по ее мнению, должно было случиться с твоими детьми?

— Я не знаю.

— Полагаю, именно так все получается, когда встречаешься с кем-то младше себя и без детей, — замечаю я, и тут же примеряю слова на себя. Интересно, меня тоже ждет подобное, если я буду встречаться с Лукасом?

— Шарлен любит детей. Просто трудно привыкнуть вот так сразу.

Бедняжка Шарлен.

— Мне пора бежать. У меня планы сегодня вечером, а еще нужно кое-что сделать. Пожалуйста, напомни Томми позвонить мне перед сном. Хочу сказать ему «спокойной ночи».

— Чем будешь заниматься вечером? — допытывается Пол. Кажется, внезапно разговор стал ему интересен, но я не собираюсь делиться с ним информацией о своей личной жизни. Его она больше не касается, а мне ни к чему слушать его негативные комментарии. Я слишком долго работала над уверенностью в себе, чтобы позволить ему ее растоптать.

— Не твое дело. Пока. — Я заканчиваю разговор и сразу замечаю на экране мобильного сообщение от Лукаса.

«Лукас: Тук-тук!»

«Я: Кто там?»

«Лукас: Оладушки!»

«Я: Что за оладушки?»

«Лукас: О, ладушки, увидимся сегодня вечером? ;—)»

Хихикая, я набираю ответ.

«Я: Ладушки. Ты такой смешной!»

Милая эсэмэска тут же поднимает мне настроение, похоже, у него талант. Невозможно кукситься, когда рядом Лукас.

Я сгребаю баракло для волос, несу его в ванную и раскладываю на столике рядом с раковиной. Смешав содержимое тюбиков и сменив блузку на старую футболку, я тщательно расчесываю волосы и надеваю перчатки из черного латекса, которые напоминают те, что использует Лукас во время работы.

Смесь густая и цвет у нее странный, красновато-розовый, но девушка-продавец заверила меня, что на волосах получится крутой рыжевато-каштановый, который я хочу.

Я начинаю наносить краску на волосы, используя маленькую черную кисточку. Прокрасить переднюю часть волос вокруг лица оказалось легко, но, когда я дохожу до частей по бокам и сзади, становится все труднее разобрать, прошла ли я по всем прядям, потому что волосы у меня довольно длинные и густые. Кисточка — штука совершенно бесполезная, поэтому я убираю ее к чертям и пальцами пытаюсь распределить комки вязкой цветной массы по волосам. Краска очень быстро становится липкой, а потом затвердевает, волосы окончательно спутываются, и разделить пряди теперь совсем невозможно. Как вообще после этого кошмара волосы могут снова стать мягкими и шелковистыми? Да ни за что!

Не имея понятия, прокрасились ли волосы на затылке, я наклоняю голову вниз и наношу еще треклятой смеси пальцами, в ужасе от того, что процедура оказалась такой небыстрой. Что, если полчаса уже прошло? И вообще, с какого момента начинать отсчет: когда волосы полностью прокрашены или когда процесс только начат? Зачем я вообще это сделала? Серые волосы уж наверняка лучше, чем этот ужас.

— Мам, что ты делаешь?

Я поднимаю голову и вижу Мейси, стоящую в дверях с широко распахнутыми глазами.

— Я хотела покрасить волосы, но, кажется, не получилось. По-моему, я пропустила несколько прядей, но не знаю точно, в каком месте, а теперь все слиплось и... затвердело. — Я показываю ей руки в перчатках, залепанных розовой краской, с прилипшими к ней выпавшими волосками. — И, кажется, у меня волосы начали отваливаться!

Она тут же подскакивает ко мне.

— Господи! Мам, тебе нужна помощь!

Я киваю, чувствуя себя нелепо.

— Боюсь, я уже все испортила. Только посмотри, сколько волос повыпало! Кажется, я теперь облысею.

— Мам, все в порядке. — Дает о себе знать милая и добрая часть моей дочери. — Я часто крашу волосы Шелли. Все нормально. Давай я доделаю.

Я присаживаюсь на крышку унитаза, и Мейси берет дело в свои руки.

— По-моему, я никогда раньше не видела, как ты плачешь, — мягко замечает она.

Дотянувшись до бумажного носового платка, я вытираю глаза.

— Знаю. Просто не думала, что это окажется так сложно. Продавщица в магазине так просто все объясняла. Сказала, что нужно просто все смешать, нанести и смыть. И ни разу не упомянула, что все слипнется. Я решила, что смесь будет похожа на кондиционер для волос.

— Не переживай. Я прослежу, чтобы выглядело зашибенски.

— Ты вернулась раньше, чем обычно? — интересуюсь я, не в курсе, который сейчас час. Сколько я тут просидела и провозилась с волосами?

— Нет, я каждый день прихожу домой в два. Я заволновалась, когда увидела твою машину перед домом.

Впервые в жизни я чувствую, что моя дочь уже взрослая. Она рассказывает о том, как прошел ее день, пока занимается моими волосами, и мои страхи отступают. Мы вместе ждем, пока подействует краска, а потом Мейси помогает мне перейти к раковине на кухне и промыть волосы.

— Как считаешь, нормально будет выглядеть? — докапываюсь я, все еще не уверенная, какой цвет волос в итоге получится.

— Я считаю, будет зашибись, мама. Пойду принесу какой-нибудь крем для лица. У тебя вся шея в краске. — Пока я пытаюсь сообразить, что это значит, она убегает в ванную. — Нужно нанести его на шею и лицо вокруг волос, потому что краска окрашивает и кожу тоже, — объясняет она, когда возвращается обратно.

Уверена, я побледнела от ужаса.

— Что? Ты серьезно? Продавщица меня об этом не предупредила.

— Да, и лицо и шея сбоку — все в краске.

— Вот дерьмо! Можешь стереть?

— Мам, ты же никогда не ругаешься! — смеется Мейси. — Что с тобой? Плачешь, ругаешься. Красишь волосы? — Она протирает мой лоб ватным диском с кремом. — Это из-за папы? Что-то произошло?

— Ничего не произошло. — Я качаю головой.

Она продолжает тереть ватой мое лицо и шею.

— У тебя же сегодня сеанс в тату-салоне? — уточняет она, вопросительно приподняв одну идеальную бровь.

— Да, ну и что?

— Думаю, тебе нужно принять душ, чтобы смыть то, что осталось, и, наверное, протри еще лосьоном с гаммелисом. Я раньше им протираю, чтобы убрать пятна.

— Хорошо. — Я бросаю взгляд на часы. Три часа пополудни. Мой визит назначен на шесть, есть еще время спокойно принять душ и перекусить, точно не опоздаю.

Мейси выбрасывает ватку в ведро и споласкивает раковину.

— Мам, знаешь, если ты немного расслабишься и порадуешься жизни, ничего не случится.

— Мейси...

— Я видела, как ты улыбаешься, когда смотришь в телефон, — перебивает она. — Видела новые шмотки в гостиной. Не обязательно все от нас скрывать. Мы с Томми хотим, чтобы ты была счастлива.

Я быстро обнимаю свою девочку.

— Спасибо, родная. Твои слова для меня очень много значат. Жизнь сейчас не самая простая.

Когда я возвращаюсь в ванную, чтобы принять душ, в ужасе замечаю, что забрызгала краской для волос пол, а несколько капель попало на стены и на раковину из фарфора. Как, блин, я только умудрилась? Притащив флакон жидкого очистителя из кухни, я яростно тру заляпанные места, но краска почти не сходит, вместо нее на полу и стене остаются бледно-красные разводы. Вот дерьмо! Пол впадет в истерику, когда увидит это, раз он хочет продать дом.

Я даю себе обещание больше никогда ничего не делать с волосами. Кажется, седина безопаснее, чем этот арт-проект, в который я превратила собственную голову. Да и новый цвет, скорее всего, даже будет незаметным.

ЛУКАС

Мой кузен Шторм — ведущий гитарист в «Эшес и Эмберс», улетной рок-группе, в которой играют его братья и мой брат Вэндал. Когда Шторм узнал, что я играю на скрипке и фортепиано, ему в голову пришла потрясающая идея добавить в несколько композиций, над которыми группа работает сейчас, элементы классической музыки в метал-обработке. Я записал с ними в студии несколько минусов для этих песен и согласился играть с ними на концертах в местных клубах, где они время от времени выступают.

Я люблю музыку, но тату-салон мне нравится больше. Иметь собственный бизнес и постоянный доход — моя давняя мечта. Я никогда особо не верил, что у меня это получится. Можете называть меня занудой, но мне нравится стабильность. Хотя многие люди посчитали бы, что образ жизни рок-звезды и разъезды по стране — или по миру — сплошная сказка, мне это не нужно. Такая жизнь только даст пищу демонам у меня в голове и разворошит мои старые проблемы с чувством неустроенности и ненужности. Я вижу, как Вэндалу приходится разрываться между группой, работой в студии и заботой о дочери, и не хочу так же рвать на части себя.

И поэтому Шторм сейчас здесь, хочет убедиться, что я сыграю с ними через пару недель в клубе на другом конце города.

— Я же сказал, что приду, старик, — уверяю я его, кажется, уже в десятый раз.

Он взвинчен и, как обычно, слегка на нервах.

— Тут особый случай. Я собираюсь спеть песню для Эви, — сообщает он, повсюду следуя за мной, как маленький ребенок.

Я на минуту прекращаю наводить порядок на своем рабочем месте и поднимаю на него взгляд, пытаюсь вспомнить, почему это имя кажется мне знакомым.

— Девушка из снежной бури? — уточняю я.

— Именно она. — Он кивает и хлопает меня по плечу. — Я должен ее заполучить, Лукас. Я, твою мать, с ума по ней схожу. А твое вступление к этой песне просто крышесносное.

— Будет очень классно. Не переживай. Так и что там с этой девчонкой?

Он прислоняется спиной к стене, поверх моих картин.

— Есть у нее гребаный мудила — бойфренд. Она с ним, блядь, уже полсотни лет вместе, — рассказывает он, закатывая глаза. — Но она несчастна с ним.

— Ты в этом уверен? Это твоя оценка ситуации или ее собственная?

— Не парь меня своими, твою мать, сложными выражениями. — Шторм бросает на меня свирепый взгляд. — Она несчастна. Точка. Я это знаю, и она это знает. Мне нужно просто заставить ее это признать.

— Знакомое чувство.

Раздается звон колокольчика на входной двери, означающий, что Айви уже здесь. Наконец-то.

— Слушай, это моя следующая клиентка. Тебе пора валить, Шторм.

Он поворачивается в сторону приемной и ухмыляется.

— Та, о которой ты рассказывал? Телочка постарше? — спрашивает он приглушенным голосом, наклонившись поближе ко мне.

— Да. Исчезни. — Я выталкиваю его из рабочей зоны.

Вместе мы выходим в приемную, где Айви сидит в одном из красных бархатных кресел. Выглядит она просто охренительно. Волосы у нее теперь рыжеватого цвета, она улыбается нам, и лицо ее буквально светится.

— Привет, — весело приветствует она, когда замечает нас.

— Привет, Айви. Позволь познакомиться тебя с моим кузенком, Штурмом. Штурм, это Айви.

Штурм пожимает ее руку и поворачивается ко мне.

— Ты был прав, чувак. Она красotka.

Я ему задницу надеру, если он будет смущать меня. Или ее.

— Приятно познакомиться, Штурм. — Айви смеется. — Мне нравится твое имя.

— Да, ему очень подходит, — перебиваю я, усмехаясь. — Он уже уходит.

Штурм поднимает руки, словно сдаваясь.

— Да понял я, понял. Ухожу. Скоро увидимся, старик. — Он поворачивается ко мне, а потом опускает взгляд на Айви. — И, надеюсь, с тобой тоже. Отличных тебе праздников.

— Тебе тоже.

Я запираю за Штурмом дверь, чтобы никто случайно не забрел в студию, и наконец обращаю все свое внимание на Айви.

— Ты великолепно выглядишь, — замечаю я. — Обалденный цвет волос.

Она улыбается, ненадолго опуская взгляд, и ее щеки заметно розовеют.

— Спасибо. Дочка помогла мне их покрасить.

— Мне очень нравится. Ладно. Пойдем в кабинет.

Черт, я хочу притянуть ее к себе, обнять, поцеловать и просто забыть на какое-то время о тату. В этот раз, переодевшись, она выходит из ванной в симпатичных черных шортах с красными сердечками. Айви сегодня другая, и мне по душе эти изменения. Она стала увереннее в себе и, надеюсь, я этому поспособствовал.

После того, как она устраивается в кожаном кресле, я подъезжаю к ней на стуле и нежно провожу рукой по татуировке, которая вьется по ее ноге и превосходно выглядит.

— Это ты для меня надела? — тихо спрашиваю я, когда мои пальцы слегка касаются края ее шорт. — Мне нравится.

Она кивает, застенчиво улыбается, и от этой улыбки мое желание распаляется еще больше. Ее застенчивость здорово заводит.

Айви наблюдает за тем, как моя рука останавливается на внешней стороне ее бедра.

— Я сегодня все закончу, и мне бы очень не хотелось, чтобы это был последний раз, когда мы видимся. — Я всматриваюсь в ее лицо, в широко распахнутые глаза, и она закусывает нижнюю губу. — Ну так что, куколка? Поужинаешь со мной завтра вечером? Пора вывести тебя из режима «клиент-мастер».

Она кивает, не говоря ни слова.

— Ты уверена? — настаиваю я, и она снова кивает.

Я позволяю себе легко провести пальцами под краем ее шорт, прикасаясь к ее шелковистому бедру, и глаза ее тут же покрываются поволокой. Наклонившись, я целую ее ногу чуть выше колена, и у нее вырывается легкий вздох. Черт, ее так легко завести. Я сгибаю ее ногу, целую чувствительное место за коленкой, а после медленно провожу губами по внутренней стороне ее бедра, словно пробуя ее нежное тело на вкус; остановившись всего в нескольких сантиметрах от вершины ее бедер, слегка задеваю кожу зубами.

— Лукас... — шепчет она. Ее рука ложится мне на голову, пальцы зарываются в мои волосы, и все, чего мне хочется, это почувствовать, как она резко вцепляется в них и услышать, как она стонет мое имя, когда я дарю ей ту ласку, которой она заслуживает и по которой так изголодалась. Больше всего я хочу подарить этой женщине свое сердце, тело и душу, и надеяться, что она в ответ подарит мне свое сердце.

Я поднимаю голову и ловлю ее взгляд.

— Я не собираюсь делать это вот так. — Я выпрямляюсь и нехотя отодвигаюсь от нее, что для меня сейчас настоящая пытка. Как бы сильно я ее ни хотел, забавляться с ней на гребаном рабочем кресле я не буду. Здесь я работаю. Я уже и без того не раз вышел за рамки приличий. И, что гораздо важнее, я хочу, чтобы это случилось в правильном месте и в правильное время.

— Что-то не так? — спрашивает она с некоторой нервозностью в голосе.

— Совсем нет. Просто не хочу начинать то, что не смогу закончить так, как следует. Я хочу настоящее свидание с тобой, и, если мы решим двигаться дальше, я стопудово не хочу делать это здесь, на своем рабочем месте. Я хочу тебя в своей постели, и хочу, чтобы у нас было много времени.

Ее губы слегка приоткрываются, но она не произносит ни слова, а вместо этого молча кивает. Хотел бы я, чтобы она поговорила со мной вместо того, чтобы кивать все время, но мысль, что это я на нее произвожу такой эффект, что она даже говорить не в состоянии, интригует. Это значит, что она *чувствует* ко мне что-то, а именно этого я и хочу.

Потянувшись через стол, я достаю заключенный в рамку рисунок девушки с бабочкой в волосах, который сделал для нее.

— Это тебе. Не забудь забрать домой.

— Ты даже в рамку вставил? Не нужно было. — Она берет у меня картину и долго рассматривает ее, расположив у себя на коленях. — Мне очень нравится, Лукас. Она восхитительная.

— Я тебя так вижу.

Она замирает, приоткрывая рот, опять не в состоянии вымолвить ни слова. Никогда еще не встречал женщину, которой так легко угодить.

— Знаешь, мой кузен Шторм, с которым ты только что познакомилась. — Я беру тату-машинку и готовлюсь приступить к работе. — Несколько недель назад он застрял в снежном шторме в машине с девушкой, которую подобрал на обочине. Ее машина вылетела в кювет.

— Что? Ты серьезно?

— Ага. Они все выходные проторчали взаперти в его пикапе. — Хотелось бы мне застрять в машине с Айви на два дня... Сколько всяких штук можно было бы придумать, чтобы ее согреть... Блядь, одному Шторму вечно везет.

— Он был с ней знаком?

— Нет, совсем не был, — качаю я головой. — И, полагаю, обстановка там слегка накалилась, если ты понимаешь, о чем я. Теперь он на нее запал, но выяснилось, что у нее уже давно есть бойфренд.

— Ой, ни фиги себе. Дурдом. И что он будет делать?

— То же самое, что я пытаюсь делать с тобой. Постарается влюбить ее в себя.

Клянусь, мне кажется, она даже дышать перестала, пытаюсь осознать смысл моих слов. Спустя какое-то время она наконец реагирует, робко улыбнувшись.

— Вряд ли вам обоим придется очень стараться, Лукас.

У меня начинают дрожать руки, крышу сносит от мысли о том, на что она намекает. Приходится отложить машинку и перестать работать, пока я и в самом деле не запарол ее татуировку.

— На следующей неделе после Рождества его группа будет играть в клубе недалеко отсюда. Мне было бы очень приятно, если бы ты пошла со мной. — Если она скажет «да», то у меня появится прекрасная возможность показать ей, что я, помимо прочего, еще и музыкант. Не придется просто рассказывать об этом. Мне вроде как хочется ее удивить и просто дать послушать, как я играю.

— Это концерт?

— Да, но небольшой. В клубе. Думаю, тебе понравится. В группе играет мой брат и все мои кузены. И девушка из снежного шторма тоже там будет.

— Хорошо, — неуверенно соглашается она. — Я пойду с тобой. Мне будет очень приятно познакомиться с твоими родными и послушать, как они играют.

Тату-машинка застывает над ее ногой, и я смотрю вверх на нее сквозь пелену упавших на мое лицо волос.

— Черт, ты не представляешь, как я счастлив, что сейчас ты наконец-таки говоришь мне «да», Айви. Я приглашал тебя раз сто, и уже начал чувствовать себя назойливым нежеланным ухажером с придурью.

Она немного ерзает на месте, слегка передвигает ноги в сторону.

— Мне все равно немного не по себе из-за разницы в возрасте, но ты попросил дать тебе шанс, и я как раз это и делаю. — Она сжимает край кресла, пока я набиваю тату над ее лодыжкой. — Тебе невозможно отказать, — добавляет она.

— Знаю, это место болочее, но я закончу через пару сек, — обещаю я, стараясь держать ее ногу ровно. — Так ты считаешь, что я неотразим?

— Ты что, на комплименты напрашиваешься, Лукас? — Она одаривает меня очаровательной улыбкой.

— Самым бессовестным образом.

— Да, ты неотразим. Доволен?

— Невероятно. И, знаешь еще что? Мы закончили. — Я откатываюсь от нее на стуле и кладу тату-машинку на рабочую скамью.

— Правда? Все готово? — Ее лицо сияет от радостного удивления.

— Ага. Подойди к зеркалу в полный рост и посмотри. Дай знать, если хочешь что-нибудь добавить.

Она подбегает к зеркалу и рассматривает татуировку, которая вьется с самого верха ее бедра вниз к лодыжке. Рисунок очень красивый, и я очень горжусь Айви, потому что она решила сразу сделать такую большую тату.

— Мне так нравится! — верещит она.

Я подхожу к ней сзади, обнимаю ее и заглядываю в зеркало поверх ее плеча, глядя на нас двоих. Она замирает, а потом слегка прижимается ко мне спиной, льнет ко мне. Наши тела подходят друг другу идеально.

— Ты очень красивая, — шепчу я ей на ушко. — Только посмотри на нас, Айви. — Я медленно опускаю руку и кладу ладонь ей на бедро. — Мы отлично смотримся вместе.

Она кивает, как зачарованная, наблюдая в зеркало, как моя ладонь скользит по ее животу. Покрытая татуировками рука на фоне ее белоснежной блузки выглядит немного дико, хотелось бы мне сфотографировать нас двоих сейчас, вот так. Я провожу ладонью по ложбинке посередине ее груди, вверх к шее, по щеке и затем разворачиваю ее лицо к себе. Ее глаза цвета морской волны темнеют, веки закрываются, и когда я тихонько целую ее, нежный вздох срывается с ее губ.

Когда я отодвигаюсь от нее, она открывает глаза и несколько раз моргает.

— Как ты это делаешь? — задыхаясь, шепчет она.

— Делаю что? — Я разворачиваю ее лицом к себе, не разрывая объятий.

— Не знаю... с тобой рядом у меня такое чувство, будто я во сне. Не представляю, как объяснить это иначе.

Я убираю волосы с ее лица и заправляю пряди ей за ушко.

— Подумай о том, как будет, когда я стану заниматься с тобой любовью.

Она кладет руки мне на грудь и смотрит на черное распятие, которое висит у меня на шее.

— Я боюсь об этом думать. — Голос у нее неуверенный, пальцы дрожат, когда она трогает мою цепочку.

— Почему? — Я глажу ее по волосам, не заставляю смотреть на меня. Мне очень хочется успокоить ее; я вижу, что она опять пытается переступить какую-то внутреннюю границу.

— Просто я... Это очень непросто.

— Айви, мне ты можешь сказать все, что думаешь. — Я целую ее макушку. — Я надеялся, ты уже поняла, что я люблю поболтать. Не отстраняйся от меня — я с ума сойду. Что бы ты там себе ни напридумывала, выкладывай как есть и будем разбираться.

— Просто я... переживаю. — Она глубоко вздыхает. — Я только с одним мужчиной была, а ты гораздо... опытнее. Чем он. Это сразу понятно по тому, как ты целуешься, прикасаешься. И моя фигура... Я двоих детей родила...

Пожалуй, не буду рассказывать ей, что моей первой женщиной была двадцатидвухлетняя фитнес-модель, и мне было всего шестнадцать, когда мы с ней замутили. Эрика была сестрой моего лучшего друга Финна, и я много времени проводил у них в доме. Да, по целой куче причин это было не очень красиво с моей стороны, но я много узнал о том, чего хотят женщины, как сводить их с ума, как и когда нужно притормозить, и как трахать до потери сознания, если им хочется грубого секса. Эрика помогла мне преодолеть застенчивость, стать увереннее в себе, что в тот момент было мне так необходимо. О любви там речи не шло, но мы друг другу нравились и неплохо проводили время. Она переехала в Англию несколько лет назад, и сейчас счастлива замужем.

Обхватив нежно руками лицо Айви, я заставляю ее поднять голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Тебе не о чем переживать. Меня и так тянет к тебе, как будто я, твою мать, сумасшедший. И я не такой ограниченный. Меня интересует не только внешность. Хотя, для информации, я считаю, что ты очень красивая и сексуальная, и очаровательная. Я раз сто мастурбировал, думая о тебе.

— Лукас! — Выражение абсолютного шока на ее лице — бесценное зрелище.

— Ну, ты должна была это услышать, иначе не поверила бы в то, что я сказал. Я беру ее руку в свою, направляя ее между нами, и прижимаю ее ладонь к своему твердому как камень члену. — Чувствуешь? Член не врет, детка. Это все из-за тебя.

Ее глаза округляются, как две монеты.

— Твою мать... — едва слышно шепчет она, в смущении отдергивая руку.

— Я хочу, чтобы ты прикоснулась ко мне, но только тогда, когда будешь готова. Я, наверное, буду тебя немного подталкивать, но это только потому, что хочу тебя. Все, что между нами произойдет, случится только тогда, когда ты этого захочешь, хорошо? — Она кивает и нервно глотает. — Попросишь остановиться, я остановлюсь. Так будет всегда. И чтобы ты знала, есть у меня заморочка, я хочу быть с девушкой, у которой нет богатого опыта, но в то же время не хочу встречаться с малолеткой или инфантильной девчонкой. Так что... Ты. Для меня. Совершенство.

— Ты слишком хороший, аж не верится. Что-то с тобой должно быть не так... — Она качает головой и улыбается.

— Поверь мне, со мной много чего не так, Айви. Я очень ревнивый. Большую часть жизни борюсь с депрессией. Три месяца жил на помойке. Верю в херню, в которую большинство людей не верит. Я — изгой. Редко что-то люблю, но уж если люблю, то всем сердцем и до боли.

Айви ловит каждое слово, все крепче сжимая меня в объятиях.

— Хочу узнать, как это — любить до боли, — шепчет она, глядя на меня невинными глазами из-под длинных темных ресниц.

— Уверен, что узнаешь, куколка. — Я притягиваю ее ближе и крепко прижимаю к себе, чтобы она снова почувствовала меня.

Она поднимается на носочки и целует меня в щеку.

— Я хочу добавить кое-что к своей татуировке, — произносит она, высвободившись из моих объятий и направляясь к креслу.

— Ладно, говори что. — Нахмурившись, направляюсь я за ней.

— Хочу добавить маленькие буквы X и O¹, как напоминание о тебе, потому что ты лучше всех на свете целуешься и обнимаешься.

Не ожидал, что она это попросит. Я думал, она захочет нарисовать еще одну бабочку или, может быть, еще один маленький цветок, но никак не мог представить, что она решится на что-то, особенное для нас двоих.

— Ты уверена? — уточняю я.

— Абсолютно. — Она воодушевленно качает головой в знак согласия. — Решай сам, в каком месте будет лучше.

— Я польщен, знаешь ли.

Я беру тату-машинку и выискиваю подходящее место на ее ноге, куда можно было бы добавить две буквы, не отвлекая внимание от основного рисунка.

— Ну вот, — объявляю я, закончив. — Теперь мои объятия и поцелуи останутся на твоём теле навсегда, — подтруниваю я.

— Я этого и хочу.

Я встаю и убираю на место инструменты. Боюсь, если сейчас не буду соблюдать дистанцию, то наброшусь на нее прямо здесь.

— Поосторожнее со своими желаниями, — предупреждаю я, бросая на нее взгляд через плечо. — Можешь получить то, что хотела.

Как обычно, проводив Айви до парковки, я урываю на прощание горячий поцелуй, от которого кровь бешеным потоком несется по венам. Знаю, уснуть не получится, поэтому достаю скрипку и пробую наиграть несколько новых мелодий, над которыми работаю уже какое-то время. Вибрация струн действует на меня умиротворяюще, как всегда. Несмотря на то, что я купил новую скрипку несколько лет назад на деньги из наследства, я все еще играю на своей первой скрипке — на той, что нашел на чердаке у прабабушки и прадеда, когда мне было семь, и на которой учился играть. Она очень старая, и я понятия не имею, кому она изначально принадлежала, но она точно одна из лучших. Два года назад я возил ее в Лондон к известному скрипичному мастеру, чтобы отреставрировать. Он умолял продать ее ему и предложил совершенно безумную сумму денег. Я отказался. Эта скрипка слишком много для меня значит, я не могу с ней расстаться, и неважно, сколько она стоит. Деньги мне не нужны, а вот вещи, которые успокаивают и приносят покой в мою жизнь, нужны очень сильно.

Айви. Она возбуждает меня, но в то же время дарит совершенно новое чувство умиротворенности, которого я раньше не испытывал даже от искусства и музыки. Побороть желание взять ее на руки, подняться сюда, в свою квартиру, и остаться вместе на всю ночь, было невыносимо трудно, но оно того стоит.

Завтра вечером она будет здесь, и я жду не дожусь возможности привести ее в свое личное пространство, наполненное вещами, которые я люблю.

Позже, убрав скрипку обратно в чехол, я посылаю Айви сообщение.

«Я: Завтра уже наступило?»

К тому времени, как восемь минут спустя от нее приходит ответ, я уже в кровати.

«Айви: Технически, да, сейчас за полночь вчера, что на самом деле уже завтра, то есть сегодня».

«Я: Твою мать, у меня мозг заболел».

«Айви: LOL»

1 Прим. пер.: XO в текстовых сообщениях, обозначает «целую, обнимаю».

«Я: Что ты делаешь?»

«Айви: Лежу в постели».

«Я: Я тоже. Ты думала обо мне?»

«Айви: А ты как думаешь?»

«Я: Думаю, да ;)»

«Айви: Тогда, значит, думала :)»

«Я: Не переставай».

«Айви: Разве это возможно? Ты же неотразим, забыл?»

«Я: Я говорил тебе, какая ты сегодня красивая?»

«Айви: Да, спасибо. У меня от тебя мурашки по всему телу».

«Я: Это хорошо или плохо?»

«Айви: Определенно хорошо :)»

«Я: Тогда готовься. У меня для тебя еще много мурашек ;)~»

АЙВИ

Лукас хотел заехать за мной, чтобы привезти к себе домой на ужин, но мне показалось, это глупо, и я настояла, что приеду сама. Его рыцарство очень милое, но я предпочитаю, чтобы машина была под рукой на случай, если по какой-то причине я захочу уйти. Линдси наорала на меня, когда я рассказала ей об этом в разговоре чуть раньше, сказала, что я упрямая и должна быть благодарна, поскольку Лукас хорошо воспитан, после чего положила трубку, напомнив на прощание, что нужно непременно забраться на него.

Когда он открывает дверь, и я вижу, во что он одет, кажется, еще немного влюбляюсь в него. На нем черная классическая рубашка, выцветшие джинсы и белые кеды «Конверс». Повседневные, сексуальные образы, похоже, даются ему легко, без всяких усилий. А кеды задевают за живое ту девочку-старшеклассницу, что все еще живет где-то внутри меня.

— Ты такая хорошенькая, — говорит он, затягивая меня внутрь и закрывая за мной дверь. За руку он ведет меня в гостиную. — Располагайся поудобнее. Я проверю, как там ужин.

— Ладно.

Сняв пальто и отложив его на ручку дивана, я осматриваю его жилище. Дом очень красивый и необычный, как я себе и представляла.

Старую каменную церковь, в которой он живет, превратили в двухэтажный дом. Тату-студия занимает примерно половину первого этажа, вторая половина теперь эта огромная гостиная, кухня, столовая зона и ванная. Тату-студия полностью отделена от остальной части дома, у нее отдельный вход со стороны фасада. Наверх, где, как я предполагаю, находятся спальни, ведет красивая лестница. Деревянные перила окаймляют часть второго этажа, похожего на лофт, отчего создается впечатление, что помещение очень просторное.

— Помощь нужна? — кричу я в сторону кухни.

— Нет! — кричит в ответ Лукас.

Я продолжаю рассматривать обстановку дома: покрытые морилкой деревянные балки на потолке и стенах, темные паркетные полы с цветными ковриками под большим, обитым черной кожей диваном и журнальным столиком из красного дерева, два характерных фиолетовых бархатных кресла неподалеку, развернутых к огромному телевизору с плоским экраном, висящему на стене. Неподвластные времени, прекрасные окна с витражами дарят комнате теплое, разноцветное сияние. Комнаты разделены широкими арками с каменными элементами. Дух захватывает, как изысканно выглядит все вокруг. Такие дома обычно видишь только в фэнтези фильмах.

Я медленно обхожу гостиную, восхищаясь картинами на стенах, безупречно расставленными статуэтками и безделушками, легко провожу пальцами по поверхности антикварной мебели. Помню, как Лукас рассказывал, что ему нравится чувствовать глубину этих сокровищ. Мне тоже хочется почувствовать то, что чувствует он.

— Привет.

Я подсакиваю на метр от неожиданности, а затем наклоняюсь вперед, не в состоянии поверить в то, что вижу... *и слышу*. Передо мной огромная черная металлическая клетка на мраморной подставке, а в ней ворон. Настоящий ворон. Я подхожу на шаг ближе к великолепной птице, которая тоже разглядывает меня своими янтарными глазками.

— Ну, привет, — отвечаю я как замороженная. Бесподобно красивая, черная, как сама ночь, птица наклоняет ко мне голову.

— Не разговаривай с ним! — кричит из кухни Лукас.

— Я красивая птичка, — оповещает ворон.

Ого, ни фиги себе! Он просто невероятный.

— Привет, красивая птичка, — тихонько отвечаю я.

Птица склоняет голову на бок и смотрит на меня.

— Не разговаривай с ним, — говорит она, копируя голос Лукаса. *В точности.* Каким-то образом ворон идеально сымитировал слегка хрипловатый голос Лукаса, что одновременно и странно, и круто, и довольно дико.

— Вижу, ты познакомилась с Рэем. — Лукас пересекает комнату и становится рядом со мной. — Рядом с ним нужно быть осторожнее. Он все повторяет.

— Лукас, он потрясающий! — Я поворачиваюсь к нему в изумлении. — Почему ты о нем не говорил?

— Он потрясающий, — говорит птица, практически в точности копируя мой собственный голос.

— О, боже! — восклицаю я. — Я никогда раньше ничего подобного не видела.

— Да, он классный, но в то же время настоящая заноза в заднице. — Лукас проводит рукой по волосам. — Иногда, когда бывает настроение, он болтает без умолку и повторяет все, что я говорю. Это прикольно только иногда, поверь мне.

Я таращусь на птицу, жду, когда он что-нибудь скажет, и, похоже, он делает то же самое. Рэй поднимает свои маленькие крылышки и резко семенит по своей жердочке поближе ко мне.

— Он мне так нравится! Понятия не имела, что они умеют разговаривать. Это — ворон? — Я просовываю палец между прутьев клетки и нежно глажу его крыло.

— Да, ворон. Я нашел его маленьким птенчиком несколько лет назад. У него крыло было сломано, и я принес его домой, чтобы полечить, а когда он начал повторять все, что я говорю, не смог его отпустить. Слишком привязался к нему. Мне кажется, он какой-то недорослик, не очень сильно вырос. И, да, некоторые могут научиться разговаривать, и, как видишь, обладают удивительной способностью копировать голоса и звуки. Какое-то время он копировал рингтон на моем телефоне.

— Потрясающе, — резко выкрикивает Рэй, очевидно, от радости.

— Ну ладно, хватит с него. — Лукас берет меня за руку и тянет прочь от птицы. — Если ему уделять слишком много внимания, он потом не заткнется. Я хочу поговорить с тобой спокойно, без его болтовни в качестве шумового сопровождения.

— Его трудно игнорировать. — Я не могу удержаться от смеха. — У тебя потрясающий дом. Не могу налюбоваться. Удивительное место. Совсем как ты, — улыбаюсь ему я.

— Надеюсь, это комплимент? — расплывается в улыбке молодой человек.

— Еще бы, а еще что-то очень вкусно пахнет. Что ты готовишь?

— Цыпленка а-ля кинг, — шепчет он мне на ухо, наклонившись.

— Почему ты шепчешь? — также шепотом интересуюсь я.

— Мы же не хотим, чтобы птичка узнала, что мы едим ее сородича.

— Лукас! — Я прикрываю ладонью рот, пытаюсь удержаться от смеха. — Это не смешно.

— Знаю, поэтому и шептал. Пошли есть. Все уже готово.

Я иду за ним на кухню, которая представляет собой стильный микс из современной техники, антикварного стола и стульев, гранитной столешницы, каменного фартука за мойкой и готичных украшений на стенах.

Лукас отодвигает стул и жестом приглашает меня присесть.

— Давай, я тебе помогу? — предлагаю я. Такое чувство, будто он решил меня избаловать. Никогда раньше мужчина не готовил для меня, и, должна признаться, это определенно приятно.

— Неа. У меня все под контролем.

Я наблюдаю, как он двигается по кухне, расставляет миски и тарелки с едой на столе передо мной.

— Белого вина? — предлагает он, приподняв бутылку.

— О, отличная идея.

Он садится на свое место и наливает два бокала белого вина. Все, что он приготовил, выглядит и пахнет очень вкусно. Посуда у него черная с разводами, наподобие мрамора — тот комплект, что есть у меня дома, совсем другой, светло-кремовый. На ужин у нас большая миска салата из свежих овощей и зелени, которым мы дружно наполняем свои маленькие салатные тарелки, и цыпленок а-ля кинг, уже выложенный на тарелки и украшенный стружками апельсиновой кожуры в форме цветка. Такое чувство, что я сижу в первоклассном ресторане, а не на кухне у молодого парня-гота.

— Я впечатлена, — говорю я, улыбаясь ему через стол. — Ты сам все это приготовил?

— Конечно сам. Люблю готовить.

— Сразу видно. Очень красиво, даже есть жалко.

— Не стесняйся, налетай. У меня есть запасные вилки, я могу тебе еще наготовить красивой еды.

Качая головой и улыбаясь, я начинаю нарезать еду. Как же мне нравится, когда он меня дразнит.

— Дом такой большой. Тебе не бывает здесь одиноко? — спрашиваю я, прежде чем отправить в рот кусочек цыпленка. — М-м-м... как вкусно! — восклицаю я, потому что блюдо и правда пальчики оближешь. Есть что-нибудь, что он не умеет делать?

— У меня есть птица, он составляет мне компанию, — спокойно отвечает Лукас, и я вижу, что он совершенно искренен. Как будто жить с одной только птицей абсолютно нормально, и больше никого и ничего не нужно. Не знаю, грустно это или достойно восхищения.

— Могу я задать тебе личный вопрос? — Я хотела бы узнать его получше, но при этом меня бесит ощущение, что я лезу в его частную жизнь и, возможно, ворошу воспоминания, которые ему неприятны.

— Мы здесь именно для этого, куколка, чтобы узнать друг друга получше. Валяй, спрашивай все, что хочешь. — Он слегка приподнимает свой бокал в мою сторону перед тем, как поднести его к губам.

— У тебя когда-нибудь были долгие отношения с девушкой?

— Да. — Он кивает и делает глоток. — Я встречался с девушкой почти три года, с семнадцати до двадцати лет. У нас все было отлично, но, к сожалению, деньги меняют людей.

— Твое наследство? Ты сильно изменился из-за того, что получил столько денег в таком юном возрасте?

Лукас движением головы отбрасывает прядь волос, упавшую на глаза, и слегка усмехается.

— Нет, она изменилась из-за того, что я получил кучу денег.

— Ой, — вырывается у меня. — Мне очень жаль.

— Ладно, хорошо, что я понял все, пока дело не зашло далеко, до того, как она потратила все до последней копейки, правда?

— Да, но все равно очень жаль.

— Ты права, потому что я на самом деле любил ее и верил, что она тоже меня любит. Думаю, она и любила, по крайней мере, какое-то время. — Он ставит локти на

стол и потирает подбородок тыльной стороной ладони. — Она изменилась, как только я получил деньги. Из веселой, милой девушки превратилась в капризную стерву. И, знаешь, я бы отдал ей все, что угодно, но то, как она со мной обращалась? Ни за что, блядь. Она сама все решила и была уверена, что у нее есть полное право распоряжаться моими деньгами, что можно тратить их на все, что душа пожелает, и требовала с меня всякое барахло так, словно ей так положено.

— Ужасно. Когда я слышу такие истории, вера в людей тает на глазах. Неужели любовь и преданность больше никому не нужны? Или все теперь только и делают, что ищут что повыгоднее для себя?

— Да, похоже, дела обстоят именно так.

— Угу. Ты ее еще любишь? — Последнее предложение вырывается у меня прежде, чем я успеваю передумать и не задавать этот вопрос. Как ни страшно мне услышать, что он скажет, мне нужно знать ответ, потому что я постепенно в него влюбляюсь и не думаю, что смогу соревноваться с воспоминаниями о девушке, в которую он, может быть, еще влюблен. Вряд ли я перенесу еще один удар по сердцу сейчас, когда едва-едва научилась снова чувствовать крупички счастья.

Он откидывается на спинку стула и поднимает глаза на потолок.

— Я всегда буду тепло к ней относиться, и я скучаю по тому, что между нами было, но нет, я ее больше не люблю. — Выпрямившись и наклонившись немного вперед, он молча всматривается в мое лицо. — А ты? Ты его еще любишь?

— Нет. Уже нет. — Я, похоже, наконец дошла до той точки, когда могу уверенно ответить на этот вопрос. — Как и ты, я, конечно, всегда буду к нему хорошо относиться, но он слишком меня обидел и слишком многое разрушил. Он уже не тот мужчина, в которого я влюбилась когда-то.

Лукас напряженно слушает меня, в его глазах определенно видно облегчение от моей откровенности.

— Думаю, мои родители были правы, — продолжаю я. — Они говорили мне много лет назад, когда я забеременела и вышла замуж, что мы слишком молоды, чтобы брать на себя такую ответственность, что люди очень сильно меняются, особенно в период с двадцати и до тридцати лет, что в этом возрасте никто еще не знает, чего на самом деле хочет от жизни. И, хотя очень неприятно признаваться в этом родителям, оглядываясь назад, я понимаю, насколько это все верно.

Молодой человек напротив меня медленно водит пальцем по кромке своего хрустального бокала с белым вином. Глаза его следуют за пальцем.

— Ты обо мне так думаешь? — решается он наконец задать вопрос, и наши взгляды пересекаются. — Думаешь, если мне слегка за двадцать, я не знаю, чего хочу? Что через несколько лет я стану другим? — Он слегка наклоняет голову набок. — Что я, наверное, перерасту наши отношения?

Я опускаю глаза на свою тарелку. Мне нужно спрятаться от его напряженного взгляда хотя бы на несколько секунд, нужно вспомнить, как дышать. Иногда, вот как сейчас, когда наши взгляды встречаются, по телу пробегает едва выносимое трепетное ощущение тепла, и мне начинает казаться, что я когда-то давно забыла что-то очень важное, а теперь вдруг вспомнила в одно мгновение, с одним бешеным ударом сердца.

— Ты тоже это почувствовала только что, да? И тебе страшно, — замечает Лукас.

Встряхнув головой, я решаю проигнорировать его слова, потому что это чувство *пугает* меня, но не то чтобы в плохом смысле.

— Да, признаюсь, мне не по себе, потому что ты еще молод, и то, чего ты хочешь, *кого* ты хочешь, скорее всего изменится.

— Такого не случится. Я себя знаю.

— Иногда люди меняются по мере того, как становятся старше. Это не значит, что изменения всегда в худшую сторону, просто человек становится немного другим. Люди

взрослеют, развиваются, и иногда у них появляются новые желания, отличные от тех, которые были в юности.

— Я то же самое мог бы сказать о тебе. Через пять лет ты тоже, возможно, захочешь чего-то другого от жизни.

— Ты прав, — улыбаясь ему через стол, соглашаюсь я.

— Разве то, о чем ты сейчас мечтаешь, изменилось с тех пор, как тебе было двадцать? — настаивает молодой человек.

Я тщательно обдумываю свои слова, поднося ко рту вилку с последним кусочком цыпленка.

— Мои *мечты* те же самые. Изменилось только то, с кем я хочу из разделить. Любовь и преданность всегда были для меня самым главным.

Лукас подмигивает мне, берет наши пустые тарелки со стола и несет их к раковине на другом конце комнаты.

— Даже не пытайся мне помогать, — не оборачиваясь, отмечает он мою попытку, прежде чем я успеваю открыть рот. Я наблюдаю, как он споласкивает тарелки и, когда он наклоняется, чтобы сложить их в посудомоечную машину, не могу удержаться, чтобы не скользнуть взглядом по его заднице. Я старалась, но его фигура привлекает внимание помимо моей воли.

— Я тоже ценю это, знаешь ли, — сообщает он через плечо.

— Ты о чем? — уточняю я, быстро отводя глаза от его сексуальных ягодичек.

Он поворачивается и, скрестив мускулистые руки на груди, прислоняется к столешнице.

— Любовь и преданность, — отвечает он и кивком приглашает подойти — Тащи сюда свою милую мордашку.

Его низкий голос наполняет комнату, опьяняет, и я нежусь в его звуках несколько мгновений, прежде чем встать, пересечь комнату и подойти к нему.

— Ты все настойчивее и настойчивее... — игриво замечаю я, глядя на него снизу вверх, когда, схватив за талию, он притягивает меня к себе.

— А тебе бы хотелось, чтобы я стал совсем настойчив? — Его хрипловатый голос теперь еще сексуальнее, и ноги у меня тут же становятся ватными. Я кладу руки на его бицепсы и пытаюсь ответить, придав сексуальности собственному голосу.

— Думаю, мне понравилось бы, мистер Валентайн.

Он нежно целует меня, наклонившись вперед.

— Ужин был просто идеальный, — хвалю я, когда мы отстраняемся друг от друга. — Я это тоже ценю.

— Я знаю, что ценишь, Айви. — Он целует меня еще раз. — Поднимешься со мной наверх? Хочу показать тебе ту часть дома.

— С удовольствием, — соглашаюсь я, судорожно соображая, не секретная ли это фраза, означающая «пойдем наверх и займемся сексом», и не приняла ли я только что это предложение, сама того не подозревая. Взяв меня за руку, Лукас ведет меня вверх по широкой деревянной лестнице.

— Моя спальня в конце этого коридора, — рассказывает он, жестом указывая в том направлении. — Но я не собираюсь тебя туда сейчас тащить, так что прекращай вести себя так, словно сейчас сбежишь. Есть еще две спальни, которыми, по большому счету, никто не пользуется, если только моя племянница не остается у меня с ночевкой, или еще иногда мой приятель Финн.

— Финн? — повторяю я.

— Да, это мой лучший друг. Надеюсь, ты с ним скоро познакомишься. И с моей племянницей тоже. Она очень милая.

Мы подходим к просторному помещению, в котором обустроено нечто среднее между рабочим кабинетом и мастерской художника с большим рабочим столом и

мольбертом, керамическими стаканами, заполненными всевозможными угольными карандашами. Стены комнаты украшены его рисунками и картинами в рамках.

— Здесь ты рисуешь? — рассматривая комнату, задаю вопрос я. Артистичные, талантливые люди всегда вызывали у меня восхищение, а Лукас — один из самых талантливых людей, с кем я имела удовольствие быть знакома лично.

— *Предполагается*, что я здесь рисую, но обычно я сажусь рисовать в постели или на диване. Давай я покажу тебе свою любимую часть дома. — Он раздвигает шторы, обнаруживая стеклянные раздвижные двери.

— Ого! Это тот балкон, что я видела с парковки?

— Именно.

На балконе словно все приготовлено для сцены из романтического фильма. В углу стоит маленький электрический камин, что сначала кажется немного странным, поскольку мы вроде как на улице, но, как только я замечаю небольшой диванчик для двоих справа от двери и небольшой столик перед ним с зажженными свечами и вазой, полной цветов, все обретает смысл. По перилам балкона и раме стеклянной двери, ведущей в комнату, вьются гирлянды маленьких огоньков. На улице темно, но света от камина, свечей и огоньков гирлянд достаточно, чтобы мы могли видеть друг друга.

— Ого, — восклицаю я, разглядывая все самые мелкие детали того, на что он, очевидно, потратил немало времени и усилий. — Здесь так красиво... Не могу поверить, что ты сам все это устроил.

— Я надеялся, что тебе здесь понравится. — Он поднимает большой теплый черный плед, накинутый на диванчик. — Садись, — приглашает он, кивая в сторону дивана. — Устроимся поуютнее.

— О... ну хорошо, — соглашаюсь я, ошарашенная его предложением. Вот этого я совсем не ожидала.

— Почему ты удивляешься? — он смотрит на меня с улыбкой. Той самой, от которой я моментально словно превращаюсь в желе.

Я качаю головой в изумлении, пока мы усаживаемся рядом, и Лукас накрывает нас пледом. На улице холодно, но я не мерзну благодаря жару от камина и пледу, в который мы укутались, не говоря уже о тепле его тела, когда он так близко.

— Здесь... здесь так... романтично, — оглядываюсь вокруг я, — и ты очень внимателен. Делаешь вещи, о которых большинство мужчин не задумываются.

— Я хотел посидеть с тобой под звездами.

Сердце сжимается. Неужели это все *взаправду*? Он вообще *настоящий*? Хотелось бы верить. Мне просто *необходимо верить*, что Лукас настоящий.

— У меня есть для тебя кое-что, — говорит он, нагнувшись, и достает маленькую коробочку.

— Что? Это мне? — удивленно заикаюсь я. Он приготовил для меня подарок? Серьезно?

— Открой.

Я беру коробочку в руки, не решаясь открыть ее. Не помню, когда в последний раз мне делали неожиданный подарок.

— Зачем? Тебе не следует покупать мне подарки.

— Почему нет? Я хотел тебе что-нибудь подарить, поэтому кое-что для тебя сделал.

— Ты уже подарил мне рисунок. — В этой крошечной коробочке точно не еще один рисунок. Скорее, эта коробочка для украшения.

— А сейчас дарю еще что-то. Открывай уже.

Я открываю маленькую красную коробку, отодвигаю тонкую оберточную бумагу внутри нее и обнаруживаю серебряную цепочку, на которой висит подвеска — крошечная вилочка.

— Лукас! О боже, какая прелесть! — Улыбаясь, я достаю украшение из коробки.
— Ты сам сделал?

Он забирает цепочку из моих рук и нежно надевает ее мне на шею, отодвинув в сторону волосы, после чего застегивает замочек.

— Я сделал только маленькую вилку, — признается он.

— Спасибо. Мне очень нравится. — Я обнимаю его. Мне теперь никогда не захочется ее снимать. Его обаяние все неотразимее и неотразимее.

Молодой человек разворачивается ко мне, прислонившись спиной к большой подушке, лежащей на подлокотнике дивана, и, найдя под пледом мою ладонь, сплетает пальцы с моими.

— Ты веришь в родственные души? — Его голос низкий и тихий, с легким оттенком сомнения, как будто он боится услышать мой ответ.

И тут я осознаю, что Лукас не принадлежит этому времени и этому месту. Он Рыцарь. Прекрасный принц. Воин. Викинг. Один из тех мужчин, что сражаются за любовь до скончания века. Тот, что увезет прекрасную даму далеко-далеко на своем коне и будет страстно любить ее на свежей траве. Мужчина, который берет то, что хочет, и навеки делает это своей собственностью. Мужчина, который не боится мечтать или верить в то, что нельзя увидеть, а можно только почувствовать. Его сердцу нет места в нашем времени, когда люди уже не живут во имя любви и не верят, что она может преодолеть все.

А я? Кто я? Я не знаю.

Маленькой девочкой я мечтала о сказочной любви, как и все. Мечтала о любви, которая будет длиться вечно. Представляла букеты цветов без особых причин, а просто чтобы сказать: я люблю тебя. Фантазировала о волшебном предложении, выйти замуж и прекрасном свадебном платье. Впрочем, в реальной жизни ничего этого не бывает. По крайней мере, в моей не было. Конечно, у меня были счастливые моменты, но волшебных не было никогда. До сих пор.

Мечтательно вздохнув, я поднимаю глаза на звезды в темном зимнем небе.

— Мне нравится понятие родственных душ, — наконец отвечаю я, сжимая его руку. — Мысль о том, что есть на свете кто-то, кто любил тебя раньше, любит сейчас и будет любить снова и снова? Это очень глубокое понятие, но, боюсь, к сожалению, такое случается только в кино и книгах.

Он притягивает меня к своей груди и обвивает рукой мою талию. Высвободив другую из моей, он проводит ладонью по моей руке, плечу и обнимает меня за шею, заставляя поднять голову так, чтобы можно было смотреть прямо в глаза.

— Может быть. — Нежный поцелуй в губы. — А может быть, и нет. — Его губы снова прикасаются к моим и в этот раз медлят.

— Если родственные души существуют, я хочу, чтобы ты был моей, — шепчу я, на мгновение оторвавшись от его губ.

И это правда. Я на самом деле очень этого хочу. Может быть, это именно то чувство, которое мы оба отмечаем раз за разом... та искра, замирание сердца, странное немедленное узнавание, чувство, что мы уже были знакомы. Тихий стон вырывается из его горла, он еще ближе притягивает меня к себе, соскользнув вниз с подлокотника, и теперь я уже полностью лежу на нем сверху. Он накрывает нас пледом, находит губами мои губы и жадно целует. Его руки медленно скользят по моему телу, давая мне возможность привыкнуть к прикосновениям. Развернувшись, чтобы мы оба теперь лежим на боку, он перемещает мою ногу на свою талию и скользит ладонью по моему бедру вверх, к моей попе, прижимая меня к своему телу, и я чувствую его напряженный член сквозь ткань джинсов. Сердце стучит все быстрее, когда я прикасаюсь к его груди, обнаженной в вырезе рубашки и, наклонившись, целую его в этом месте.

— Расстегни мою рубашку, — слышу я его шепот, его тяжелое дыхание. Дрожащими пальцами я расстегиваю оставшиеся пуговицы и отвожу в сторону темную

ткань, а затем позволяю себе прикоснуться к его груди и крепкому, накачанному животу. Мой разум и тело борются друг с другом... разум настаивает, что я не готова двигаться еще дальше, а тело твердит: давай, давай же, ДАВАЙ.

Потянувшись вниз, он берет за край моего свитера, поднимает его, и я замираю, а внутренняя битва в моей голове начинается с новой силой.

— Я просто хочу почувствовать тебя на своей коже. И все, — успокаивает меня Лукас, почувствовав мою панику. Приподнявшись, я даю ему снять с себя свитер, и он тут же обнимает меня, крепко прижимая к себе. Какая же теплая у него кожа, даже на холодном ночном воздухе.

Наши губы снова встречаются, руки нежными прикосновениями исследуют друг друга, а тела неспешно двигаются в унисон в умиротворяющем ритме. Намотав мои волосы на руку, он потихоньку заставляет меня поднять голову и целует шею, а затем скользит губами вниз, чтобы поцеловать чувствительное место посередине груди, в то время как его пальцы ласкают кожу у самого края моего кружевного лифчика. Его нежные, неспешные прикосновения и поцелуи — именно то, что мне сейчас нужно и чего так хочется, и, похоже, он каким-то образом это понимает. Я закрываю глаза и позволяю себе расслабиться в его объятиях, наклонившись, чтобы поцеловать его макушку, в то время как его губы и язык ласкают мою грудь. Его волосы кажутся мягкими и шелковистыми под моими губами и пахнут шалфеем. В его объятиях так легко потеряться. Он как будто распяляет все мои нервные окончания, будит все мои желания и успокаивает все мои страхи и неуверенность в себе. Он очень быстро нашел путь к моему сердцу.

Лукас медленно проводит языком вверх по шее, возвращаясь к моим губам, заставляя меня трепетать.

— Тебе холодно? — спрашивает он, повыше натягивая плед.

— Нет... совсем нет. — качаю я головой. — Просто у меня опять от тебя мурашки. Ты так целуешься... Лукас, у меня нет слов.

Он глубоко вздыхает и прикасается к моей щеке.

— Можешь остаться со мной сегодня? Тебе обязательно нужно домой?

О боже. Так не хочется покидать уютную теплоту его объятий, нарушать все крепнущую близость между нами. Мне страшно, что она разрушится и больше не вернется. Не хочу, чтобы этот момент закончился. *Никогда*. Томми у Пола, но Мейси дома одна, и я сказала, что тоже вернусь домой. Да, можно было бы позвонить ей, сообщить, что я сегодня не приду домой, но что она подумает? Она знает, что я пошла на первое свидание с новым мужчиной. Как я — мама — буду выглядеть в ее глазах, если не приду домой? Не хочу, чтобы дети думали, что оба их родителя начали вступать в беспорядочные связи. И если бы я осталась... готова ли я зайти так далеко?

Нет. Я не готова. Пока еще.

— Я не могу, — наконец отвечаю я. — Прости. Мейси дома одна, а я обещала ей, что вернусь. Знаю, ей почти восемнадцать, но я раньше никогда не оставалась где-то на ночь, и она знает, что я сегодня пошла на свидание, а я не...

— Ш-ш-ш... — Лукас прижимает к моим губам палец и улыбается. — Айви, я все понимаю. Конечно, для тебя многое сейчас в первый раз. И для твоих детей тоже.

— Прости... — Мне кажется, это я из нас двоих веду себя как малолетка, которая вечно спешит домой и дает задний ход, когда доходит до секса.

— Не проси прощения. Я умею быть терпеливым. — Он набирает полную грудь воздуха и выдыхает. — Мы еще увидимся?

— Да, я хочу встретиться.

Широкая улыбка освещает все его лицо, и она заразительна — я улыбаюсь в ответ.

— Ты очень милый, когда улыбаешься, — говорю я, проводя пальцем по тату на его груди.

— Ты и сама милашка. Ну... будешь со мной крепко дружить? Вы так это называете?

Шлепнув его по плечу, я тарашусь на него, приоткрыв рот.

— Лукас! Мне же не семьдесят! О, Господи!

Смеясь, он прижимает меня к себе, обнимает огромными накачанными руками.

— Ну, откуда мне, блин, знать, как это правильно сказать?

— А что именно, прости, ты пытаешься сказать?

— Я пытаюсь сказать, я хочу, чтобы ты была моей девушкой, и, кажется, я с позором провалил миссию.

Даже горло перехватило от переизбытка милоты. Разве можно сказать «нет» такому сексуальному очаровашке? Seriously, это просто невозможно.

Приподнявшись, я убираю прядь волос, упавшую ему на глаза.

— Ничего ты не провалил, Лукас. Думаю, ты вообще не в состоянии что-то провалить.

— Ну, так это «да»?

С улыбкой и участившимся биением сердца в груди, я наклоняюсь и целую его в губы.

— Это «да».

ЛУКАС

Мое первое свидание с Айви не могло быть идеальнее. Ужин получился отлично, она выглядела потрясающе, Рэй держал клюв на замке, а целоваться с ней под одеялом, под звездами, было просто восхитительно. Я не хотел, чтобы вечер заканчивался. Если закрыть глаза, я все еще чувствую ее вкус на своих губах, ощущаю прикосновения ее мягкой кожи.

С тех пор прошло больше недели, и за это время я ее не видел.

Я чуть ли не умолял ее встретиться на Рождество, но она была занята семьей, и я, конечно, уважаю это и все понимаю. Хотя мне бы хотелось быть частью ее семьи, а не посторонним человеком. Возможно, когда-нибудь так и будет.

Спустя приблизительно пару сотен смс и несколько телефонных звонков я отправляюсь за ней, чтобы сегодня вечером отвезти на концерт группы. Мне становится немного неловко, когда я останавливаюсь на подъездной аллее ее дома. Наверное, стоило позволить ей самой приехать ко мне, как она и хотела, но я настоял, что заеду за ней сюда. Однако звонить в дверь дома, где она жила вместе со своим мужем — странно. Она открывает дверь через несколько мгновений и выходит, не приглашая меня войти. Вот это было бы по-настоящему неудобно. Вместо этого она обвивает руками мою шею и прижимается ко мне.

— Я по тебе очень скучала, — раздается шепот. Черт, я и пять секунд не пробыл рядом, а уже не могу сдержать эмоций и таю.

Прижав Айви крепко к себе, я приподнимаю ее, а она смеется и виснет на мне.

— Я тоже по тебе скучал. Уже начал думать, что ты решила отправить меня во френд-зону.

Поставив ее обратно на ноги, я заглядываю в ее лицо, страшась увидеть в ней какую-нибудь перемену, но ничего такого нет. Ее глаза сияют все так же, как когда мы расстались больше недели назад.

— Нет, Лукас. Ну какая френд-зона, дурачок. Мне так жаль, что не получилось увидеться на Рождество. Я очень хотела, правда, но нужно было сосредоточиться на детях, чтобы у них были нормальные праздники.

— Я понимаю, — взяв ее руки в свои, заверяю я. — Ты прекрасная мама, и мне это в тебе очень нравится.

Мы идем к машине, я открываю для нее пассажирскую дверь, а затем обхожу и сажусь за руль. Перегнувшись через консоль и повернув ее лицом к себе, я целую Айви в губы, и она издает слегка удивленный тихий возглас, чем заводит меня еще сильнее. Притянув ее так, что она оказывается полулежащей на моей груди, я прижимаю ее к себе и целую глубже, языком нахожу ее язык.

Она отодвигается.

— У тебя очень тесная машина, — шутит девушка. — Не самая подходящая, чтобы обниматься на переднем сиденье.

— Мне все равно. Умираю, хочу поцеловать тебя. — Положив ладонь ей на затылок, я притягиваю ее обратно к себе. Жаль, что нужно ехать в клуб, было бы классно просто увезти ее к себе домой. Больше всего прямо сейчас мне хочется оказаться с ней на своей кровати, исследовать каждый сантиметр ее тела, окончательно свести ее с ума.

— Я много думала о твоих поцелуях, — говорит она нежным тихим голосом. Может, она и старше меня, но, откровенно говоря, она такая маленькая, милая и

застенчивая, что кажется гораздо моложе своих лет. Думаю, она сама этого не понимает, но я-то вижу.

— О, серьезно? И что ты думала? — Я провожу языком по ее нижней губе и скользну рукой по джинсам к ее попке.

— О том, как мне хорошо с тобой. — Даже в темноте машины я вижу, как ее глаза цвета морской волны сияют, вижу ее блестящие губы, влажные от моего поцелуя.

— Я хочу, чтобы со мной ты чувствовала себя, как никогда раньше, Айви.

Она закрывает глаза, как будто впитывает в себя мои слова так, чтобы запомнить их навсегда, а потом открывает их снова.

— Я уже себя так чувствую, — шепчет она, прежде чем прижаться губами к моей щеке.

Вздыхнув, я помогаю ей устроиться в пассажирском кресле.

— Нужно ехать, или мы опоздаем, — поясняю я. — Хотя я бы лучше остался здесь и просто побыл с тобой наедине.

— Я тоже, но очень хочу увидеть группу. Я так ждала этот концерт с тех пор, как ты мне про них рассказал. Можем побыть наедине после. Мейси сегодня останется на ночь у подруги. — Она смущенно улыбается, и, думаю, я понял намек. Чего она не знает, так это того, что чуть позже увидит меня на сцене вместе с группой, и я очень надеюсь, что после этого ее мнение обо мне не изменится.

В клубе полно людей, перед входом очередь, поэтому я посылаю смс Вэндалу, чтобы он встретил нас у задней двери и провел внутрь.

— Так, так, так... ты все же нашел кого-то, с кем я не имел удовольствия, — удивляется он, разглядывая Айви, скользая по ней взглядом. Знаю, он это специально, чтобы меня накрутить, но не собираюсь обращать внимание на его идиотские заскоки. Сегодня у меня слишком хорошее настроение, не хочу, чтобы он его испоганил.

— Айви, это мой брат, Вэндал. Вэн, это Айви.

Айви, похоже, ошеломлена его видом, что для большинства женщин обычная реакция. В начале они выглядят испуганными, но потом их странным образом к нему тянет. Я наблюдал это столько раз, что и не сосчитать. Вэндал высокий парень, метр девяносто три, и с мускулатурой, как у борца. У него длинные черные волосы, почти до задницы, смуглая кожа и до хрена тату. Мы с ним в чем-то похожи, но он крупнее и на лице у него вечно грозное выражение.

— Приятно познакомиться, — вежливо откликается Айви. Я кладу руку ей на плечи, и она прижимается ко мне; ее тело льнет к моему так, словно она была сотворена из части меня самого.

— Это мне приятно, милая. — Улыбается ей Вэндал. Улыбается, блин! С ним такое не часто случается. — Надеюсь, тебе понравится шоу.

Я увожу ее подальше от него, пока он не ляпнул какую-нибудь непристойность и не вывел меня. Мы проходим по коридору к двери, которая ведет в клуб.

— Ого, какой здоровый парень, — выдает Айви, когда мы отходим от него подальше. — Похож на индейца.

— Ага... у нас разные матери.

— Ты как-то говорил о племяннице... Его дочь?

Найдя зарезервированный для нас столик недалеко от сцены, я киваю.

— Да, Кэти — его дочка. Он хороший папа, в этом ему не откажешь. Но ее мамаша — сумасшедшая мегера. — Я помогаю ей снять пальто и вешаю его на спинку стула, прежде чем присесть рядом. — Кэти чуть младше твоего сына. Может, познакомим их, когда я в следующий раз буду с ней сидеть?

Знаю, ее нервирует мысль о знакомстве меня с ее детьми, но, если мы будем продолжать встречаться, рано или поздно придется позволить мне познакомиться с ними. Не хочу, чтобы со мной обращались, как с секретом, которого нужно стыдиться. Она еще не очень хорошо меня знает и не понимает, как важно для меня быть частью семьи... и иметь собственную семью. Если в конце концов ее детям я не понравлюсь, не представляю, как буду разбираться с ситуацией.

— Ладно, — обещает она. — Будет интересно. Мейси отлично ладит с детьми. Думаю, ей понравится твоя племянница.

Я прислоняюсь лбом к ее шее и целую в ушко.

— Ты сегодня восхитительно выглядишь.

На ней черный кружевной жакет, внизу красный шелковый топ, джинсы скини и черные кожаные ботинки. Волосы сегодня лежат прямо, в отличие от обычных легких волн, и кажется, что они еще длиннее, достают почти до талии. Хотел бы я нарисовать ее обнаженной, чтобы только волосы прикрывали тело. Я бы вставил этот рисунок в рамку и повесил у себя в спальне. У меня в голове полно идей, что я хотел бы с ней сделать, пожалуй, эту мысль стоит отправить в тот же список.

От моего комплимента Айви сияет.

— Ты тоже хорошо выглядишь... Должна сказать, «Конверсы» меня заводят, — признается она, и на ее губах расплывается чувственная улыбка.

— Тогда я их никогда больше не сниму.

Я как раз собираюсь ее поцеловать, когда нас прерывает подошедшая компания из трех человек. Две девчонки и парень останавливаются возле нашего столика.

— Привет. Я Лукас. Вы, ребята, наверное, Эвелин, Майк и Эйми? — Я встаю чтобы поздороваться, и та девушка, что пониже ростом, кивает в ответ. Она нервно оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то взглядом или, наоборот, надеется, что их не заметят. Но я сразу понимаю, чем она понравилась Шторму. Она милая и у нее огромные, выразительные глаза. Она немного похожа на трогательного совенка.

— Это мы. Ты — кузен Шторма?

— Ага. А это Айви.

Познакомившись, мы рассаживаемся, и я замечаю, как бойфренд Эви начинает пожирать глазами каждую симпатичную девчонку в заведении, в то время как Эви разговаривает со своей подругой и Айви. Шторм прав; бойфренд — мудака и, очевидно, блядун. Мог бы, по крайней мере, попытаться не так явно пялиться. Долбоеб. Шторм подходит к нашему столику поздороваться, и, сложно сказать, кто им больше очарован — Эви или ее парень. Он так фанатеет от Шторма, что даже не замечает, как тот приобнимает его девушку за плечи и шепчет ей на ушко что-то, от чего она краснеет. Айви встречается со мной взглядом, видимо, в шоке от разворачивающейся на наших глазах катастрофы. Я только качаю головой. Не представляю, как Шторм собирается разруливать это безобразие, но, ради него же самого, надеюсь, у него все получится. Только несколько человек, и я в их числе, знают, что он все еще мучается от ночных кошмаров после того, как много лет назад его первая жена покончила с собой. Несчастья, похоже, преследуют нашу семью. Я бросаю взгляд на собственные покрытые татуировками запястья. Легкие неровности на коже от тонких шрамов все еще можно разглядеть. Интересно, как скоро Айви заметит их и начнет задавать вопросы?

Для некоторых боди-арт — это способ рассказать о тех вещах, к которым они равнодушны. Для других — это камуфляж, с помощью которого мы скрываем, кто мы есть на самом деле.

АЙВИ

Я не была на концерте и не слушала живую музыку уже несколько лет, и, когда Лукас пригласил меня пойти с ним, название группы не показалось мне знакомым. Сейчас, оглядываясь вокруг, разглядывая топчущихся вокруг людей в толстовках и футболках с логотипом «Эшес и Эмберс», я осознаю, что у Мейси в комнате на стене висит их постер. И у нее есть несколько их футболок. Супер. Конечно, моя дочь непременно должна быть фанаткой группы, с которой так близок Лукас, как будто одно только то, что ей нравится мужчина, с которым я встречаюсь, недостаточно неловко. Теперь мне придется выслушивать, как она фанатеет от целой группы.

Свет гаснет, занавес на сцене поднимается, и группа начинает играть; мускулы, длинные волосы, татуировки и сексуальные голоса — мужественности на сцене в избытке. Звучат они просто потрясающе, и толпа начинает сходить с ума. У края сцены, поодаль от остальных, стоит играющий на бас-гитаре Вэндал. Отсюда он выглядит откровенно устрашающе и немного завораживающе. Я легко могу понять, почему Эви так нравится Шторм. Он сексуальный, игривый, харизматичный на сцене. Вокалист похож на Шторма внешне, но держится намного сдержаннее, покачивается в такт музыке с микрофоном в руках. Голос у него глубокий, эмоциональный, завлекающий. Он мог бы петь алфавит, и даже тогда звук его голоса был бы восхитителен, до того он хорош. Еще один гитарист, красуясь, ходит по сцене, размахивая в такт музыке длинными светлорусыми волосами. Он обнажен до пояса, рваные выцветшие джинсы сидят низко на бедрах, открывая на всеобщее обозрение подтянутый пресс, а чуть ниже косые мышцы в форме буквы V — *такие же, как у Лукаса*, — от которых женщины просто без ума. Ударника разглядеть почти не удастся, но судя по тому, что я умудрилась рассмотреть, волосы у него еще длиннее, чем у остальных, и он там сзади отжигает по полной — изредка подбрасывая вверх и ловя палочки.

Стайка женщин постепенно подходит ближе к сцене. Они визжат, хватают парней на сцене, особенно Шторма, за ноги. Я бросаю взгляд на Эви. Представляет ли она, во что вляпалась, связавшись с рок-звездой? Не знаю, смогла бы я терпеть бесконечную вереницу женщин, пристающих к моему мужчине, пытающихся его пощупать и одному Господу богу известно что предлагающих ему, лишь бы только быть рядом. Если молодая, сексуальная девчонка так легко вскружила голову Полу, как же реагируют мужчины, когда такое происходит постоянно? И знать не хочу.

Сразу после второй песни Лукас наклоняется ко мне и целует меня в щеку.

— Я скоро вернусь, куколка.

Кивнув, я смотрю ему вслед. Молодой человек подходит к сцене, обменивается парой фраз с блондинкой рядом и исчезает в маленьком коридорчике неподалеку.

— Вы давно встречаетесь? — спрашивает Эви.

— О... ну, мы на самом деле не то чтобы встречаемся. Все очень быстро случилось. Мне тридцать шесть, и я недавно в разводе. Мы познакомились, когда я пришла делать татуировку, и вроде как тогда все и началось.

— Замечательно! Он очень милый.

Она, конечно, права, и он, кажется, становится все очаровательнее с каждой нашей встречей.

— Думаю, да. — Я улыбаюсь ей. — Не знаю... Он намного моложе меня. Ему только двадцать четыре. У меня дочь-тинейджер, которая в него слегка влюблена, и ей нравится эта группа. Все это для меня в новинку. Думаю, я для всего этого немного старовата.

— Прекращай! — машет рукой моя собеседница, с улыбкой отменяя мои сомнения. — Ты не выглядишь на тридцать шесть! Возраст вообще никому не интересен. Шторм о нем очень тепло отзывается. Он — отличный парень. Если ты с ним счастлива, значит, все как надо.

— Посмотрите-ка, кто заговорил! — вмешивается подруга Эви, подталкивая ее локтем.

— Я слышала про вас со Штормом, — тихо замечаю я так, чтобы бойфренд девушки не услышал. — Лукас рассказывал, что случилось.

— Что ты слышала? — уточняет она с широко распахнувшимися от страха глазами.

— Про снегопад, и как он в тебя влюбился. Не волнуйся. Я ничего не скажу. Лукас просто очень хочет, чтобы Шторм был счастлив.

— Я тоже этого хочу. — Взгляд ее теплеет.

Мелодия заканчивается, и я смотрю на сцену. Певец снимает микрофон с подставки и подходит поближе к краю сцены.

— Вы, ребята, слышали, кажется, что мой брат застрял в эпицентре снежной бури несколько недель назад? — Он поворачивается к Шторму и смеется. — Застрял в машине посреди леса?

Толпа вопит, а Эви сейчас, похоже, шлепнется в обморок.

— Ну так эта девчонка, с которой он там застрял, — продолжает вокалист, — не имела, блин, понятия о том, кто он. Можете себе представить?

— Нет! — ревет толпа.

— Десять баллов, правда?! Так вот, Шторм предложил ей надеть нашу толстовку, он же вечно тащит их к себе, вот одна и завалилась в машине. — Мужчина снова оглядывается на Шторма, а тот качает головой и хохочет, стоя на другом конце сцены. — А она ему такая говорит: «Ой, это одна из тех групп, что вечно орут так, что ни фига не разобрать, что они поют?».

Толпа стонет и хохочет. Эйми — подруга Эви, бьется в истерику, а сама Эви прячется за бокалом, делая глоточек. Мне ее даже немного жаль. Она выглядит так, словно ее мутит.

— Поэтому мы решили исполнить песню, в которой не будет гребаного ора, специально для Снежной цыпочки. И, поскольку случай особенный, споет эту песню Шторм. Это одна из его любимых песен.

— О боже, — только и произносит Эви, в то время как толпа вокруг безумствует.

— Вы все знаете, — продолжает брат Шторма, — что он не умеет петь так же хорошо, как я, поэтому будьте к нему снисходительны, ладно?

Он ставит микрофон на место, на стойку, и уходит. Гаснет свет.

Бойфренд Эви поворачивается к ней.

— Это будет интересно, — с легкой усмешкой замечает он. Если честно, думаю, он знает, что между Эви и Штормом что-то есть, но ему просто все равно. Вот поганец. Есть в нем что-то неприятное. *Настоящий кретин.*

На сцене на какое-то время воцаряется тишина и темнота, а затем раздаются первые нежные ноты скрипки. Внезапно луч прожектора освещает одного из членов группы в правом углу затемненной сцены. У него в руках скрипка, он легонько водит смычком по струнам, извлекая из нее чарующие прекрасные звуки.

Несколько ослепительных мгновений спустя я осознаю, что это Лукас стоит под ослепительным синеватым лучом света, словно бесплотный ангел, и, закрыв глаза, медленно играет вступление к песне. Он потрясающе выглядит на сцене, во время игры мускулы на руке напрягаются, и все женщины вокруг пускают слюни. Я в том числе.

Появляется еще один, лиловый луч прожектора, освещает Шторма, сидящего с гитарой в руках на высоком табурете в центре сцены, и он начинает петь красивую песню о любви. Его голос и одинокий романтический голос скрипки — умопомрачительное

сочетание. Не могу отвести глаз от Лукаса. Он так прекрасен — воплощение чувственности и уверенности в себе. Музыка льется из скрипки, словно он родился с ней в руках.

Я беру Эви за руку под столом, и мы держимся друг за дружку, как связанные, наблюдая за мужчинами на сцене, в которых неумолимо влюбляемся, и понимаем, что после этого нам больше не быть прежними. В голову приходят слова Лукаса о том, что они постараются заставить нас влюбиться в них. Ну как тут устоять?

Поверить не могу, что он никогда не говорил о том, что играет, или что будет играть сегодня. Интересно, может быть, он полноценный член группы, играет в ней все время? Должна признать, Лукас на сцене — картина возбуждающая. Голова слегка склонена, волосы падают на лицо и плечи, мышцы на руках и груди напрягаются, когда он играет на прекрасном инструменте — ослепительная смесь темной готики, обаяния, вечной классики, облаченной в чертовски сексуальную форму.

Вот черт! Неужели я правда встречаюсь с двадцатичетырехлетним тату-мастером и рок-звездой по совместительству? Как это вообще произошло? Я всего-навсего скучная, обычная сотрудница отдела кадров. Лукас совсем не моего уровня парень.

Следующая песня, которую они играют, гораздо жестче, остальные музыканты присоединяются по мере того, как огни становятся ярче, и по сцене рассеивается дым. Я наблюдаю, как Лукас неторопливо двигается по сцене, добавляя к музыке короткие быстрые элементы соло на скрипке. Смычок порхает по струнам, и его темные волосы разлетаются в разные стороны, когда он машет головой в такт музыке. Невозможно описать, насколько это сексуальное зрелище. Зрители без ума от него. С трудом оторвав от него взгляд, я обращаю внимание на толпу красивых женщин, старающихся пробраться поближе к сцене, таращащих глаза на Лукаса и Шторма, тянущихся к ним и делающих бесконечное число фотографий.

Значит, мало того, что в тату-студии перед ним целыми днями лежат полуобнаженные красавицы, так у него, скорее всего, еще и собственные фанатки есть. Несметное множество страхов и комплексов накрывает меня словно волной, и я тяжело вздыхаю.

Если симпатичная девчонка так просто смогла впорхнуть в нашу жизнь, очаровать и увести моего внешне ничем особо не примечательного мужа — скучного сотрудника офиса, то как, скажите на милость, могу я удержать такого как Лукас?

Группа делает короткий перерыв, и, спрыгнув со сцены, Лукас пробирается через кучку лапающих его женщин обратно к нашему столику. Я стараюсь подавить приступ ревности. *Он им всего только улыбнулся. Он не останавливался, чтобы поговорить с какой-то из них, не дал никому возможности пофлиртовать. Он не бабник.* Широко улыбаясь, он подходит к столу, волосы прилипли к влажному лбу.

— Ну как? — спрашивает он, запыхавшись. Видимо, адреналин после выступления все еще будоражит ему кровь. Я передаю свой стакан с водой, и он делает несколько жадных глотков.

— Лукас, это было удивительно! — пищит Эйми, прежде чем я успеваю открыть рот. — Парень, ты зажег!

— Спасибо, мне и самому понравилось. — Он улыбается девушке, а затем обращает все свое внимание на меня. — Ты молчишь, — замечает он, присаживаясь и притягивая мой стул поближе к своему, одновременно стараясь отдышаться. — Под этими прожекторами, блядь, так жарко.

Я с трудом заставляю себя улыбнуться, пока не до конца понимаю, как отношусь к новой информации.

— Я просто удивлена... Понятия не имела, что ты играешь на скрипке...
— И фортепиано, — добавляет он, ухмыляясь.
— И фортепиано, — повторяю я, — в рок-группе. Почему ты мне раньше не сказал?

— Боялся тебя отпугнуть. — Он оглядывает толпу вокруг нас и снова поворачивается ко мне. — И еще хотел тебя удивить.

— Ты определенно меня удивил. Но это было потрясающе. Переход от медленной классической мелодии к металлу — невероятно. Мне очень понравилось. — Слегка наклонившись к нему, я добавляю приглушенным голосом. — Ты выглядел очень сексуально, вышагивая по сцене.

— Да ну? — Молодой человек приподнимает одну бровь. — Тебя это заводит?

— Лукас... — Я оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что никто нас не слышит.

— Эй, не вздумай давать задний ход и стесняться. — Его пальцы на моей щеке, и он разворачивает меня к себе.

— Ты такой плохой! — Я подседа на его постоянные шуточки в свой адрес. — Нравится сводить меня с ума?

— Ты не представляешь, как сильно мне хочется свести тебя с ума, Айви. — Его хриловатый голос ласкает все мое существо, и я крепко сжимаю бедра. «Устной» прелюдии со мной раньше не случалось, но ни фиги себе, у Лукаса получается бесподобно. — Я хочу, чтобы ты знала. — Он слегка откашливается. — Я играю только вступления и немного соло в нескольких песнях. В турне с группой я не езжу, на все репетиции не хожу. Только иногда играю с ними в местных клубах. — Молодой человек смотрит прямо мне в глаза. — Студия для меня важнее всего. И ты.

— О. — Его слова меня шокируют. — Я?

— Да, ты... Айви, меня не интересует короткий роман без обязательств. — Голос у него сейчас такой серьезный: глубокий, ровный и умиротворяющий. Он не лжет, не говорит того, в чем не уверен, и я искренне восхищаюсь этой его чертой больше, чем всеми остальными.

— Меня тоже, — отвечаю я и надеюсь, что он понимает серьезность моих слов, как я понимаю его.

Мы остаемся в клубе до конца концерта, и после того, как затихают звуки последней песни, Лукас зарывается лицом в мою шею и шепчет на ухо.

— Пойдем. Я хочу побыть с тобой наедине.

Всю дорогу домой Лукас на взводе, включает жесткий рок на радио и стучит пальцами по рулю в такт музыке. Совершенно ясно, что музыка его возбуждает, заряжает энергией. Я не против помолчать, поскольку все еще прокручиваю в голове события вечера, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. То, чем он занимается, то, кем он является — мне не по себе от этих мыслей. Работа, хобби, увлечения — все, что составляет его жизнь, подразумевает, что рядом всегда множество женщин, которым нравятся необычные мужчины вроде него. Сексуальные. Удивительные. Талантливые. Известные. Творческие. *Романтичные.*

Я уже однажды потеряла мужа из-за беззастенчивого распутства другой женщины. После такого вручить свое сердце мужчине, который живет под постоянным прицелом жадных взглядов нескольких сотен женщин, мягко говоря, страшно. Смогу ли я принять такую ситуацию, не превратившись в параноика?

С другой стороны, меня саму чрезвычайно привлекают именно эти необычные аспекты его личности, благодаря которым он тот, кто есть. Я сама удивилась тому, как сильно возбудилась, видя его на сцене. Осознание того, что целая толпа женщин хочет

его, а он поедет домой со мной, опьяняет. Я чувствую себя желанной, особенной. Снова чувствую себя молодой.

Протянувшись, он берет мою руку, подносит ее к своим губам и кладет наши обе ладони на мою ногу.

— Ты какая-то тихая, — подмечает он, приглушив музыку. — Все хорошо?

— Все в порядке. Просто думала о том, как красиво ты сегодня играл. Эви очень понравилась песня, которую для нее спел Шторм. Она была искренне тронута.

— Я надеялся, что тебе понравится. Может быть, план Шторма по завлечению Эви сработает.

— Уверена, что уже сработал. — Я улыбаюсь, крепче сжимая пальцами его ладонь. — Это было очень мило, как и все, что ты делаешь.

Он немного прикусывает колечко на губе, а затем бросает на меня короткий взгляд и снова сосредоточивается на дороге.

— Я не всегда бываю милым и тихим, Айви.

От звука его голоса, который вдруг стал глубже, загадочнее и таинственнее, внутри у меня все сжимается.

Я нервно облизываю губы. Мне так нравится милый Лукас, которого я знаю, и представить его каким-то другим мне не удается.

— Ладно, — бормочу я, не в курсе даже, услышал ли он меня, потому что больше он не произносит ни звука. Просто держит меня за руку и покачивает головой в такт рок-музыке, доносящейся из колонок.

Чуть ранее я сказала, что Мейси остается ночевать у подруги, и он в курсе, что Томми на этих выходных у Пола, а значит, я свободна на всю ночь.

Могу не ехать домой.

Могу остаться у него.

Могу переспать с ним.

Могу быть... свободной.

АЙВИ

Он открывает для меня дверь машины и приобнимает, закрывая от холодного ветра, пока мы идем через темную парковку к его дому. Гока он отпирает дверь, снежинки тихо падают вокруг нас, и вскоре мы заходим внутрь.

Лукас помогает мне снять пальто, потом снимает с меня кружевной жакет и кладет на деревянную скамью в холле возле двери.

Я со смехом стряхиваю с волос снежинки.

— Не знала, что сегодня будет сне...

Оборвав меня на полуслове, он хватается за талию, резко разворачивает и прижимает к стене, а его рука зарывается в мои волосы. Потянув за них, он заставляет меня повернуть голову, прижавшись щекой к стене.

Его тело обвивает меня, мускулистая грудь прижата к моей спине, бедра тесно льнут к моим сзади, попой я чувствую его напряженный член. Я зажата между его телом и каменной стеной холла, словно в западне, и наслаждаюсь ею, а сердце бешено стучит о ребра. Я хочу остаться в его тюрьме.

— Положи руки на стену, — напряженным, хриплым голосом, практически шепотом велит он. По позвоночнику прокатывает волна дрожи, но я делаю, как он сказал, просто потому что это он. В этот момент, в этом месте, когда его прекрасное крепкое тело льнет ко мне, а рука закопалась у меня в волосах, я готова сделать все, что он ни попросит. Я прижимаю ладони к стене — *стене, которая когда-то была стеной церкви.*

— Не хочешь спросить, зачем я живу в церкви? — как будто прочитав мои мысли, дразнит он. Собрав еще несколько прядей моих волос в ладонь, он осторожно убирает их с моего лица и шеи.

— Зачем ты здесь живешь? — затаив дыхание, спрашиваю я.

— Чтобы ты могла боготворить каждый... мой... чёртов... сантиметр.

Вот, черт. Лукас-милашка, похоже, покинул здание.

— И я именно этим планирую заниматься с тобой, куколка.

Он прикасается губами к моей шее, а свободной рукой крепче обхватывает талию, удерживая на месте, пока ласкает ртом чувствительное место у меня за ушком так, как я и не представляла возможным. Его губы движутся вниз по шее, целуя, посасывая и покусывая мою кожу, он медленно проводит языком по моей ключице. Не переставая покрывать меня легкими поцелуями, он слегка тянет за волосы, заставляя меня запрокинуть голову назад, и, как голодный вампир, продолжает терзать мою открытую плоть, а легкие касания пирсинга на его губе и в языке совершенно завораживают. Я практически таю в его руках, одурманенная, опьяненная до головокружения прикосновениями его теплых влажных губ.

Стянув вниз мой шелковый топ так, что он собрался в складки где-то в районе локтей, Лукас целует мою обнаженную спину, лаская нежное место между лопатками, и волны горячего трепета охватывают все мое тело. Я чувствую, как он расстегивает мой лифчик, и тонкая ткань скользит вниз к моей талии. Его горячий язык скользит вниз по позвоночнику, словно медленно пробуя меня на вкус, и, опустившись на колени за моей спиной, он целует мою поясницу. От отпускает мои волосы, берется за пояс моих джинсов и одним быстрым рывком стягивает их вниз вместе с трусиками, заставляя меня ахнуть от неожиданности. Джинсы болтаются внизу, у лодыжек, а я теперь остаюсь практически голая и все еще прижатая к стене. Я никогда раньше не была так откровенно обнажена. Странное чувство: смесь жуткого смущения и дикого возбуждения.

— Лукас...

— Тсс... доверься мне, и ты уйдешь отсюда другим человеком, детка.

Его руки медленно ласкают мои бедра, губы двигаются вдоль талии, а затем ниже, он целует мои ягодицы, и я вздрагиваю от легкого покусывания.

— Повернись, — шепчет он, направляя мои бедра ладонями. Мне не остается ничего другого, как повернуться. Прислонившись спиной и головой к стене, как в бреду, я смотрю вниз, на него, стоящего передо мной на коленях. Он похож на сексуального бога, глаза, подернутые пеленой, полны желания и страсти. *Боже мой, он ведь на самом деле хочет меня. Меня.*

— Ты очень красивая, — восхищенно произносит он, проводя ладонями вверх по моим голеним, затем все выше, и, наконец, берется руками за мои бедра. Наклонившись вперед, он целует живот — мою самую ненавистную часть тела. Я подаюсь вниз, пытаюсь убрать его голову, но он хватает меня за руки и крепко прижимает их к моим бокам, продолжая покрывать меня поцелуями.

— Нет ничего такого, что бы мне в тебе не нравилось. Я хочу всю тебя, — говорит он. Я закрываю глаза, прислонившись обратно к стене, и стараюсь перебороть свои комплексы, забыть обо всем, кроме него и его прикосновений.

Отпустив мои руки, он проводит ладонями чуть вниз по бедрам и слегка раздвигает мои ноги. Я чувствую, как его губы накрывают мой клитор. Его язык порхает по крошечному чувствительному бугорку, а когда он начинает посасывать его, все мое тело содрогается от шока и удовольствия. Но Лукас твердо держит меня, крепче прижимается лицом к месту у меня между бедер, и, проводя языком по моей нежной розовой плоти, раздвигает им мои губы. Его рот, такой теплый и влажный, ощущается просто потрясающе, и ноги у меня тут же становятся ватными; он все продолжает облизывать меня, и моя киска трепещет, жаждет еще больше Лукаса.

Он резко встает, проводит руками по моему телу и обнимает за шею, слегка сжимая в объятиях, а затем овладевает мной, целует долгим глубоким поцелуем, ласкает мой язык своим.

— Я сейчас понесу тебя наверх, — практически рычит он между поцелуями. — И не планирую в скором времени выпускать. Так что, если ты этого не хочешь, пожалуйста, останови меня сейчас.

У меня перехватывает дыхание. Только Лукас мог сказать «пожалуйста» посреди безумно сексуального предложения и при этом не испортить момент. Я качаю головой. *Не останавливайся никогда.*

— Ну уж нет, — настаивает он. — Никаких кивков и молчаливых согласий. Скажи мне, чего ты хочешь. — Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, не сводя с меня взгляда темных глаз. — Хочу услышать, как ты это говоришь.

Я нервно глотаю и пытаюсь вспомнить, как вообще нужно произносить слова.

— Я хочу тебя.

Он поднимает меня, несет мимо каркающего в нашу сторону Рэя вверх по лестнице, затем по коридору в свою спальню и кладет на огромную кровать. Откуда-то из невидимых колонок доносятся звуки рок-музыки, глубокие низкие звуки вибрируют в такт с моим сердцем. Пламя электрического камина справа от постели озаряет комнату отблесками оранжевого цвета.

Я лежу, не двигаясь и не произнося ни звука, на черном покрывале, пока Лукас снимает с меня туфли и оставшуюся одежду, а затем, остановившись у изножья кровати, просто смотрит на меня, будто пытается запомнить. Наконец он отходит на несколько шагов назад и начинает раздеваться сам — небольшое стриптиз-шоу специально для меня одной. Я откровенно завидую его уверенности в себе, пока он стаскивает с себя одежду, открывая моему взгляду идеально вылепленное тело, украшенное черными татуировками, которые, кажется, покрывают восемьдесят процентов его тела. Смотреть, как он обнажается — словно наблюдать за тем, как кто-то разворачивает красиво упакованный

подарок-сюрприз: не знаешь наверняка, что там внутри, но тебе все равно, потому что процесс разоблачения так же важен, как сам подарок.

Его спальня — потрясающее место с высокими сводчатыми потолками, деревянными балками и большими окнами с витражами. И посреди всего этого великолепия, рядом с огромным распятием из черного металла на стене, стоит обнаженный Лукас. Зрелище вызывает целую бурю эмоций глубоко у меня внутри. Он одновременно светлый и темный. Падший ангел, потерянный, до безобразия милый, но распутный и надломленный от нисшествия. Я хочу почувствовать его на себе, внутри себя, рядом с собой. Хочу вдохнуть его в себя и никогда больше не выдыхать. Я абсолютно зачарована им.

Он медленно приближается к кровати. Его возбужденный член будто указывает путь, а глаза ни на мгновение не отпускают мой взгляд. Забравшись на кровать, он опускается, ложится на меня и опирается на руки. Наши обнаженные тела прижимаются друг к другу, он смотрит на меня, пряди его шелковистых волос падают мне на лицо, прячут нас подобно черному водопаду.

— Как думаешь, ты могла бы полюбить меня? — У меня сжимается сердце от ничем не прикрытой боли в его голосе.

Внутри этого красивого сексуального мужчины все еще живет покинутый маленький мальчик, который думает, что он нелюбимый. Нежеланный. Сердце разрывается не только потому, что я — мама, но и потому, что я — женщина, которая уже знает цену его сердцу.

Я протягиваю руку и убираю в сторону его волосы. Не хочу, чтобы что-то мешало видеть его глаза.

— Лукас, конечно, я могу полюбить тебя. — Я с трудом глотаю комок в горле. Мне страшно сказать слишком много, но еще страшнее сказать слишком мало, когда ему так нужно услышать эти слова. — Мне кажется, я уже тебя любила, а сейчас мое сердце просто просыпается и вспоминает, каково это.

— Я тоже именно так чувствую, — тихим голосом говорит он, проводя ладонями вниз по моему телу и между моих ног. Его пальцы скользят по моим влажным губам, а затем один палец проскальзывает в меня. Он шумно вдыхает, я чувствую его дыхание на своих губах, прежде чем он накрывает их поцелуем.

— Ты мне доверишь? — спрашивает он, в то время как его палец двигается по кругу внутри меня, доводя до иступления.

— Да.

— Я раньше не занимался сексом без презерватива. Никогда. Я хочу быть с тобой. Не хочу все время снимать и надевать новый, чтобы продолжить. Хочу заниматься с тобой любовью без перерывов.

На несколько мгновений я замираю, таращась на него. Не знала, что такие вещи принято обсуждать, и, если честно, даже не думала об этом. Вот что значит восемнадцать лет брака — оказываешься в полном неведении о серьезных вопросах. Но я знаю, Лукас не стал бы меня обманывать и не сделал бы что-то, что могло бы мне навредить. Я ему верю.

— Хорошо... Я не забеременею.

— Ты мне веришь? — уточняет он.

— Да.

— Спасибо, — шепчет он и целует до потери сознания. *Он поблагодарил меня.*

Мужчина спускается чуть ниже вдоль моего тела, целует мою грудь, проводит языком вокруг соска, слегка царапает кожу колечком на губе, и, когда сосок напрягается, берет его в рот. Он ласкает языком чувствительную плоть, и я чувствую, как накатывают волны наслаждения. Я сжимаю бедра вокруг его руки, требуя еще больше ласки.

Лукас поднимает голову и одаривает меня хитрой улыбкой.

— Хочу, чтобы ты сама решила, куколка. — Он наклоняется и целует ложбинку между грудями, затем языком проводит вверх до шеи и слегка покусывает ее.

— Что решить? — отзываюсь я.

— Я могу медленно и долго целовать тебя во всех местах, довести до бессознательности, пока ты не начнешь умолять, или могу прямо сейчас войти в тебя членом, и зацеловать после, когда ты кончишь на мне.

— О, — только и в состоянии выдавить я дрожащим голосом. Я практически испытала оргазм, просто слушая, как он соблазнительно говорит непристойности, одновременно скользя пальцем внутрь меня и обратно.

— О? — поддразнивает молодой человек, прижимаясь ко мне всем своим твердым телом, и его длинный, горячий член давит на мое бедро. *Господи Боже.*

Я обвиваю его руками и глажу по спине.

— Войди, — едва слышно шепчу я.

Он высвобождает руку у меня между ног, берет меня за бедра, приподняв их, обвивает моими ногами свою талию, и в то же время одним плавным мощным движением погружает в меня член.

От огромного количества нахлынувших ощущений и эмоций — удивление, удовольствие, боль — у меня вырывается негромкий вскрик, и мужчина, лежащий на мне, замирает, не двигается внутри меня, а просто ждет. Чувствовать его внутри восхитительно, он словно был создан специально для того, чтобы быть там, где сейчас находится. Я закрываю глаза и практически не дышу, наслаждаясь им, вбирая в себя его запах, его вкус, звук его дыхания — каждое ощущение. Он невероятный. Я никогда раньше не чувствовала такого, и, вероятно, больше не почувствую. Отодвинув в сторону мои волосы, он гладит меня по щеке и нежно целует мое лицо.

— Дыши, куколка, — шепчет он между поцелуями. — Я научу тебя летать.

Он двигается медленно, словно хочет убедиться, что я ощущаю его каждый сантиметр, пока его член входит и выходит из меня, заполняет меня полностью, глубже, чем когда бы то ни было раньше в моей жизни. Член у него внушительных размеров, тут мой бывший посрамлен. *Прости, Пол! Шарлен, мне очень жаль!*

Все в нем кажется таким большим и мощным; крепкие мускулы и невероятный контроль над собственным телом и движениями. Неловкости или небрежности в нем ни на грамм. И ни за что на свете не скажешь, что ему всего двадцать четыре.

Он вращает бедрами, словно ввинчивая в меня член, задевает клитор ритмичными движениями. Глубоко вздохнув от удовольствия, я обхватываю ногами его талию сильнее, и, проведя ладонями вниз по его телу, сжимаю руками его мускулистую задницу. Он целует меня глубже, пирсинг на его языке задевает мои зубы. Я открываю глаза, и он продолжает двигаться, не сводя с меня своего темного взгляда.

— Черт, какая ты приятная, — выдыхает он, прислонившись лбом к моему лбу.

— И ты тоже. — Мои руки скользят по его влажной от выступившего пота спине и сжимают широкие плечи.

— Хочешь еще?

Я киваю и нахожу губами его рот.

— Да... — мурлычу я.

Он поднимается, берет меня за колени, раздвигает мои ноги еще шире и начинает двигаться быстрее и жестче.

Матерь божия! Такое чувство, что он решил оттрахать меня до потери сознания. Лукас замедляет движения, как будто дразнится, выходит из меня, берет член в руку и прижимает головку к моей влажной киске, ласкает ее, а затем снова резко вбивается глубоко внутрь. Он несколько раз повторяет это безумие, пока я не начинаю извиваться и стонать, как мартовская кошка. Я уже не помню, кто я, и мне все равно. Я только хочу его. Всего его и все, что он может мне дать.

Он склоняет голову, продолжая вдальбливаться в меня, его влажные волосы разлетаются вокруг лица, и я вижу сексуальную улыбку на его губах.

Просунув руки мне под спину, он поднимает меня так, что я оказываюсь сидящей у него на коленях, обхватив ногами его спину, и крепко прижимает меня к себе мускулистыми руками. Мы целуемся, теперь уже не так жадно и судорожно, он обхватывает ладонями мои ягодицы, приподнимая и снова опуская меня на своем члене. Вверх и вниз, я скольжу вдоль его тела, и это потрясающе — чувствовать его плоть глубоко внутри себя, в то время как он целует и ласкает меня. Я ласкаю руками его лицо, скольжу ими по его спине, запускаю их в его волосы.

Наши тела находят идеальный ритм, и скоро я чувствую нарастающий внутри меня экстаз. Я сжимаю в руках пряди его волос, и он стонет, уткнувшись лицом в мою шею, когда я как будто взрываюсь и рассыпаюсь на кусочки вокруг него. Он обнимает меня и целует с бешеной страстью, шепчет что-то, чего я, дрожащая от сотрясающего меня оргазма, даже не в состоянии разобрать. А потом чувствую, как он, резко толкнувшись в меня, кончает, с глубоким рычанием и стоном, вырывающимся из его груди. И он прав. Я, кажется, лечу: мое тело и сознание наслаждаются восхитительным ощущением его удовольствия. Все остальное исчезло. Я чувствую, слышу, вижу только Лукаса.

Мой темный ангел.

Он осторожно опускается на постель, не выпуская меня из объятий, и разворачивает нас обоих на бок, лицом к друг к другу. Он все еще во мне, наши руки медленно ласкают тела друг друга, мы тихонько целуемся. Я никогда не чувствовала такую физическую и эмоциональную близость с другим человеком. Мы долго лежим вот так, целуясь. Потом опять занимаемся любовью, медленно, словно во сне, пока я не начинаю снова всхлипывать, трепетать и вздрагивать в его крепких объятиях, а он все шепчет мое имя снова и снова, кончая внутри меня.

Кажется, я влюбляюсь так сильно, что у меня сотрясение сердца.

Спустя какое-то время я просыпаюсь в его объятиях. Мы лежим на его огромной кровати. Я смотрю, как он спит, замороженная его красотой. Мне кажется, я теперь не я, вся моя сущность принадлежит ему. Я уже и не помню, каково это — *не принадлежать* ему. Мне хочется поцеловать его, обнять и любить его до скончания веков, и даже еще дольше. Я хочу, чтобы он никогда больше не чувствовал себя ненужным и нежеланным. От одной только этой мысли сердце мое готово разлететься на осколки.

Осторожно убрав с себя его руку, я выбираюсь из высокой кровати и на цыпочках крадусь в прилежащую к спальне ванную. Ноги и все женские части у меня ноют от долгих постельных игр.

Размер его ванной комнаты, с ванной-джакузи в одном углу и стеклянной душевой зоной в другом, ошарашивает. Не могу поверить, что такой молодой парень живет вот так, в такой роскоши. Однако он сам, кажется, ее даже не особо замечает, и уж точно он такой жизнью не испорчен. Я немного освежаю лицо и вдруг вспоминаю, что мой мобильник остался внизу, вместе с пальто и сумочкой. Я возвращаюсь из ванной, и, подняв с пола рубашку Лукаса и набросив ее на себя, тихонько выхожу из комнаты. Приглушенный свет, струящийся через витражные окна, и неяркие огни расставленных там и сям ламп дают достаточно света, чтобы можно было спокойно перемещаться по дому и видеть, куда идешь.

— Привет, — каркает Рэй, когда я спускаюсь вниз. Блин, напугал до чертиков.

— Тс-с... пора спать, — шепотом уговариваю его я.

— Понесу тебя наверх, — говорит он голосом Лукаса. *Твою мать!* Ворон не только видел, как мы забавлялись в холле, но еще и слышал нас.

— Рэй, — шиплю я. — Нет! Плохая птичка! Нельзя так говорить!

Интересно, как долго он помнит фразы, которые слышал. Надеюсь, до завтра успеет забыть.

— Наверх, — упрямо повторяет он.

Не обращая внимания на птицу, я беру сумочку и возвращаюсь наверх. Лукас все еще крепко спит, накрытый одеялом ниже пояса. Я сажусь на пол рядом с кроватью и проверяю мобильный. Есть сообщение от Мейси: она написала, что все нормально, она у Шелли, и пропущенный звонок от Томми. Я быстро набираю сообщение Мейси: «Увидимся завтра». Ужасно себя чувствую из-за того, что пропустила звонок Томми перед сном, надеюсь, он не расстроился, что я не ответила. Раньше со мной такого не случалось. Я все еще смотрю на экран телефона, как вдруг всплывает новое сообщение, к сожалению, не от Мейси, а от Пола, и меня охватывает раздражение.

«Пол: Ты где?»

«Я: Я занята».

«Пол: Где ты?»

«Я: Не твоё дело. У Томми все в порядке?»

«Пол: Да. Он звонил, а ты не ответила».

«Я: Знаю, жаль, что так получилось. Я ему утром позвоню».

«Пол: Ты дома?»

Что за дурацкий допрос. Грубиян.

Я оглядываюсь вокруг себя, раздумывая, стоит ли отвечать на назойливые сообщения Пола. Вокруг комнаты расставлены разные фигурки горгулий, кажется, они смотрят на кровать. Я насчитала шесть штук. Не уверена, нравятся они мне или пугают.

«Я: Нет».

«Пол: А где тогда тебя носит в 2 часа ночи?»

Я: Я знаю, который сейчас час. Почему ты не в постели, не наслаждаешься прелестями Шарлен?»

«Пол: Она спит».

«Я: Собираюсь последовать ее примеру. Я устала. Позвоню Томми утром».

«Пол: Где ты собираешься спать, Айви?»

«Я: Я на свидании».

«Пол: С кем???»

«Я: Отвали».

Я ставлю телефон на беззвучный режим и заталкиваю его обратно в сумочку. Что он о себе возомнил?

Как только я забираюсь на кровать, Лукас просыпается и открывает глаза, щурясь на меня в полумраке, освещаемом только электрическим камином комнаты.

— Айви? Все хорошо?

— Я просто проверяла телефон, хотела посмотреть, не звонили ли дети.

— У них все в порядке? — Он потягивается и садится на кровати.

Кивнув, я подвигаюсь поближе к нему.

— Да, один пропущенный звонок от Томми. Я немного переживаю.

Молодой человек притягивает меня к себе, обнимает и целует в макушку.

— Прости. С этого момента будем следить, чтобы твой мобильник был рядом все время, пока ты здесь, и, если хочешь, можешь дать им мой домашний номер. Пусть звонят в любое время.

— Все нормально. Я не могу быть привязана к ним двадцать четыре часа в сутки.

— Я понимаю... но хочу, чтобы ты здесь отдыхала, а не переживала, и хочу, чтобы твои дети знали, где ты.

— Ты сам-то представляешь, насколько ты милый?

— Сними это. — Он тянет за край рубашки, которая на мне надета. — Я был в ней на сцене. Она, наверно, вся пропитана потом.

Я улыбаюсь, но стягиваю с себя рубашку через голову и кладу ее на пол, рядом с кроватью.

— Я не против походить в рубашке, пропитанной твоим потом, — замечаю я, улыбаясь.

— Ты же останешься на ночь? — спрашивает он, накрывая меня своим телом.

— Если ты хочешь, то да, останусь.

— Ты шутишь? Конечно хочу. Я вообще не хочу, чтобы ты уходила.

— Я могу остаться до утра.

— Пока и этого достаточно. — Лукас целует кончик моего носа.

ЛУКАС

Можно вычеркивать «*Проснуться рядом с женщиной моей мечты*» из списка дел, которые нужно успеть сделать, пока не сыграл в ящик.

Она спит, лежа на животе, обнимает мою подушку, одна ее нога согнута в колене. Я хочу подойти, раздвинуть ей ноги пошире и утонуть в ней, но не буду этого делать. Не хочу, чтобы она подумала, будто я собираюсь просто трахать ее все время, и на этом все. Она для меня значит гораздо больше. Но, блядь, какая же соблазнительная картина.

Вместо этого я тихонько целую ее в щеку, принимаю душ и выхожу прогуляться до кафе, чтобы взять нам два ванильных латте с тростниковым сахаром и рогалики. Когда я подхожу к дому, возвращаясь с кофе, на парковке стоит машина. Странно, сегодня воскресенье, а у нас редко бывает запись на воскресенье. Я пересекаю парковку, подхожу к машине, стучусь в окно, и чувак за рулем опускает его.

— Вам чем-то помочь? — интересуюсь я.

Он смотрит в мобильник, потом на мой дом, а потом снова на меня.

— Это дом 26 по Мейн-стрит?

— Да. У вас назначен сеанс? — спрашиваю я, искренне надеясь, что Вэндал не накосячил, назначив парню время и забыв об этом. Такое уже случалось.

— Сеанс? — озадаченно повторяет он.

— Да, в тату-студии?

— Нет, я ишу Айви.

— Айви? — Я против воли прищуриваюсь.

— Да, это моя жена. GPS-приложение на наших телефонах говорит, что она здесь, по этому адресу.

Вот ведь мудак, твою, блядь, мать! Я чувствую, как внутри закипает ярость. Ни хрена ему не испоганить мои первые выходные с Айви.

— Она в доме, спит, — спокойно говорю ему я.

— Что? — бледнеет говнюк. — И с какого хрена ты это знаешь?

— Потому что она в моей постели.

— Что, прости? — От шока лицо у него скрючилось.

— Слушай, мужик, я не знаю, какого хера ты здесь делаешь, но давай кое-что проясним. Во-первых, она уже не твоя жена. Помнишь, ты ее бросил и переехал к своей подружке? Во-вторых, тебе здесь нечего делать. Моя студия сегодня закрыта, к себе домой я тебя не приглашал, так что, по-моему, ты нарушаешь границы моей собственности.

— Какого хрена делает моя жена в твоей постели?

— Твоей жены в моей постели нет. В моей постели *моя девушка*. И я сейчас собираюсь внутрь, отнесу ей кофе, который для нее купил, пока он не остыл. Свали с моей парковки.

— Я хочу с ней поговорить. Она вчера вечером не ответила, когда звонил наш сын.

— Правильно, мы были заняты. Она позвонит ему, когда проснется. А, кстати, где сейчас Томми? Если ты забрал его, чтобы провести вместе выходные, то почему не с ним, а выслеживаешь Айви?

— Да пошел ты, чувак!

Я закусываю кольцо на губе, стараюсь взять себя в руки. Меньше всего мне хочется, чтобы Айви расстроилась из-за драки между мной и этим мудилой.

— Я сейчас иду в дом, — спокойно отвечаю я. — Вали с моей парковки. Если, когда я зайду внутрь, ты еще будешь здесь, я позвоню в полицию, они приедут и уберут тебя отсюда.

Я ухожу, не давая ему шанса сказать еще что-нибудь. Не сказать, чтобы я больно радовался тому, что этот урод, очевидно, все еще цепляется за Айви и не в состоянии принять тот факт, что она встречается с другим. Неужели он серьезно думал, что красивая и милая девушка вроде нее останется одна, или что он сможет держать ее на коротком поводке, пока сам развлекается и трахается с кем попало?

Ни хрена подобного, мужик!

— Руки на стену, — кудаччет Рэй, когда я прохожу через гостиную по дороге наверх. Вот дерьмо!

— Рэй, ты — красивая птичка, — произношу я, пытаюсь отвлечь его на обычные птичьи разговоры. Забыл вчера, что он мог слышать нас в фойе и теперь начнет повторять это все.

— Я — красивая птичка, — повторяет он.

— Да, красивая птичка.

— Я хочу тебя, — выдает он в ответ, копируя голос Айви.

Я бросаю на него свирепый взгляд.

— Рэй, будь хорошей птичкой.

Он наклоняет свою маленькую головку, внимательно смотрит на меня невинным взглядом. Но я его хорошо знаю.

— Я — красивая птичка, — осторожно говорит он.

— Будешь продолжать издеваться, куриная башка, закончишь свои дни в салате.

Я поднимаюсь по лестнице и обнаруживаю Айви сидящей на кровати с мобильным телефоном в руках. Она хмурится, глядя на экран. Внутри у меня все обрывается. Что, если Пол пришел в себя и хочет вернуть ее обратно? Он, конечно, урод, но они вместе прожили восемнадцать лет, и он подарил ей двоих детей. А я пока успел только подарить ей татуировку и провести с ней одну ночь, пусть и с несколькими оргазмами.

— Эй, — приветствую я ее, присаживаясь на кровать. — Я принес нам латте и рогалики.

Она улыбается немного сонно.

— Как ты догадался, что я умираю, так хочу кофе? — Она целует меня в щеку, забирая стакан.

— Это же твой любимый. — Я киваю в сторону ее телефона. — Все в порядке?

— Ага, я звонила Томми. — Она забрасывает телефон обратно в сумочку. — Он играет в Xbox, сказал, что они с Шарлен вдвоем, а его отца нет дома. А потом пришло сообщение от Пола. Он спрашивает, где я.

— Что ты ему ответила?

— Сказала, что со своим бойфрендом, и вообще, это его не касается.

— А он что сказал? — продолжаю расспрашивать я. Интересно, собирается ли Пол сообщить ей о нашей стычке на парковке?

— Ничего. — Она пожимает плечами и отпивает немного кофе. — Он не ответил. Не понимаю, что на него нашло.

— Очевидно, он ревнует, я его за это не вино.

— Может ревновать сколько влезет. Он сам вырыл себе яму и переспал в ней со своей шлюшкой, вот пусть теперь там и остается.

— Ого! — у меня вырывается смех. — Обожаю маленькую решительную Айви!

Я решаю не говорить ей, что Пол отследил ее до моего дома с помощью GPS. Нет смысла расстраивать и нервировать ее, особенно, если, судя по всему, Пол тоже решил об этом не упоминать. Скорее всего, он к этому времени себя чувствует полным кретином.

Мы доедаем завтрак, сидя на полу спальни перед камином, болтаем о группе и о моей студии. Надеюсь, она расспрашивает меня, потому что ей интересно, а не потому, что сомневается во мне.

— Что, если Пол захочет тебя вернуть? — задаю я вопрос, потому что не могу выбросить эту мысль из головы. Он все называл ее своей женой, и мне от этого как-то очень не по себе.

— Он не захочет. Шарлен молодая и очень красивая.

Я укоризненно смотрю на нее, склонив голову набок. Ужасно, что она считает кого-то лучше себя только потому, что так сказал Пол.

— Айви, ты тоже молодая и ослепительно красивая. Ты — красавица. — Я целую ее губы. — Очаровательная. — Снова целую. — И умница. — Целую еще дольше. — И потрясающая в постели.

— Лукас... — Девушка заливается краской и опускает взгляд на чашку кофе в руках. — Это не так.

Я заставляю ее поднять лицо, положив палец ей на подбородок.

— Именно так, Айви. Поверь мне.

Она качает головой и убирает мою руку.

— Я не привыкла так думать о себе.

— Я знаю, но охотно готов напоминать тебе, чтобы ты держала меня рядом.

— Я планирую держать тебя при себе. — Ее глаза цвета морской волны сияют, когда она смотрит на меня.

— Так что, если Пол захочет тебя вернуть? Узнав, что ты решила двигаться дальше и с кем-то встречаешься, он вполне может очнуться и понять, что на самом деле теряет.

Она какое-то время думает, глядя на огонь, и, хотя я хочу быть уверен в ней, мне неприятно, что она вообще задумалась. Кажется, это не очень хороший знак, правда? Если она задумывается об этом дольше, чем на пару секунд?

— Лукас, — в конце концов говорит она. — Я не хочу тебя обидеть. Никогда.

Сердце у меня перестает биться. Я сам перестаю дышать.

— И? — настаиваю я. Тишина сводит с ума.

— И я чувствую очень сильную связь с тобой. Думаю, ты и сам это знаешь.

— И?

— Можешь на минутку перестать вести себя, как пятилетний ребенок, и дать мне договорить, Лукас? — немного злится она.

— Прости. Говори быстрее.

— Я не хочу Пола обратно, — продолжает она, взяв меня за руку. — Мне очень нравится то, что происходит между нами. Все происходит быстрее, чем я представляла... но мне нравится быть с тобой. Нравится, какой я становлюсь рядом с тобой. Рядом с тобой я счастлива. — Она заглядывает в мои глаза и улыбается. — Но...

— Есть еще «но»?

Айви пальцами касается моего запястья и осторожно проводит ими по шрамам, которые стали почти незаметными, так давно они появились.

— Вот это меня пугает, Лукас. Я не могу ничего гарантировать прямо сейчас, но не хочу, чтобы ты ранил себя, если у нас что-то не сложится. — Она глубоко вздыхает, продолжая поглаживать мое запястье. — У нас впереди долгий путь, и, как бы нам обоим ни хотелось, чтобы все получилось, никто никогда не знает, что может случиться. Мне важно знать, что ты в порядке и не поступишь вот так, если что-то не сложится.

Я стискиваю зубы. Ненавижу свое прошлое, демонов, что меня преследовали тогда, и иногда, кажется, преследуют до сих пор.

Она отставляет в сторону стакан с латте и придвигается ко мне.

— Не хотела заводить этот разговор сегодня утром после того, как мы провели такую чудесную ночь вместе, — как будто извиняется она.

— Нет, все в порядке. Ты вправе знать, с каким сумасшедшим недоумком ложишься в постель.

— Лукас, я совсем не считаю тебя таким, но это очень важно. Это тревожный звоночек.

Ого.

— Да, думаю, ты права, — признаю я. — Я сделал это давно, был тогда очень молод. Мне было четырнадцать. Нашел номер телефона своей мамы среди вещей, принадлежавших прабабушке, когда мне их передали. Я носил с собой маленькую бумажку с ее номером несколько месяцев, прежде чем набрался храбрости позвонить. В приемной семье было больно паршиво. — Я вздыхаю, и она крепче сжимает мою ладонь. — В общем, не уверен, что представлял, как она отреагирует, но позвонил. Когда она сняла трубку, я сказал ей, кто я, а она ответила: «Ты мне не нужен. Никогда больше мне не звони. Не хочу иметь с тобой ничего общего». И положила трубку.

— О боже мой, Лукас. Мне так жаль.

— Короче, я сорвался. Я и так уже был не в себе, много пил, был в не проходящей депрессии. Не спал нормально, мне было трудно привыкнуть к школе после того, как в детстве столько лет я проучился дома — все навалилось сразу. Меня нашел мой друг — Финн. Он жил на этой же улице, в доме напротив, и тупо решил зайти, когда я не открыл дверь. Он же вызвал скорую, и, как мне потом рассказывали, технически я был мертв две минуты.

— Лукас... — Айви еще крепче сжимает мою руку.

— В общем, я, естественно, загремел в психушку; сказать, что мои приемные родители были во мне разочарованы, значит не сказать вообще ничего. После психушки я еще долго лечился у психолога, учился принимать тот факт, что некоторым людям я могу, мягко говоря, не нравиться, но убиваться в буквальном смысле по этому поводу не стоит. Сейчас я намного сильнее, Айви. Если ты не захочешь меня, я это приму. Не попытаюсь покончить с собой. У меня есть студия, и брат, и Кейти, и бабушка, да и гребаная птица, о которой нужно заботиться. Я в порядке.

Она обвивает меня руками и обнимает так крепко, что я едва могу дышать.

— Мне больно от того, что кто-то тебя так ранил, Лукас.

— Все нормально. Вот такая вот херня случается. Сейчас у меня все хорошо, правда.

— Нет, это не нормально. Ты удивительный человек. Я так люблю твою душу. Не хочу, чтобы тебе когда-нибудь еще пришлось почувствовать такую боль.

Люблю твою душу.

— Ну, если повезет, такую боль мне больше пережить не придется. — Я отодвигаюсь от нее, чтобы посмотреть на ее лицо. — Но не хочу, чтобы ты чувствовала себя заложницей в этой ситуации, Айви. Если когда-нибудь тебе придется меня бросить, значит, придется смириться. Не нужно оставаться рядом только потому, что боишься меня ранить или того, что я наложу на себя руки. Я так больше не сделаю. Просто хотелось убедиться, что ты уже разлюбила Пола, прежде чем мы двинемся дальше, ведь, само собой, потерять тебя будет очень больно.

Большими пальцами я вытираю слезы с ее щек, а она наклоняется и очень нежно целует меня в губы, как будто старается стереть воспоминания о тяжелых временах из моей памяти.

— Я разлюбила Пола, — заверяет она между поцелуями. — Я очень быстро и сильно в тебя влюбляюсь, и мне очень страшно. Все это так неожиданно... Ты, разница в возрасте, группа...

Откидываясь назад, на пол, и притягивая ее так, что она оказывается на мне сверху, я убираю волосы ей за плечо и целую ее шею.

— Все это неважно, Айви. Важно только, как мы друг к другу относимся, разве не так?

— Так.

— И как хорошо нам вместе. — Я нежно кусаю ее шею, скользя руками к талии.

— Да.

— И прямо вот сейчас я хочу почувствовать, как ты кончаешь, когда я ласкаю тебя ртом.

— Лукас!..

Как же мне нравится этот звук, когда она ахает от удивления и смущения.

Я через голову стягиваю с нее свою футболку и отбрасываю подальше. И то, что она носит мою запачканную потом одежду на голое тело, мне тоже очень нравится.

— Обожаю, что ты такая застенчивая, куколка, но должен предупредить, от этого мне только больше хочется проделывать с тобой всякие грязные штучки. Ты слишком долго ждала, пока тебя будут трахать и любить как следует. — Я сдергиваю с нее трусики и их тоже отбрасываю прочь. — Пожалуй, позволю тебе решить самой и в этот раз. — Я целую ее грудь и опускаю руки пониже, сжимаю в ладонях ее ягодицы. — Можешь присесть вон на то кресло, и я попирую тобой, как в ресторане с открытым буфетом или садись мне на лицо, оседлай мой язык, как настоящая девчонка-ковбой.

— Господи боже, Лукас! — шепчет она.

— Выбирай, или я сам за тебя выберу. — Я засасываю в рот ее сосок, ласкаю его языком, и дыхание у нее тут же учащается.

— Буфет, — едва дыша и чуть слышно произносит она, впиваясь ногтями в мои плечи.

Я встаю и на руках несу ее к старинному креслу из красного бархата в углу комнаты.

— Вот ведь черт! — ворчу я. — Надеялся сегодня побить лошадкой.

Я усаживаю ее в кресло, в тайне наслаждаясь выражением шока на ее лице, когда она видит, как я становлюсь перед ней на колени и раздвигаю ей ноги.

Присев на пятки, я сначала рассматриваю открывшийся мне чудесный вид: ее нежные бледные бедра напряжены, волосы волнами спадают на грудь, соски проглядывают сквозь них. Она потрясающе красивая и чувственная. Каждая частичка ее ждет и жаждет меня. Как бы мне хотелось сфотографировать ее вот в этом состоянии и нарисовать ее такой.

— Ради всего святого, Лукас, не смотри туда, — просит она, покрываясь пятнами от смущения. Я веду пальцем по ее промежности, наблюдая, как между нежных розовых губ появляется крошечная капелька влаги. Наклонившись, я слизываю ее языком, и Айви вздрагивает, хватает меня за волосы. — Господи! — выкрикивает она, и ее тело выгибается навстречу мне.

— Можешь меня так называть, детка. В конце концов, мы в моей церкви.

Подняв ее ноги, я забрасываю их себе на плечи, поворачиваю голову в сторону, чтобы поцеловать и облизать ее бедро, почувствовать, как напрягаются ее мышцы.

Медленно я облизываю ее киску, мой язык нежно скользит между ее складочек, наслаждаясь ее сладким вкусом. Раздвинув ее губы руками, я лgnu к ней ртом, вращаю языком внутри ее, ласкаю ее чувствительные точки с помощью украшений на губе и языке, и она трепещет от удовольствия. Сначала один, а затем два пальца погружаются в ее нежное влажное лоно, и я поднимаюсь выше, языком играю с ее клитором, облизываю его круговыми движениями медленно, потом быстрее, когда чувствую, как она прижимается ближе к моему лицу. Я беру крошечный бугорок в рот, начинаю сосать его, все быстрее двигая пальцами в ней. Айви вцепляется руками в мои волосы, ее бедра ритмично ударяются о мое лицо, она расслабляется и поддается наслаждению. Я слышу ее стон и крепче сжимаю губами нежный комочек плоти, осторожно покусываю его, и ее бедра сжимаются вокруг меня. Я готов зацеловать ее всю. Еще пара секунд, и вот она уже дрожит и всхлипывает, тянет меня за волосы и кончает на моем языке, губах и лице, а у меня от ее сдавленных криков окончательно сносит крышу.

Член у меня в джинсах твердый как камень, я хочу попросить ее взять его в рот, пососать его, но боюсь, она еще к такому не готова, особенно, если брать в расчет ее странный фетиш по поводу рта и вилок. Вместо этого я быстро расстегиваю пуговицу на джинсах, дергаю вниз молнию, беру в руку подрагивающий член и вхожу в нее, пока ее оргазм еще не совсем утих.

— О боже мой, — стонет она, обвивая ногами мою талию. Она такая горячая и влажная внутри, мне хватает всего нескольких глубоких резких толчков, и вот я уже кончаю внутри нее, совершенно потеряв над собой контроль.

— Черт, — выдыхаю я, притягиваю ее к себе за шею, чтобы поцеловать. Я хочу буквально проглотить эту женщину ртом и членом.

Мы долго медленно целуемся, наше дыхание постепенно выравнивается, застилающий сознание туман рассеивается. Пока мы наслаждаемся посторгазменной негой, Айви нежно гладит меня по спине, ласково, любовно целует меня в губы, в лицо, в шею. Я, похоже, попал в рай.

Твою мать; я влюбился в эту девушку. Потыкайте в меня вилкой. Я, кажется, готов.

В одном из долгих телефонных разговоров во время Рождественских каникул Айви рассказала, что ей никогда не приходится расслабляться на выходных, в эти дни она занимается стиркой, убирается в доме, занимается детьми, и поэтому я решил провести весь остаток дня отдыхая и расслабляясь. Я заманил ее с собой в душ, устроил пенный массаж, сам вымыл ей волосы, а потом нарядил в уютную толстовку с логотипом группы. Несколько месяцев назад Ашеру пришла в голову идея сделать толстовки и футболки со специальным хэштэгом для каждого члена группы, на моих написано *#боготворименя*.

Прочитав надпись, Айви выразительно поднимает брови.

— Стоит вообще спрашивать, что это значит? — интересуется она.

— Просто такая шутка. На футболках Вэндала написано *#испорченаВэндалом*, а это куда хуже.

— Это точно, — хихикает она. — До сих пор это скорее ты меня боготворил... скоро мне придется боготворить тебя, — говорит она, исподлобья глядя на меня.

Да. Прямо сейчас. На коленях передо мной.

— Конечно, когда будешь готова, куколка, пожалуйста. Церковь Лукаса всегда открыта только для тебя.

— Я даже не могу... — Она качает головой. — Лучше сейчас закрыть эту тему.

Остаток дня мы просто отдыхаем вместе, сидя у огня в гостиной, обнимаясь и рассуждая о моей коллекции антиквариата, пытаюсь заставить Рэя забыть непристойные слова, которые он услышал накануне.

— Как думаешь, это странно, что мне не хочется уходить? — спрашивает Айви, когда приходит время отвезти ее домой.

— Если это странно, то мы оба с приветом. Я не хочу, чтобы ты уходила. Оставь себе мою толстовку, пожалуйста. Мне нравится, как она на тебе смотрится.

Улыбаясь, она берет пальто и сумочку, а я — ключи от машины.

— Спасибо тебе. Я отлично провела время. — Девушка смотрит на меня с тоской. Как же не хочется отвезти ее, но Пол скоро должен привезти Томми домой.

В холле, перед дверью, прежде чем выйти на улицу, я обнимаю ее еще раз.

— Мне тоже понравилось. Не хочу, чтобы ты уходила. Когда мы снова увидимся?

— Скоро... дай мне немного времени подумать. На следующих выходных Томми будет со мной.

— Можешь привезти его сюда. Я совсем не против. Комната для него здесь есть. Можете оба остаться на ночь. У меня есть Xbox, и вообще я могу подготовить все, что ему захочется, чтобы ему тут понравилось.

— Не уверена, что уже готова к этому.

— Я мог бы приехать в гости к тебе, — предлагаю я.

— Это еще хуже. — Глубоко вздыхает она. — Не знаю, как лучше поступить.

— Детка, все в порядке. Тут нет никаких правил. Просто, если ты хочешь, чтобы я был частью твоей жизни, мне придется общаться с твоими детьми. А я хочу быть частью твоей жизни, надеюсь, ты это понимаешь. Не хочу видеться с тобой только в те дни, когда Пол забирает Томми. Это раз в две недели. Не поступай так с нами, пожалуйста.

— Я знаю... ты прав, — кивает девушка. — Дай мне подумать, как лучше все устроить. Обещаю, я все решу. Не хочу видеться с тобой раз в две недели.

— Надеюсь, что так. — Мы выходим на улицу, и я запираю дверь. — У меня уже были отношения только ради секса, ни к чему не обязывающие. С тобой я такого не хочу.

Когда мы подъезжаем к ее дому, мне вдруг становится не по себе от мысли, что Пол может предъявить какие-то претензии, когда привезет сына. Что, если он начнет ругаться с ней?

Я беру ее за руку, прежде чем она выйдет из машины.

— Айви, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Хорошо...

— Сегодня утром Пол был у моего дома. Я обнаружил его на парковке, когда ходил за кофе.

— Что?.. — вскрикивает она. — Что он там делал? Почему ты мне не сказал?

Черт. Она рассердилась.

— Он сказал, что отыскал твой телефон с помощью какого-то GPS приложения, и оно, блядь, привело его к моему дому.

— Вот дерьмо. Ты с ним разговаривал?

— Ага, он стоял на моей парковке. Я подумал, что, может быть, он — клиент, но потом он сказал, что ищет тебя.

— Господи боже! Что на него нашло?

— Твою мать, я без понятия. В общем, я сказал, что ты внутри, и он знает, что ты была со мной. Он, как мне показалось, очень рассердился, все называл тебя своей женой. Я немного переживаю, что он закатит сцену, когда приедет сюда с Томми.

Айви раздраженно вздыхает, отворачивается от меня и смотрит в окно.

— Нужно было мне сразу сказать, — отмечает она.

— Знаю. Просто не хотел тебя расстраивать и портить весь день. Он тебе об этом не написал, и я решил, он в замешательстве и не хочет, чтобы ты узнала, что он тебя преследовал.

— Уф. Ладно, жаль, что он появился возле твоего дома, и тебе пришлось с ним разбираться. Ты не должен был этого делать. Но впредь, пожалуйста, говори мне о таких вещах.

— Хорошо. Не злись.

— Я не на тебя злюсь. Просто не понимаю, что с ним случилось. Он получил все, что хотел, и должен теперь оставить меня в покое. Он сам ушел. А мне пришлось смириться. Это было его решение.

Ее слова как нож мне в сердце и масло в огонь моей паранойи, что Пол хочет вернуть ее, и у него, возможно, получится уговорить ее позволить ему вернуться. Как будто услышав мои мысли, Айви поворачивается ко мне.

— Лукас, быть с тобой — *мой* выбор. Я только констатирую факт, что он первый решил уйти. Я была счастлива... или думала, что счастлива. — Она тянется ко мне через панель управления машины и целует в щеку. — Не переживай. Мы с тобой провели чудесные выходные. Давай будем решать проблемы по мере поступления, ладно? Не

волнуйся по поводу того, что он должен сюда заехать. Кричать и скандалить — это не про него.

Нет конечно, зато выслеживать — про него.

— Хорошо. Хотя рядом с моим домом ему лучше больше не появляться. Ладно я, а вот если Вэндал заметит, что он там крутится, все может закончиться не так красиво.

— Уверена, он туда больше не приедет.

— Ты мне напишешь или позвонишь потом? Дашь знать, все ли в порядке?

— Да, конечно, я тебе сообщу.

Прежде чем наконец отпустить, я долго целую ее в губы.

— Я от тебя без ума, Айви. Я на самом деле хочу, чтобы все получилось. — Я обнимаю ее покрепче и зарываюсь лицом в ее волосы; от них приятно пахнет моим шампунем, как будто она сама — часть меня.

— Я тоже, — бормочет она. — Твоя настойчивость сработала.

АЙВИ

Пока я готовлю ужин для детей и жду возвращения Томми, злость на Пола все распалается. Да как он смеет следить за мной и заявляться домой к Лукасу? Что за беспардонное вмешательство в мою личную жизнь? Ведет себя как глупый подросток.

— Мам, это на тебе толстовка «Эшес и Эмберс»? — удивляется Мейси, заглянув на кухню.

Вот дерьмо! Совсем забыла снять ее, и о том, что Мейси, конечно, узнает логотип группы.

— Да, я вчера вечером ходила на их концерт, — беспечно замечаю я в надежде, что она, как обычно, отвлечется на свой смартфон и забудет обо мне.

Но она практически подлетает ко мне с другого конца комнаты:

— Ты сейчас пошутила? Почему ты не предложила мне пойти? Билеты на концерт были моментально распроданы. Тебе же даже не нравится такая музыка!

Я глубоко вздыхаю, ясно осознавая, что проваливаюсь все глубже в собственноручно вырытую яму. Придется говорить правду.

— Ладно, родная, мне нужно тебе кое-что рассказать. Помнишь тату-мастера, парня, чинившего нам пристройку?

— Ага. — Она радостно кивает. — Симпатыга с охрентельной фигурой.

— Его зовут Лукас. Я с ним встречаюсь, и это он пригласил меня на концерт. Он в этой группе...

— Черт возьми, мам! — визжит Мейси. — Лукас Валентайн? Это был он?! Я еще подумала, знакомое у него лицо!

— Да, это он. — Я делаю шаг назад и прислоняюсь к кухонному шкафчику. — Я не знала, что он музыкант и играет в группе.

— Он новенький, мам! Играет только несколько офигенных соло в их новом альбоме. Твою мать, просто охренеть!

— Мейси, прекрати материться и кричать. — Я потираю виски. Ее голос как будто проникает прямо в мозг, даже голова разболелась.

Она смотрит на меня, как на сумасшедшую, и картинно падает на один из стульев у обеденного стола.

— У меня, блин, истерика! То есть, ну какого черта! Мам, ему же вроде лет двадцать! И он секси. Тебе же не нравятся сексуальные парни.

Я добавляю в кипящую воду немного пасты, стараясь не думать об обнаженном Лукасе, лежащем на мне, о его мускулах, татуировках и длинных волосах. Нет, сексуальные парни мне точно нравятся.

— Мейси, ему двадцать четыре, и, естественно, мне нравятся привлекательные мужчины.

— Да, но не такие, как он! Тебе нравятся старые скучные мужчины, как папа.

Помешивая пасту, я стараюсь придумать достойный ответ, не критикуя при этом Пола.

— Внешность в мужчине не самое главное, а твой отец совсем не старый. Ему всего тридцать семь. Лукас очень хороший парень. Безумно талантливый. У него свое дело, и он очень приветливый и чуткий, глубокомыслящий человек.

Дочка театрально закатывает глаза.

— Мам! Ну серьезно! Ну кто думает о таких вещах, когда смотрит на парня вроде него? Никто!

— Что ж, очень зря. Он же человек, а не вещь.

— Сексуальный человек. Нужно рассказать Шелли. У нее будет припадок. — Она достает мобильник и начинает быстро печатать, но я забираю телефон у нее из рук.

— Нет. Мейси, это не шутки. Не нужно сплетничать со своими подружками о моих отношениях.

— Ого, ни фиги себе! — Она смотрит на меня, вытаращив глаза. — У вас с ним все серьезно? Как у папы с Шарлен?

Фу. Какое ужасное сравнение. Думаю, интерес Пола к Шарлен основан исключительно на ее внешности и не имеет никакого отношения к ее личностным качествам, но нашей дочери об этом говорить я точно не буду.

— Да, думаю, все может стать серьезно. Пожалуйста, Мейси, мне очень нужно, чтобы ты вела себя в этой ситуации как взрослая. Мне и так непросто, но он мне очень нравится, и я хочу, чтобы ты и Томми с ним познакомились, и чтобы он вам тоже понравился.

— Мама? Алле? Я с ним уже познакомилась и даже флиртовала с ним прямо вот здесь, у нас на заднем дворе.

— Я знаю...

Она закусывает губу и смотрит на меня с виноватым видом:

— Прости. Блин, как неудобно. Я же понятия не имела. Я бы не вела себя с ним как шлюшка, если бы знала, что он тебе нравится.

— Не знаю, что это значит, но так себя вести вообще ни с кем не стоит.

Я еще раз помешиваю пасту и несколько раз глубоко вздыхаю, чтобы успокоиться. Думаю, придется принять таблетку «Валиума», чтобы дожить до конца вечера и не сорваться с катушек.

— Мам, в последнее время все вокруг — сплошной бедлам. У меня такое чувство, что я участвую в реалити-шоу или типа того. Сначала папа слился с чистильщицей зубного налета, а теперь еще и ты встречаешься с рок-звездой. Того и гляди за мной начнет ходить оператор с камерой.

— Милая, мне тоже хочется, чтобы все было нормально, насколько это возможно. Лукас на самом деле просто обычный парень, который по стечению обстоятельств в родстве с целой кучей рок-звезд, и они используют его музыкальный талант в нескольких композициях. Я не стану другой оттого, что мы с ним будем вместе, и не превращу нашу жизнь в дурдом.

— Мам, на тебе рубашка с логотипом рок-группы и хэштегом «боготвори меня». Уже слегка дурдом. Так, для информации...

Я откидываю пасту и выкладываю ее на сервировочное блюдо, пока в голове проносятся образы Лукаса, ласкающего меня у стены своей церкви.

— Мейси, пожалуйста. Мне очень нужна твоя поддержка и понимание. Сама видишь, я с ним как будто совсем в чужой стихии, но он мне очень нравится. Я с ним счастлива.

— Ну, это заметно. Когда папа был здесь, ты вообще очень редко улыбалась. А как начались визиты в тату-студию, стала улыбаться, начала одеваться получше, да и выглядишь куда довольнее. Если ты счастлива, то и я тоже счастлива. Хотя, конечно, безумно завидую, что у тебя есть горячий бойфренд, а у меня нет, — поддразнивает она. — Иметь классную маму вроде как круто. — Она поднимается со стула и обнимает меня. — Люблю тебя. Я очень рада, что ты счастлива.

Я обнимаю ее в ответ. Надеюсь, когда-нибудь мы с моей девочкой станем лучшими подругами, как я мечтала, когда мне было всего восемнадцать, и я была беременна. Я хотела ее больше всего на свете.

— Я тоже тебя люблю.

Мейси затихает на несколько минут, пока накрывает на стол.

— А с Тэлоном ты познакомилась?

— С Тэлоном? — повторяю я, выкладывая соус в чашу.

— Ага, это их гитарист. У него длинноватые светло-русые волосы, и он жутко симпатичный.

А-а. Тот, что был без рубашки.

— Я с ним не разговаривала, но видела его на сцене. Познакомилась только очень коротко с Вэндалом и Штормом.

— Шторм! Он в реальной жизни такой же сногшибательный?

— Он очень милый. Они с Лукасом, кажется, очень близки.

— Ну ладно. Тэлон — мой любимчик. Лукас, по-моему, самый младший, а потом идет Тэлон.

Нас прерывает звонок в дверь. Мне наконец-то удалось убедить Пола пользоваться им, а не заходить сразу в дом, когда вздумается. По-моему, у него больше нет права так поступать.

— Пойду приведу Томми, — сообщает Мейси и исчезает, но спустя несколько секунд кричит из коридора: — Мама! Папа хочет с тобой поговорить!

Прекрасно. Чувствую приближение еще одного неудобного разговора. Я быстро ополаскиваю руки и выхожу в холл, где ждут Пол и дети.

— Идите, начинайте ужинать, пока я поговорю с вашим папой, — предлагаю им я, быстро целуя Томми, прошмыгнувшего рядом.

— Ты покрасила волосы, — замечает Пол, когда они уходят.

— Ты об этом хотел поговорить?

— Нет, но выглядит очень хорошо.

— Что именно ты хотел? — Я скрещиваю руки на груди. — Я бы хотела поужинать со своими детьми.

Он озадаченно потирает затылок ладонью.

— Что с тобой происходит? — приглушенным голосом спрашивает он.

— Что, прости?

— Ты ходишь на свидания? Проводишь ночи с другими мужчинами?

— Ты серьезно? — тарашусь на него я. — С какой стати тебя это касается? И речь идет об одном мужчине, не о «других мужчинах».

— Мы еще пока официально женаты.

— Ты бросил меня и детей, чтобы переехать в новую квартиру с разлучницей, Пол. Подал на развод через неделю. Прошло уже несколько месяцев, и я все это время была одна. Думаю, мне уже можно сходить на свидание.

— Она не разлучница.

— Она знала, что ты женат. Она несколько раз встречалась с твоими детьми и со мной, и тем не менее все равно с тобой переспала. Даже если ты такой свинья, чтобы начать ее домогаться, она должна была держаться от тебя подальше, зная, что ты женат.

— Видел я твоего так называемого бойфренда. — Пол свирепо смотрит на меня. — О чем ты только думаешь?

— Я думаю, что он прекрасный человек, он обращается со мной, как с принцессой, и я ему на самом деле нравлюсь.

— Да он же гребанный мальчишка-панк. Выглядит как цирковое пугало.

Я стараюсь не выйти из себя и прикусываю язык. Ужасно надоело, что люди пытаются судить о Лукасе по его внешнему виду и не видят, какой он удивительный человек. Не знала, что дискриминация против людей с боди-артом так сильно распространена.

— Ты его не знаешь, Пол. Он удивительно талантливый, успешный, преданный и хорошо воспитанный. Ты мог бы у него кое-чему поучиться.

Он наклоняется ближе ко мне, и я чувствую у себя на лице его горячее дыхание.

— Не хочу, чтобы этот клоун находился рядом с моими детьми.

— Твое мнение в этом вопросе меня не интересует. Ты бросил нас ради дешевой шлюшки. У вас больше года был роман, и ты все это время нам лгал. У тебя нет никакого права осуждать его только потому, что у него есть тату и пирсинг. Он хороший человек.

— Он, блядь, совсем мальчишка. Что, совсем отчаялась?

— *На себя посмотри!* Кажется, он старше твоей подружки, так, для информации.

Мужчина качает головой и нервно прохаживается по холлу.

— Не представляю, что на тебя нашло, Айви.

— На меня? С тобой что случилось? Ты разрушил восемнадцать лет брака, а теперь преследуешь меня? Ты сам выбросил меня на помойку и не имеешь права следить за мной и как-то вообще комментировать, с кем я решила провести время.

— Не думал, что ты выкинешь что-то подобное.

— Подобное чему? Найду кого-то, с кем буду счастлива?

Он резко останавливается и пристально смотрит на меня.

— Что у тебя вообще может быть общего с таким, как он? Он просто потрахается немного и избавится от тебя. Может, еще и с заразой какой-нибудь останешься в итоге.

Я вздыхаю, его истерика и убогие попытки настроить меня против Лукаса мне надоели.

— Мы отлично ладим, и он умеет меня рассмешить. Мы хотим от жизни одного и того же. Нам обоим важна и нужна преданность. А самое главное — я счастлива, а все остальное сейчас неважно. И это ты от меня избавился. Очень быстро.

Он подходит ко мне и кладет руку мне на плечо.

— Мне очень жаль, что я так поступил, Айви. Я все время об этом думаю и ужасно себя из-за этого чувствую. Не хотел тебя так сильно обидеть.

Было время, когда мне так сильно нужно было услышать эти слова, когда они еще могли для меня что-то значить, но сейчас все прошло. Я ничего к нему не чувствую, кроме раздражения.

— Ну, что сделано, то сделано, Пол. Мы оба теперь движемся вперед. Я бы хотела, чтобы вопрос с разводом поскорее уладился. Нужно будет решить и утвердить твой график посещения детей и разобраться, что будем делать с этим домом. Тогда оба будем окончательно свободны.

— Ты этого хочешь?

— Ты этого хотел, Пол. Я не хотела ничего из того, что случилось, но оказалась там, где оказалась.

Он прислоняется к стене и опускает голову.

— От одной мысли, что этот парень к тебе прикасается, с ума схожу. Ты всегда была только моей. А теперь я представляю, как этот мальчишка с длинными волосами и татуировками лезет к тебе, и меня тошнит.

Я пытаюсь справиться с непрошеными слезами, наворачивающимися на глаза.

— Я так же себя чувствовала. Мы были друг у друга первыми и должны были быть единственными. Представляешь, что я чувствовала, когда узнала, что ты спал с другой женщиной у меня за спиной? — голос у меня срывается, и я глубоко вздыхаю. — Я слышала, как ты говорил ей, что хочешь ее трахать. Ты вообще представляешь, как больно мне было?

Он облизывает пересохшие губы и медленно кивает, до него доходит смысл моих слов:

— Теперь я понимаю.

— Вот и прекрасно. Ты это заслужил.

Он поднимает на меня глаза, и я вижу в них сожаление и печаль, но сейчас уже слишком поздно. Несколько месяцев назад я бы ухватила за такую возможность, постаралась бы дать ему понять, как сильно его люблю и как много нас связывает. Я бы попросила его вернуться и попытаться начать все заново. Умоляла бы бросить Шарлен и простила бы его.

Но не сейчас, потому что теперь мое сердце принадлежит мужчине, который разбудил во мне слишком много новых желаний. Я хочу видеть, как темные волосы падают на его глубокие, чувственные глаза. Хочу чувствовать своим телом его твердое тело, покрытое татуировками. Хочу, чтобы он нежно обнимал меня, как куколку, в один момент и жестко овладевал мной у стены — в другой. Хочу слышать, как он играет прекрасную музыку и видеть его удивительные работы. Но больше всего хочу быть хранительницей его раненого сердца.

— Тебе лучше уйти, — говорю я, выпрямив спину. — Я хочу побыть с детьми.

Я разворачиваюсь и оставляю его одного в холле. К тому времени, как я дохожу до кухни, чтобы насладиться ужином в компании своих детей, до меня доносится тихий щелчок закрывшейся входной двери.

«Лукас: Это был самый классный день в моей жизни. Я скучаю».

«Я: Мне тоже понравилось, и я тоже по тебе скучаю. Очень сильно. ХО»

«Лукас: Как прошел вечер?»

«Я: Вечер был интересный. Я рассказала о тебе Мейси. Она в шоке, но в целом, думаю, не против. Ей очень нравится группа, особенно Тэлон. ;-)»

«Лукас: Ну уж нет. Он ей проходу не даст».

«Я: Да, давай лучше постараемся избежать такого, пожалуйста».

«Лукас: А в остальном как?»

Понимаю, он намекает на Пола, хочет узнать, все ли в порядке, или что-то изменилось.

«Я: Пол заходил, когда привез Томми. Закатил истерику по поводу того, что я встречаюсь с тобой. Ревнует. Он — единственный мужчина, с кем я раньше была, и ему трудно принять то, что я с тобой».

«Лукас: Зашибись. Он сам тебя отпустил».

«Я: Знаю. Приблизительно так и я ему сказала».

«Лукас: Горжусь тобой. Я знаю, как тебе все это тяжело дается».

«Я: Точно. Чувствую себя разбитой».

«Лукас: Хотел бы я быть рядом, обнять тебя, подбодрить немного».

«Я: Я бы тоже хотела. Мне как раз этого не хватает. Ты лучше всех на свете обнимаешься».

От него нет ответа, поэтому я проверяю, как там дети, переодеваюсь в пижаму и устраиваюсь поуютнее в кровати, чтобы немного почитать, в надежде, что это поможет мне отвлечься, и я смогу хорошо выспаться. Как раз когда я забираюсь под одеяло, жужжит телефон.

«Лукас: Что делаешь?»

«Я: Сажу в кровати, читаю. Думала, ты уснул. :)»

«Лукас: Подойди к входной двери».

«Я: Что?»

«Лукас: Давай же, женщина, иди уже. ;-)»

О Господи! Он что, здесь?

Я набрасываю халат и тихонько спускаюсь вниз. Когда, открыв входную дверь, я выхожу на улицу, Лукас стоит прямо передо мной, улыбаясь.

— Лукас! Ты с ума сошел!

Он притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Эй, если моя девочка хочет, чтобы ее обняли, значит, нужно ее обнять.

— Ты. Самый. Лучший. В мире, — выдыхаю я, обвивая руками его за талию и прижимаясь.

Он кладет палец на мой подбородок и приподнимает так, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Все нормально, куколка моя?

— Теперь да. Ты такой милый, Лукас. И мне так страшно. — Я начинаю плакать, сама не знаю почему. Наверное, потому что совершенно обескуражена собственными чувствами к нему: слишком глубокими, слишком идеальными и так странно знакомыми.

— Эй, эй, ну. Все хорошо, — шепчет он. — Я здесь, и я никуда не денусь. Я рядом, и я буду о тебе заботиться, Айви. — Он нежно целует мои губы. — Думаю, это как раз то, что тебе необходимо — чтобы кто-то о тебе заботился.

Сердце у меня готово разорваться от нежности, и я зарываюсь лицом в его теплую грудь. О таких, как Лукас, женщины обычно только мечтают, и вот он здесь, на моем пороге, обнимает меня. И он настоящий — не сон, не персонаж книги, не герой фильма. *И он мой.*

АЙВИ

— О, Господи! Мам, как ты думаешь, может быть, там будет кто-нибудь из группы? — спрашивает Мейси, когда мы останавливаемся на светофоре.

Покачивая головой, я приглушаю звук радио.

— Нет. Мы едем к нему домой, чтобы вы двое могли с ним познакомиться и немного узнать друг друга. Никого из музыкантов группы там не будет.

— Можно, я поговорю с птичкой? — подает голос Томми с заднего сиденья. — Она со мной захочет поговорить?

— Да, — улыбаюсь я ему в зеркало заднего вида. — Можешь поговорить с Рэем, и он, скорее всего, тоже будет рад с тобой поболтать.

Остается только молиться, чтобы Рэй не выдал вслух что-нибудь неприличное.

— Поверить не могу, мы едем в гости домой к Лукасу Валентайну. — Мейси делает звук радио обратно погромче. — Это грандиозно! У папы настоящий приступ случился, когда я ему рассказала. Оказывается, Шарлен тоже от них фанатеет. Ты об этом знала?

— Что? — переспрашиваю я. — Ты ему рассказала?

Машина за нами начинает яростно сигналить, чтобы мы наконец двинулись с места.

— Мам, зеленое не будет. Поехали, — закатывает глаза Мейси.

Я давя на газ и крепче цепляюсь за руль в попытке взять под контроль внезапно нахлынувшие эмоции. В сознании мелькает миллион разных сценариев. Я и так достаточно нервничала по поводу первого знакомства и визита детей домой к Лукасу, а новая информация о том, что разлучница-Шарлен еще ко всему прочему и фанатка «Эшес и Эмберс» только добавляет беспокойства.

— Родная, я бы не хотела, чтобы ты рассказывала папе обо всем, что я делаю.

— Прости. Просто я так обрадовалась! А он очень рассердился. Особенно когда Шарлен сказала, что ходила на их концерт в прошлом году.

— Ладно, давай только постараемся не добавлять еще больше стресса к и без того непростой ситуации?

— Я и сама не хотела. Они все равно постоянно ругаются.

— Кто ругается? — уточняю я, заворачивая на парковку перед домом Лукаса.

— Папа и Шарлен. Каждый раз, когда я разговариваю с папой по телефону, она ноет что-то на заднем плане, а в те несколько раз, когда я ездила к ним в гости, она все время ходила с недовольным лицом. — Мейси выглядывает в окно и озадаченно смотрит на меня. — Зачем мы остановились?

— Лукас живет здесь. — улыбаюсь ей я.

— Что? — Лицо у нее тут же загорается оживлением, как это бывает только у сумасшедших возбужденных подростков. — Ты встречаешься с парнем, который живет в старой каменной церкви? Мам, я хочу быть тобой, сто пудов!

— Разве можно жить в церкви? — интересуется Томми, пока мы выбираемся из машины.

— Да. — Я беру его за руку. — Это уже не церковь, но очень много лет назад тут был храм. Сейчас его переделали в обычный дом.

Он разглядывает здание, пока мы подходим ближе к входной двери.

— А мне нужно вести себя тихо? И молиться? — на всякий случай решает уточнить мальчик.

— Ну, думаю, не стоит кричать во все горло, мы же в гостях. — Я улыбаюсь ему и сжимаю в руке маленькую ладошку. — Но шептать не надо и молиться тоже.

— Я помолюсь, чтобы он познакомил меня с Тэлоном, — шутит Мейси.

Не понимаю, почему всегда удивляюсь, когда дочка говорит о парнях. Я сама была всего на несколько месяцев старше нее теперешней, когда забеременела ею. Неужели я была такой юной и уже занималась сексом, думая, что влюблена? Тогда я казалась себе такой взрослой и искушенной. Неудивительно, что родители так переживали. Представить себе не могу Мейси беременной и собирающейся замуж в ближайшем будущем. От одной мысли содрогаюсь.

Лукас открывает нам дверь с широкой улыбкой на лице и быстро чмокает меня в щеку. Я даже благодарна ему за такую консервативность в проявлении чувств перед моими детьми. Он сегодня особенно хорош и мил: на голове черная вязаная шапочка, длинные волосы торчат из-под нее, а одет он в белую футболку, выцветшие джинсы и мои любимые черно-белые кроссовки.

— Привет, — здоровается он, пожимая руку Томми. — Я — Лукас.

Томми буквально светится, глядя на него.

— А я — Томми! У тебя такой классный дом!

— Что ж, спасибо, приятель. Привет, Мейси, — смеется Лукас. — Заходите.

— Черт возьми, — выдыхает Мейси, осматриваясь вокруг, когда мы проходим в гостиную. — Невероятное место!

— Спасибо, — благодарит Лукас. — Устраивайтесь поудобнее.

Томми несетя напрямиком к клетке с птицей.

— Ого! — кричит он. — Смотри! Он по-настоящему настоящий!

Рэй наклоняет маленькую головку и шумит крылышками.

— Я красивая птичка, — говорит он.

Томми оглядывается на нас, глаза широко распахнуты, рот приоткрыт.

— У-у-у! Он по-настоящему разговаривает!

— Я хочу тебя, — выдает следующую фразу Рэй. Лукас и я переглядываемся и стараемся не засмеяться.

— Он меня хочет! — Томми прыгает на месте от восторга.

Мейси подходит к братику и, скрестив руки на груди, с деланно строгим лицом и улыбкой поворачивается к нам.

— Надо же, какой интересный набор фраз у этой птички, — поддразнивает она.

Я беру их обоих за руки и тащу подальше от компрометирующей птицы.

— Давайте оставим его в покое, а не то он испугается. Он наверняка не привык к такому вниманию и толпе народа, правда, Лукас?

— Вот именно, — кивает Лукас. — Он слегка не в себе, когда вокруг много людей.

Я присаживаюсь на диван и наблюдаю, как Лукас показывает детям дом, а также отвечает на бесконечные вопросы Томми про антикварные предметы и статуэтки и на восхищенные комментарии Мейси про группу. Он очень терпелив и мил с ними обоими, и им он тоже искренне нравится, я это сразу вижу. Они окончательно очарованы, когда он приглашает их на кухню, чтобы вместе приготовить мини-пиццы, и каждый может выбрать начинку на свой вкус. Тесто и все остальные ингредиенты были приготовлены заранее. Я расслабляюсь и, пока наблюдаю за ними, мозг постепенно уносится вдаль — туда, куда, скорее всего, пока еще носиться не стоит, но ничего не могу с собой поделать — не могу удержаться от мысли, что из Лукаса получится отличный отчим.

С каждой неделей, что проходит мимо, я все больше к нему привязываюсь, все сильнее в него влюбляюсь, мне все время хочется больше Лукаса и быть рядом с ним. А

теперь, по большому счету, можно забыть о моих страхах насчет того, что детям он не понравится.

Я все наблюдаю за ними тремя, и, поймав случайно мой взгляд с другого конца комнаты, он озорно мне подмигивает. Хочется расцеловать его всего от счастья, но я сдерживаю порыв. Не хочу смущать детей, слишком уж проявляя чувства у них на виду. Не знаю, как ведут себя при них Пол и Шарлен, но с нами они точно никогда не почувствуют неловкости.

После ужина я помогаю Лукасу убрать кухню, а дети перемещаются в гостиную.

— У тебя замечательные дети, — улыбается Лукас, притягивая меня к себе и быстро обнимая. — Оба уже самостоятельные личности.

— Спасибо. Ты им очень нравишься. Я могу сказать наверняка.

— Это у них, наверное, от мамы, — смеется он.

Я подхожу к двери и заглядываю в гостиную, где Томми играет в видеоигру, сидя на полу, а Мейси читает одну из книг Лукаса по искусству, свернувшись калачиком на диване.

Он подходит ко мне сзади и, обвивая руками, прислоняется головой к моей макушке.

— Видишь? Им здесь хорошо, Айви. Мейси читает, не сидит в телефоне и не чатится. А твой сын только что приготовил отличную пиццу.

Он нежно разворачивает меня лицом к себе.

— Завтра я буду сидеть с Кейти, она останется у меня на ночь и на весь день в воскресенье. Почему бы вам с Томми не приехать к нам на ужин и не остаться на ночь? А потом можно провести всем вместе всё воскресенье? У меня две свободные спальни, каждому из детей достанется собственная комната. Будет прикольно. Кейти милая девчушка. Она тебе понравится.

Я немного колеблюсь, прежде чем ответить, но не потому, что не хочу, а потому что его идея кажется очередным важным шагом в лестнице наших отношений. Если Томми и я оба останемся на ночь у Лукаса, познакомимся с ребенком из его семьи — все это для меня очень серьезно. Это значит, что мы все больше окунаемся в жизни и семьи друг друга, и на кону оказываются не только наши чувства, но и чувства других людей.

Лукас рассматривает выражение моего лица и хмурит лоб.

— О чем ты переживаешь? — тихо спрашивает он.

— Еще больше впутывать в отношения детей... серьезный шаг.

— Я в курсе, и не предлагал бы это, если бы не был абсолютно серьезно настроен по отношению к тебе и не хотел стать частью твоей жизни. Я не стал бы просто так ранить родного человека. — Он слегка сжимает мою талию. — И я совершенно точно не хотел бы проводить побольше времени с твоими детьми, если бы не был уверен, что мы двигаемся в правильном направлении.

— Я знаю, знаю. — Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю. — Хорошо... мы останемся на ночь завтра. Думаю, Томми понравится. Ему, похоже, с тобой комфортно.

Поверх моего плеча он смотрит на детей в гостиной.

— Мне он тоже нравится. Именно этого я хочу.

— Чего ты хочешь?

— Тебя, детей... Все сразу. — Он смотрит в мои глаза и улыбается.

— Ты уверен? — Его слова проникают в сознание и сердце начинает колотиться быстрее.

— Уверен. Ни капли не сомневайся, детка. Я об этом всегда мечтал.

— Тогда ладно. Давай завтра заночуем вместе, посмотрим, как справимся с двумя маленькими детишками, которые носятся вокруг, и птичкой, которая повторяет все, что мы говорим.

Рассмеявшись, он обнимает меня покрепче.

— Звучит зашибенски.

АЙВИ

Проведя несколько часов в компании Лукаса и двух маленьких детей, я начинаю думать, что ему стоит открыть детский сад вместо тату-студии. Он потрясающе ладит с детьми. Его пятилетняя племянница Кейти — очаровательная маленькая девочка и обожает своего дядю. Мы сидим, уютно устроившись на диване с ней и с Томми, смотрим диснеевские фильмы, а потом Лукас помогает им самостоятельно приготовить десерты с мороженым. Когда приходит время ложиться спать, я увожу Томми в отведенную для него спальню, а Лукас укладывает Кейти.

— Ты хорошо провел сегодня время? — спрашиваю я у Томми, накрывая его одеялом на огромной кровати. Он кажется в ней совсем маленьким.

— Да, мамочка. Лукас веселый, и Кейти тоже.

— Я очень рада, зайчик.

— Мы еще сюда приедем?

— Да, точно приедем. — Я целую его в лоб. — Думаю, мы будем немало времени проводить с Лукасом. Ты не против?

— И с Рэем тоже? — На лице у сынишки расплывается счастливая улыбка.

— Да, и с Рэем тоже.

— Мама, ты выйдешь замуж за Лукаса?

— Не знаю, милый. Но мы друг другу очень нравимся.

— Вы сейчас лучшие друзья? — спрашивает он.

Я улыбаюсь и киваю:

— Да, пока что мы — лучшие друзья.

— А можем мы завести щенка?

Щенка? Это что-то новенькое.

— Мы подумаем и решим, ладно?

— Хорошо. Спокойной ночи, мамочка.

— Спокойной ночи.

Я еще раз целую его в щечку и выхожу из комнаты. В коридоре я останавливаюсь у двери во вторую свободную спальню, посмотреть, как дела у Лукаса с Кейти. Он сидит на краю ее кровати, читает ей книжку, пародируя голоса персонажей. Она сидит на кровати в окружении мягких игрушек, а вместо темно-бордового комплекта постельного белья кровать теперь застелена розовым, с мультяшными котятами. О боже, я сейчас растаю! Он перестелил для нее постель и поменял одеяло. Через несколько минут глаза у нее медленно закрываются, он тихонечко целует ее, раскладывает вокруг нее игрушки и выходит ко мне в коридор.

— Ты потрясающий, — шепчу я.

— Правда, она очень милая?

— Правда. И ты тоже очень милый.

Он берет меня за руку и ведет в свою спальню. Прикрыв дверь наполовину, он скидывает с ног кроссовки.

— Придется оставить ее открытой, вдруг кому-то из них придет в голову позвать нас. — Он бросает взгляд в сторону приоткрытой двери. — Наверное, тебе будет непросто, но придется постараться сдерживать свои стоны в экстазе, чтобы быть хотя бы на пару децибел тише.

Он стягивает через голову футболку, потом шапочку и тянется ко мне.

— Стоны и экстаз? — повторяю я, понимая, что краснею.

Он ловит мои губы своим ртом и ведет меня к кровати, не прерывая поцелуй и стягивая на ходу мою рубашку.

— Может, нам не стоит валять дурака, пока дети совсем рядом?.. — шепчу я, пока он расстегивает мой лифчик.

— Не, не, не... — Голос у него тихий, он снимает с меня лифчик и сжимает в руке мою грудь. — Мы не станем превращаться в тех родителей, которые не занимаются сексом, потому что дети спят в соседней комнате. Мы просто постараемся вести себя тихо-тихо.

— Ты хоть представляешь, как это непросто?

— Я *знаю*, насколько это непросто, — дразнит он, прижимаясь ко мне всем телом.

Хихикая, я зарываюсь носом в его шею:

— Ты такой плохой!

Он осторожно толкает меня на кровать и быстро снимает с меня туфли и брюки.

— Забирайся под одеяло, — шепчет молодой человек, отодвигая покрывало. — Думаю, нужно прикрыться. Вдруг один из детей решит заглянуть к нам.

— Отличная идея! — шепчу я в ответ, залезая под одеяло, пока он стягивает с себя джинсы и забирается в кровать ко мне. Мы лежим на боку, лицом друг к другу, я убираю в сторону прядь его волос, упавшую на глаза. — Спасибо, что пригласил нас сегодня. Мне очень понравилась Кейти. Она очень милая и воспитанная. И Томми она тоже понравилась.

Лукас кладет руку мне на бедро.

— Вы, ребята, тоже ей очень понравились. Обожаю эту малышку. Она — моя маленькая принцесса.

Я тихонько целую его губы и позволяю себе опустить возведенную вокруг собственного сердца оборонительную стену еще на капельку ниже.

— Я в тебя сильно втрескалась, — шепчу я, играя с прядью его волос. Он притягивает меня к себе, откидывается на спину так, что я лежу на нем, и, собрав в одну руку мои волосы, убирает их в сторону.

Его глаза ищут мои в полумраке комнаты.

— Айви... я тоже. Втрескался по самые уши.

Сердце мое накрывает волной нежности, я закрываю глаза, впитывая в себя его слова, чтобы навсегда сохранить их в памяти. Его ладонь ласкает мою щеку.

— Детка, мы могли бы так жить. Ты же это знаешь? Мы можем быть вместе навсегда.

Навсегда. Я когда-то верила в то, что «навсегда» бывает. Пока оно не закончилось. Может быть, «навсегда» вообще не существует, а когда люди говорят это слово, они на самом деле имеют в виду «пока все будет легко и просто». Вечность в наши дни, похоже, измеряется хорошими моментами, но заканчивается, когда начинаются плохие.

Глядя в его темные глаза, я понимаю без тени сомнения, для Лукаса «навсегда» бесконечно. Я это *чувствую*.

Его руки скользят вниз по моему телу и останавливаются у моей попы. Он сжимает в ладонях мои ягодицы.

— Если ты мне позволишь... Я так много могу тебе дать. И физически, и духовно. — Он целует мои губы, покусывает нижнюю и слегка отодвигается, оттягивая нежную плоть. Я резко вздыхаю и прижимаюсь бедрами к его твердому члену. — Я хочу завлечь тебя в свой мир и никогда больше не отпускать.

— Я тоже этого хочу, Лукас. Пожалуйста, не думай, что я этого не хочу.

Наклонив голову, я целую его в губы, сначала осторожно, потом более страстно, и наши языки сплетаются в бесконечном поцелуе. Его теплые руки медленно скользят по моей спине, по плечам, вниз по рукам, пока наши ладони не соприкасаются. Переплетя пальцы с моими, он поднимает руки у нас над головами и прижимает их к изголовью кровати, заставляя меня приподняться и выгнуться.

— Хочу, чтобы ты трахнула меня вот так... без рук, — предлагает он тихим голосом.

— Лукас... — Тепло разливается по моему телу, распалает огнем мои бедра. Его «непристойные» слова как всегда шокируют и возбуждают, и я чувствую, как между ног мгновенно становится влажно и горячо. Приподнявшись на коленях, я располагаюсь прямо над его твердым членом и, покачивая бедрами, опускаюсь на него до тех пор, пока влажная головка не скрывается полностью в моих складочках, а затем сажусь, вбирая в себя его всего.

— Совершенство, — бормочет он голосом, хриплым от желания, и крепче сжимает своими пальцами мои. — Люблю твоё тело. Позволь ему любить меня в ответ.

Его слова помогают мне побороть неуверенность в себе от сознания, что сверху я, наверное, выгляжу не особенно привлекательно. Никогда не любила эту позу — до сих пор. Видеть его под собой, его разбросанные по подушке волосы, полуприкрытые чувственные глаза, покрытые татуировками руки, вытянутые за головой, напряженные мускулы — пульс у меня начинает зашкаливать. Притянув меня к себе одной рукой, он зарывается лицом между моих сисек, проводит языком по мягким округлостям, пока я продолжаю медленно двигаться на нем. Он засасывает в рот мой сосок, и меня словно пронзает электрическим током.

Как будто приглашая меня двигаться в унисон с ним, Лукас начинает двигать бедрами вверх, медленными томными кругами впиваясь в меня, и я выгибаю спину навстречу его легким толчкам.

— Поцелуй меня. — Его голос выводит меня из охватившего мое сознание эротического беспамятства, но только на мгновение. Мне никогда раньше не указывали, что делать, не связывали во время секса — даже ради смеха, — и я никогда не могла понять в чем кайф, когда видела такое в кино. Но сейчас, когда он крепко удерживает мои руки, не позволяя прикоснуться к себе, когда сексуальным, хриплым голосом приказывает поцеловать его — вот где настоящий афродизиак. Мое тело как будто растекается, сливается с его, мои губы льнут к его рту, приоткрываясь, чтобы пропустить внутрь его язык, а пальцы еще сильнее обвиваются вокруг его ладони.

Мы занимаемся любовью, большими пальцами он осторожно ласкает кругами мои ладони, и каким-то непостижимым образом от этого крошечного движения внутри меня разгорается еще большее желание. Такое обыденное прикосновение — его пальцы скользят по моим ладоням — для меня становится верхом чувственности. Большие пальцы ритмично двигаются одновременно с его бедрами, и я окончательно теряю разум, содрогаясь от оргазма, прижимаюсь губами к уголку его рта и сдавленно шепчу его имя.

— Не останавливайся... — Все еще сжимая мои руки в одной ладони, он заставляет меня подняться так, чтобы я сидела на нем прямо. — Я хочу тебя видеть.

Он отпускает мои руки и сжимает ладонями грудь.

Моя киска сжимается вокруг его члена, когда меня пронизывает очередной волной экстаза, но назойливый голос в голове тут же напоминает: *«Ты, наверное, кажешься сейчас такой толстой. У тебя же растяжки. Слезай и спрячься под него!»*.

Он поднимается, обнимает меня сильными руками, притягивает ближе к себе, ритмично покачивается, проникая в меня еще глубже.

— Ты потрясающая, — рычит он, тянет меня за волосы, заставляя откинуть голову назад, и льнет губами к моей шее, посасывая и нежно покусывая. Потом немного отталкивает меня так, что я прогибаюсь в талии, широко разведя в стороны бедра и выпятив вперед грудь, после чего Лукас, обхватив мою талию, начинает двигать меня вверх и вниз на своем члене. Я как замороженная смотрю на него, на напряженные мышцы его плеч, живота и бедер, на выступившие на его груди капельки пота, поблескивающие на татуировке, изображающей дракона, отчего тот кажется почти что живым. Я практически парализована и не в состоянии двигаться. Он такой красивый. Живое

искусство. Лукас — все то, чего я хочу, хотя до сих пор и не подозревала об этих желаниях. А ведь я хочу его. Правда.

Он смущенно улыбается, резко притягивает к себе быстрым, сильным рывком и обнимает за шею.

— Твой глаза меня убивают, Айви, — шепчет он, вбиваясь в меня так глубоко, что я вздрагиваю. — Думаю, я никогда тебя больше не отпущу.

Мы двигаемся все быстрее и резче, прижимаясь друг к другу, я беру его за плечи и целую его горячие губы.

— Думаю, возражений ты не дождешься, — поддразниваю я.

Он обхватывает ладонями мое лицо, одаривает глубоким поцелуем и резким финальным толчком вдалбливает в меня свой член.

АЙВИ

Парное свидание. Обычный ужин у меня дома в компании моей давней хорошей подруги и ее мужа не должен, казалось бы, вызывать хоть сколько-нибудь малейший стресс. Мы устраивали такие свидания сотни раз.

Но теперь я встречаюсь с молодым парнем.

Накрывая на стол в гостиную, пока Лукас готовит лазанью и цыпленка с пармезаном на моей кухне, я бросаю взгляд на Линдси. Она откусывает чересчур большой кусок хлебной палочки, наблюдая за тем, как Лукас перемещается по кухне, и практически пускает слюни.

— О боже, Айви! — шепчет она. — Ты выиграла в лотерею.

— О чем ты говоришь? — недоумеваю я.

— О нем. Сексуальный до чертиков и еще и готовить умеет. Он просто бог! Я тоже себе такого хочу.

— Линдси... это же не стрип-клуб. Веди себя прилично, — предупреждает Сэм.

Она делает большой глоток вина, продолжая разглядывать Лукаса, как аппетитный кусок мяса. Не будь она моей лучшей подругой, я бы разозлилась, но она совершенно безобидна, поэтому я просто шутливо подталкиваю ее и сажусь за стол напротив них с мужем.

— На прошлой неделе мы все ужинали в этом новом заведении. Я бы сказал, что его перехвалили. Еда там не такая уж и вкусная, — рассказывает Сэм, пытаюсь отвлечь внимание жены.

— Ты о новом ресторане в центре города? Я там была с парнем с работы какое-то время назад. Народу было битком, — отвечаю я.

— В тот вечер, когда мы там были, тоже. Пришлось вечность ждать большой столик, чтобы все смогли уместиться, — добавляет Линдси.

— Все? — повторяю я.

— Ага... ну, знаешь... все мы, — смущенно заикается она.

«Все мы» раньше означало нас с Полом, Линдси с Сэмом и еще две другие пары, с которыми мы дружим уже около пятнадцати лет.

— Пол и Шарлен тоже там были? — интересуюсь я, чувствуя, как сжимается сердце. С чего бы они вдруг решили провести время с ними, а не со мной? Они же *мои* друзья.

— Отличная работа, — подтрунивает Сэм, толкая Линдси локтем, а та смущенно улыбается мне.

— Прости, Айви. Мы подумали, если приглашать и вас с Лукасом тоже, было бы неловко.

— Не понимаю, зачем нужно было вообще приглашать Пола, пригласили бы меня.

— Мы с Полом все еще друзья, — замечает Сэм. — Мы вместе играем в гольф с другими парнями. — Он наклоняется поближе и говорит приглушенным голосом, словно мы обсуждаем что-то запретное: — Лукас не совсем вписывается в нашу компанию.

— Ну и что? — возражаю я. — Он все равно мог бы прийти на ужин.

Они молча смотрят на меня и моргают, а я продолжаю, чувствуя, как нарастает раздражение.

— Значит, теперь вы, ребята, общаетесь с Полом и Шарлен? Она вписывается в компанию? Она же моложе Лукаса.

— Не расстраивайся. — Линдси прикасается к моему плечу. — Это неважно. Ты же все равно терпеть не могла эти ужины большой компанией.

Это правда, но мне все равно неприятно, что теперь Шарлен общается с *моими* друзьями.

— Просто у меня такое чувство, что меня предали, — объясняю я. — Мы дружим уже целую вечность, все мы.

Линдси делает еще одну попытку меня утешить.

— Айви, это просто оттого, что он... другой. Ему не захочется сидеть с этими мужиками и разговаривать о скучных деловых встречах и гольфе. Не переживай. Радуйся и наслаждайся своими отношениями. Ты же не собираешься за него замуж.

— Я знаю, но мне бы все равно хотелось сохранить своих друзей, — бормочу я.

— Мы и есть твои друзья. Мы тебя любим, — уверяет Линдси. — Все считают, что Пол повел себя с тобой как засранец. Мы на твоей стороне. Поэтому мы здесь.

— Я не знала, что нам нужно выбирать, кто на чьей стороне. Вам что, по двенадцать лет?

— Не нужно так драматизировать, Айви. Ты счастлива. Это самое главное. Он — именно то, что тебе нужно было, чтобы выбраться из болота, в котором ты оказалась.

Покачав головой, я ухожу на кухню, помочь Лукасу с сервировкой.

Мне все еще не по себе, когда Лукас приходит ко мне домой; жду не дождусь, когда детали развода будут оговорены и процедура завершится. Я смогу продать этот дом и уехать прочь от воспоминаний, которыми он наполнен.

Лукас непривычно тих во время ужина, который, как всегда, удался ему на славу. Я дожидаюсь, пока Линдси с Сэмом уйдут, укладываю Томми спать и решаю заговорить с ним об этой его неожиданной отстраненности.

— Все хорошо? — спрашиваю я, когда наконец спускаюсь вниз и обнаруживаю его сидящим за столом в едва освещенной кухне. Может быть, ему самому неприятно находиться в этом доме, но, поскольку я здесь живу, делать нечего, придется приходить сюда, если он хочет видеть меня в те дни, когда дети со мной.

Он пускает монетку волчком по поверхности стола.

— Я слышал, что ты сказала, — говорит он.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Что я сказала?

— Когда Линдси сказала: «ты же не собираешься за него замуж», ты с ней согласилась.

Черт. Я правда согласилась.

— Лукас, ты же видел, как они себя повели. Я не хочу делиться с ними своими чувствами по отношению к тебе. Сам видишь, мои друзья теперь в команде Пола.

Молодой человек хмурится и снова сосредоточивается на монетке у себя перед глазами.

— Они меня даже не знают. Это не я трахался с другой девчонкой у тебя за спиной, не я бросил тебя и детей. И тем не менее он — персонаж приемлемый?

— Они — идиоты. И ты прав. Они понятия не имеют о том, какой ты замечательный. И они много теряют.

Он еще несколько раз запускает волчком монетку и поднимает на меня глаза.

— Ты это серьезно?

— Что серьезно?

— Что не собираешься за меня замуж.

Я чувствую, что меня загнали в угол. Мы никогда не говорили о браке. Мы говорили о любви и о родственных душах. Говорили о преданности. О нашем удивительном, чувственном влечении и связи. Но замужество?

Теперь, когда он завел этот разговор, мое сердце и мысли словно вихрем несутся кругами на чертовом колесе.

— Я еще даже не в разводе официально. Как я могу сейчас думать о новом замужестве? — отвечаю я, словно защищаясь. Наверное, ответ не самый хороший, но я уже произнесла это вслух.

Лукас поднимает одну бровь.

— Мы спим вместе, а ты пока еще официально замужем.

— Мы же раньше не говорили о браке, — нервно замечаю я. Неужели он и в самом деле хочет жениться на мне?

Молодой человек встряхивает волосами и, встав, засовывает монетку в карман.

— Я бы не встречался с тобой, если бы не рассчитывал, что когда-нибудь все к этому придет, — говорит он. — А сейчас я сам себя спрашиваю, думаешь ли ты так же обо мне.

Он становится напротив меня и припирает меня к кухонному острову.

— Да, — отвечаю я.

Он наклоняется и целует мою шею.

— Да — что?

Глаза у меня закрываются сами собой, и я лгну к нему, тянусь за его поцелуями.

— Да, я бы вышла за тебя. — Я провожу руками по его мускулистым плечам и чувствую, как в животе начинают порхать бабочки. — Это предложение? — интересуюсь я.

Он слегка отодвигается.

— Черта с два, — заявляет он, и мои надежды быстро начинают таять.

Зачем тогда вообще было заводить этот разговор? Меня охватывает разочарование, а короткая вспышка надежды окончательно исчезает.

— Когда я буду делать тебе предложение, — сообщает Лукас, поднимая меня и, быстро передвинувшись, усаживает меня на кухонный стол, — это будет романтично, и уж точно случится не в этом доме.

— О! — отзываюсь я, когда он стягивает мою рубашку. *Посреди кухни!*

— Где дети? — шепчет он.

— Томми спит, а Мейси осталась на ночь у подруги.

Он расстегивает мой лифчик и кладет его на стол рядом со мной.

— Это хорошо, потому что я собираюсь трахнуть все-еще-официально-замужнюю тебя прямо на столе твоего бывшего мужа, и очень надеюсь вдолбить в тебя немного здравого смысла.

Он расстегивает мои джинсы и стягивает их вниз вместе с трусиками. Я открываю рот, чтобы запротестовать, но он тут же останавливает меня, прижав палец к моим губам.

— Тс-с... У меня есть еще один вопрос, — говорит он. Я наблюдаю, как он стаскивает с себя рубашку. Полуобнаженный, на моей кухне он выглядит еще сексуальнее, вероятно, оттого, что кажется здесь абсолютно не на своем месте. — Сначала хочу убедиться, что ты согласишься, — продолжает он, расстегивая брюки.

— На что соглашусь? — я так зачарована, наблюдая, как он раздевается, что даже не могу сообразить, о чем он спрашивает.

— Когда я буду делать предложение. Представь, что я пойду на это, раскатаю губу, а ты скажешь мне «нет». Поэтому я решил схитрить и сначала узнать, что ты мне ответишь.

Вот блин, какой же он милый!

— Да, — выдыхаю я, когда он начинает целовать мою грудь, наклонив меня над столом. — Тысячу раз да.

— Одного раза достаточно. — Он снова целует меня в шею, а потом в губы. — Какой у тебя размер пальца?

Я улыбаюсь, а он продолжает меня целовать.

— Такой же, как размер ноги, — подтруниваю я.

С озорной улыбкой он наклоняется и поднимает с пола мою туфлю.

— Шестой? — уточняет он, я киваю и ступней провожу вверх по его ноге.

— Что ж, эта информация пригодится на случай, если я соберусь покупать тебе обувь. Ну или кольца. — Он поднимает меня со стола. — Знаешь, для этой комнаты у меня есть идея получше.

Лукас сажает меня на высокий табурет у кухонного острова.

— Я уже давно хотел тебя кое о чем попросить, — говорит он, убирая волосы с моего лица и глядя мне прямо в глаза. Его внушительных размеров эрегированный член находится на одном уровне с моим лицом, пока я сижу на этом табурете, и я понимаю, чего он хочет.

— О чем ты хотел попросить? — тихо спрашиваю я, взяв в руку его член и проводя ладонью по его длине.

Он резко вздыхает и закрывает глаза на пару секунд, пока я ласкаю его пальцами.

— Возьми его в рот, — просит он. — Прости, но вилкой воспользоваться не получится, Айви.

Я стараюсь не рассмеяться, но удержаться очень трудно.

— Сможешь это для меня сделать, или это чересчур из-за твоей странной фишки с приборами?

— Вопрос с подтекстом, — поддразниваю я, продолжая ласкать его.

— Знаю, я не нарочно, так получилось.

Я ненавижу пихать что-то в рот. У меня сильно развит рвотный рефлекс. Но этот мужчина... как я могу сказать ему «нет»?

— Могу я отказаться, или это необходимое условие брачного контракта?

Он открывает глаза и ласково проводит пальцами по моей щеке.

— Нет. Я женюсь на тебе, несмотря ни на что.

Я не могу отказать ему, если он этого хочет. Он слишком милый и слишком щедрый. Я осторожно беру в рот его член. Он огромный; мне ни за что не справиться даже с половиной его длины, но, надеюсь, этого достаточно. Языком я провожу по головке и сжимаю пальцами основание, заглатывая его, насколько это возможно. Лукас наблюдает за мной полными страсти глазами, придерживая меня за затылок.

— Просто потрясающе, — шепчет он.

Я продолжаю ласкать его ртом, крепко обвиваю его ладонями и слышу, как ускоряется его дыхание, а мышцы его накачанного пресса подрагивают у меня перед глазами.

Внезапно он выскальзывает из моего рта, поднимает меня на руки, снова подносит к кухонному столу и в этот раз кладет меня на него на живот. Он резко притягивает меня к себе за бедра и ставит в позу по-собачьи, располагается у края стола и проникает в меня сзади. *Боже всевышний! На кухонном столе! На столе, который нам подарила мать Пола!*

Он наклоняется вперед, просовывает руку у меня между ног и начинает тереть мой клитор в такт со своими толчками. Проходит совсем немного времени, и я не выдерживаю.

— Лукас... — вырывается у меня стон, и я отдаюсь каскаду удовольствия, накрывающему меня.

— Вот это моя девочка, — шепчет он, проводя рукой вниз по моему позвоночнику, и я чувствую, как он кончает внутри меня. — Я так тебя люблю.

Голова у меня кружится от оргазма и его слов. Он сказал их в первый раз, и то, что они вырвались у него так естественно, он просто произнес их, когда его захлестнуло

чувствами, и не стал делать из этого особого события, значит для меня очень много. Мне все равно, что он сказал это, когда занимался со мной любовью на кухонном столе. Важно только то, что он их сказал, и я уверена до глубины души, что он сказал их, потому что это правда.

Я тоже его люблю. Без сомнения.

— Так странно заниматься с тобой сексом здесь, в этом доме, — замечаю я, пока мы одеваемся.

— Я тоже не фанат этого дома. — Он застегивает молнию на джинсах. — Чувствую себя нелепо до чертиков, полная херня.

— Прости. Мы уже разговаривали с юристами, пытались решить, что делать с домом. Я не смогу долго оставаться здесь одна, слишком дорого.

Он подает мне мою рубашку.

— Можешь переехать ко мне.

— Что? — Я натягиваю через голову рубашку и смотрю на него, словно у него вдруг выросло три головы. — К тебе?

— Ага, почему нет?

— Лукас, у меня же дети.

— Ну и что? У меня две лишние спальни. И три ванны в доме.

— Ты живешь над тату-студией. А раньше там была церковь.

— И что с того? Я там работаю. Здание принадлежит мне, и все, что в нем есть, тоже. Ты не представляешь, как сильно я всегда хотел такой дом. Единственный в своем роде. Да это же гребаное чудо, что оно мне попало, когда мы с Вэндалом искали помещение под студию.

— Я знаю... и дом правда очень красивый. Но там нет двора, где Томми мог бы играть.

— Через улицу прямо напротив есть парк, мы сможем его туда водить.

— А совсем рядом находится кладбище.

Лукас пожимает плечами.

— Ну и что? Оно совсем не страшное. Наоборот, очень жизнеутверждающе. Там, где жизнь, всегда есть и смерть. Это ты от него скрыть не сможешь, Айви.

— А разве у тебя там не ходят полуголые женщины? — спрашиваю я, взвешивая в уме все за и против.

— Айви, ко мне приходят клиенты, которые хотят сделать тату. Они не приходят ко мне в чем мать родила. У меня там не секс-клуб.

— Ну не знаю, — скептически тяну я. — Не уверена, что это место подходит для ребенка.

— Свободные спальни огромные, гостиная тоже большая. Томми мог бы научить Рэя новым словам. Есть еще отремонтированный цокольный этаж, ты его еще не видела, и там же еще одна ванная. Можно устроить там внизу игровую комнату или еще одну спальню.

— У тебя везде стоят статуэтки горгулий. Маленькому мальчику они могут показаться немного жутковатыми.

Он притягивает меня к своей груди и обвивает руками.

— Ты так думаешь? — спрашивает молодой человек.

— Да, немного. — Я кладу подбородок ему на грудь и смотрю на него снизу вверх.

— Хочешь знать, зачем я собираю горгулий?

— Конечно. Я хочу о тебе знать все.

Он запускает пальцы мне в волосы, перебирает их и начинает говорить:

— Когда я был очень маленьким, мне часто снились кошмары по ночам. И вообще со сном были проблемы: бессонница, мерещились ужасы и тому подобное. Мой прадедушка подарил мне старую статуэтку горгульи, поставил ее на комод в моей комнате и рассказал, что она будет меня защищать, пока я сплю. Поэтому я уже много лет их собираю и храню в спальнях у себя дома.

Каждый раз, когда Лукас говорит о своем прошлом, мне хочется забраться к нему в мысли, найти маленького мальчика, который там все еще живет, и просто обнять его. Именно его детство, каким бы печальным оно ни было, сделало из него того замечательного мужчину, которым он сегодня является. Я никогда раньше не встречала такую глубокую личность, человека настолько тонко чувствующего, кто он и откуда возник.

Я обвиваю руками его шею и притягиваю к себе его голову.

— Ты удивительный человек, — говорю ему я. — Быть с тобой рядом — как читать потрясающую книгу, которую невозможно отложить ни на минуту, и с каждой страницей она становится все лучше и лучше.

Он целует меня в нос.

— Подумай насчет того, чтобы переехать ко мне. Я буду очень рад, если вы с детьми будете жить со мной.

— Неужели мы серьезно говорим о свадьбе и о том, чтобы жить вместе? — Все происходит так быстро, но в то же время рядом с ним все кажется *правильным*.

— Да, Айви, серьезно.

Я глубоко вздыхаю и смотрю на него, задумавшись.

— Что? — улыбается он. — Ты сомневаешься? Насчет меня? Неужели до сих пор сомневаешься? Мы уже несколько месяцев встречаемся.

Я закусываю губу и обдумываю ответ.

— Нет, не насчет тебя. Правда. Просто ты еще так молод. А это очень серьезно... семья и двое детей, и все так внезапно.

— Ты и этот треклятый возраст, Айви. — Он медленно качает головой. — Просто забудь об этом и все. Я не ребенок. Я повзрослел гораздо раньше, чем большинство моих ровесников. И я знаю, чего хочу. Я уже давно хочу иметь свою собственную семью. Хочу жениться. Я смогу о тебе позаботиться. У меня есть деньги и довольно успешная карьера. Я не гуляю. Люблю детей и люблю тебя. Я же не могу изменить свой возраст. Чего ты хочешь? Подождать, пока мне не исполнится тридцать? Или тридцать пять?

— Нет, нет, конечно, нет. Я хочу с тобой быть сейчас. Просто переживаю... Мне будет уже сорок, когда тебе только исполнится двадцать восемь.

— Ну и что? Ты не выглядишь и не ведешь себя на тридцать шесть лет. Ты милая, у тебя потрясающее тело и с тобой весело. На самом деле ты выглядишь гораздо ближе ко мне по возрасту, чем думаешь. У тебя просто искаженное представление о самой себе, и ты слишком заикливаешься на числах. Мы отлично ладим и хотим одного и того же... и это не изменится от того, сколько нам лет. Расслабься. Ты просила не торопить тебя, и я стараюсь, но с такой скоростью я сам состарюсь и поседею раньше, чем ты наконец примешь нашу разницу в возрасте.

Я пытаюсь отстраниться, но он крепко прижимает меня к себе.

— Не убегай, — тихо приказывает он, и я понимаю, насколько он серьезен. — Позволь мне быть мужчиной, Айви. Ты или должна принять меня таким, какой я есть, или ничего не получится. Я всегда буду младше тебя. Прости, но это правда. И у меня всегда будут татуировки. Я всегда буду художником. И длинные волосы, скорее всего, тоже никуда не денутся. — Молодой человек проводит руками по моим плечам и слегка сжимает их. — И я всегда буду хотеть того, что хочу сейчас. Я хочу семью и хочу быть с тобой. Я себя знаю, и я не поменяюсь. Я не свалю в ночь с какой-нибудь молодой

девчонкой. Просто прими тот факт, что я себя хорошо знаю. Со мной твое сердце всегда в безопасности.

— Ты всегда умеешь найти нужные слова.

— Это не просто слова, куколка. Это все правда. Нужно только разрешить себе в это поверить.

Господи Боже, ну что за парень! И откуда только он появился?

АЙВИ

Жжжжж.

Жжжжж.

Я резко поднимаюсь и сажусь в кровати — в голове спросонья туман, — и дотягиваюсь до мобильного на тумбочке рядом. На экране высвечивается имя Лукаса. Прищурившись, я кидаю взгляд на синие неоновые цифры электронных часов — два тридцать ночи.

Схватив телефон, я провожу пальцем поперек экрана. С чего вдруг Лукас стал бы звонить так поздно?

— Лукас?

— Айви... — Голос у него срывается, он почти шепчет. — Ты мне нужна... — Он с трудом делает глубокий вздох, и сердце у меня словно проваливается вниз. *Он плачет.*

— Что случилось? Где ты? — Я отбрасываю одеяло, включаю лампу на тумбочке и хватаю свою одежду со стула в углу комнаты.

Я слышу его тяжелое, сдавленное дыхание, приглушенное телефоном.

— В больнице... произошла авария... — Он всхлипывает и снова с трудом делает вздох. — О, Господи, Айви... — практически стонет Лукас. Агония лишила его голос привычной ласковой глубины.

Меня охватывает ледящий страх, и по коже тут же бегут мурашки.

— Ты в порядке? Я сейчас же выезжаю... — Я натягиваю джинсы, ухом прижав телефон к плечу.

— Вэндал... он попал в аварию. Кейти умерла... Айви, она умерла. — Он всхлипывает в трубку, а я замираю в ужасе, схватившись за комод, чтобы сохранить равновесие. *Кейти... О, Боже праведный, нет.*

— Родной, я уже выхожу, еду к тебе. Хорошо? Постараюсь как можно быстрее добраться. — Я пытаюсь удержать слезы, что жгут мне глаза, и говорить по возможности спокойным тоном. — Я скоро приеду.

Он не прощается, но я слышу тихий стук, как будто он уронил телефон.

Одевшись как можно скорее, я бегу в комнату Мейси.

— Мейси, проснись. — Я тихонько треплю ее за плечо.

— Мама? Что такое? — Она быстро просыпается, и глаза у нее распахнуты от удивления. Она пытается рассмотреть меня в темной комнате.

— Вэндал попал в аварию. Мне нужно поехать в больницу. Ты остаешься здесь с Томми, ладно? Никуда не уходите из дома, пока я не вернусь.

Она садится в кровати.

— Он в порядке? А Лукас? Он цел?

— Я не знаю. С Лукасом все нормально, но мне нужно быть там, поддержать его.

Я не могу сейчас сказать своей дочери, что маленькой Кейти больше нет. Как это вообще возможно? Не укладывается в голове. Всего несколько недель назад мы все вместе веселились у Лукаса дома, когда Вэндал попросил его посидеть с дочкой на выходных. Мейси покрасила девочке ногти ярко-розовым цветом и нарисовала на них крошечные белые сердечки. Малышка была так рада. О боже, неужели это происходит на самом деле? Она же еще совсем маленькая. Я прикрываю рукой рот и отворачиваюсь от дочки.

— Мама?

Едва удерживая слезы, я качаю головой.

— Мне нужно идти. Я позвоню тебе, но прошу, побудь дома с братом.

Она угрюмо кивает.

— Хорошо, мам. Обещаю.

Уже сев в машину, я осознаю, что даже не знаю, в какой больнице находится Лукас, но, поскольку поблизости есть только одна большая больница, направляюсь сразу туда. Горячие слезы струятся по моему лицу, застилая взгляд, и дорога, кажется, расплывается передо мной. Я нарушаю, превышаю скорость, но мне все равно. Я хочу поскорее оказаться рядом с ним. *Может быть, я неправильно его поняла.* Он плакал и говорил не очень разборчиво. Наверное, я неправильно его расслышала. С Кейти все должно быть хорошо.

Когда я добираюсь до больницы, парковка для посетителей практически пуста, но заметив «Корветт» Лукаса около главного входа, я паркуюсь рядом с ним. Я уже подхожу к стеклянным дверям больничного фойе и вдруг замечаю его, сидящего на скамейке в нескольких метрах от входа. Он сидит, сгорбившись, уперевшись головой в руки, и медленно раскачивается вперед-назад. Я подбегаю к нему, падаю на колени рядом с ним на обледеневшую лужайку и обвиваю его руками.

— Я постаралась приехать как можно скорее, — тихо говорю я, глядя его спину; он дрожит всем телом.

Молодой человек льнет ко мне, прижимается головой к моему плечу.

— О, Боже, Айви... Я не могу... — Он с трудом глотает комок в горле.

Сердце у меня рвется на части от жалости, больно видеть, как растерзана сейчас его чистая душа.

— Милый, скажи, что я могу для тебя сделать? — Я целую его мокрую щеку и обнимаю его покрепче. — Я буду здесь, рядом. Обещаю.

Он поднимает голову и медленно качает ей. Глаза у него потемнели и затуманены, словно он видит что-то, что мне недоступно.

— Кейти умерла... Вэндал серьезно пострадал. — Он резко всхлипывает, словно задыхаясь, и вытирает лицо ладонью. — Они столкнулись с кем-то лоб в лоб. У него в машине была девушка, она тоже не выжила... и второй водитель тоже погиб. — Он наконец встречается со мной взглядом. — Это просто как страшный сон, твою мать. Он в полной заднице, но он еще не знает... про Кейти. — Он вздрагивает, произнося ее имя.

О, Господи.

Я беру его руки в свои.

— Здесь есть еще кто-нибудь? Из твоей семьи?

— Они едут. Я еще не заходил к Вэндалу... Мне нужно пару минут... а потом надо идти обратно... Они хотят, чтобы я ответил на вопросы... о них. Мне только нужно было немного подышать.

Я достаю из сумочки бумажные салфетки и вытираю ему лицо, как вытираю его своему сынишке. Чувство беспомощности охватывает меня. Что я могу вообще сказать или сделать, как утешить его?

— Может нужно позвонить кому-нибудь? Пожалуйста, скажи, чем тебе помочь. — Я уже не могу сдержать слез.

Он забирает у меня салфетку и вытирает нос.

— Просто побудь со мной, пожалуйста.

— Конечно. Я никуда не уйду. — Я убираю волосы с его лица и глажу по щеке. — Я люблю тебя. Я что угодно для тебя сделаю.

Он обнимает меня, прижимает к себе так крепко, что, кажется, вот-вот задушит.

— Я тоже тебя люблю. — Взяв меня за руку, он встает и поднимает меня вместе с собой. — Мне надо пойти внутрь и позаботиться о них. Я сейчас нужен своему брату.

Лукас преображается в ту секунду, как заходит внутрь больницы. Он спокоен, собран, уверен. Я стою рядом, как молчаливая поддержка, и держу его за руку; не отпускаю, пока он разговаривает с полицейскими и врачами. Удивительно, сколько информации он смог сообщить о своем брате и племяннице: даты рождения, группы крови, детали медицинских историй обоих, имя и номер телефона мамы Кейти, имя девушки Вэндала. Все по памяти.

Начинают собираться его кузены, и в комнате ожидания воцаряется хаос, когда они узнают, что их племянница трагически погибла. Шторм и Эви сидят в уголке, обнявшись, и оба плачут. Мика шагает из угла в угол и кричит: *«Какого хера он натворил?»*, а Тэлон мечется за ним, пытается его уговорить. Приезжает Ашер с потрясающе красивой женщиной старше них всех. Это, должно быть, Ария — тетя Лукаса, с которой я еще не встречалась. Они подходят к нам в слезах, и Лукас рассказывает им те немногие детали аварии, что знает сам.

— Я позвоню нашему менеджеру и юристу, — говорит Ашер. — Они уже запускали тебя к Вэндалу? Он в состоянии говорить?

Лукас качает головой.

— Пока нет. Думаю, он еще без сознания. Никто, блядь, ничего толком сказать не может, только твердят, что с ним все будет в порядке, но он сильно ранен. Как я понял, он был не пристегнут, и его выбросило из машины.

Ашер зажмуривается.

— Он просто свихнется, не знаю, как вообще это переживет. Нужно, чтобы кто-то из нас сказал ему насчет дочки, а не врачи. Если он услышит это от чужого человека, то может придушить в истерике.

— Я не уйду, пока не смогу к нему зайти, — произносит Лукас.

— Я буду здесь с тобой, Лукас, — предлагает Ария, промакивая глаза. — Мы вместе ему сообщим. Вас здесь одних разбираться в этом кошмаре я не оставляю. Ронни тоже уже едет.

Хотелось бы мне, чтобы первое знакомство с семьей Лукаса случилось при других обстоятельствах, не во время семейной трагедии. Уже несколько недель мы говорили о том, чтобы собраться всем вместе, с его тетей и дядей, за ужином у его бабушки, но не смогли выбрать подходящее время. А теперь вот я встретила с ними в такое ужасное время. Возможно, мне стоило бы оставить их на какое-то время, дать спокойно поговорить, но Лукас держит меня за руку так крепко, что она уже болит, и все же я отказываюсь ее убирать. Может, если хочет, переломать мне пальцы, только бы ему стало от этого легче. Я его не отпущу.

Время тянется медленно, а мы все томимся в отдельной большой комнате ожидания, в которую нам предложили переместиться медсестры. Восходит солнце. Мы с Лукасом даже успели немного подремать, прислонившись друг к другу на маленьком диванчике.

— Тебе лучше поехать домой, дети, наверное, заждались, — тихо говорит он. — Я останусь здесь, буду держать тебя в курсе.

— Я не хочу тебя оставлять...

Он быстро целует меня в губы.

— Со мной все будет нормально. Не представляешь, как я тебе благодарен, что ты приехала и пробыла здесь со мной так долго. Он скоро проснется, и нужно будет с ним разговаривать. Обещаю, я позвоню, как только смогу или что-то еще узнаю.

— Хочешь, принесу тебе что-нибудь, пока я еще здесь? Кофе? Могу сходить, принести вам, ребята, что-нибудь поесть?

— Я сейчас не смогу есть, но спасибо, милая. — Он помогает мне надеть пальто и обвивает меня руками. Я крепко его обнимаю, мечтая разделить с ним его боль и тоску.

— Если что-то понадобится, сразу звони. — Я пальцами причесываю его спутанные волосы. — Я серьезно. Я не против просидеть с тобой здесь хоть целый день.

— Знаю, и это для меня очень много значит. Ты даже не представляешь. Следующие несколько дней будут еще тяжелее. Не могу... — голос у него сбивается, он наклоняет голову и резко вздыхает, — не могу поверить, что ее больше нет.

Я обнимаю его за шею, притягиваю к себе его голову.

— Знаю, милый. Мне очень жаль. Ты ее очень сильно любил. И я тоже.

Он поднимает голову, заглядывает мне в глаза, закусив губу.

— Поезжай. Напиши мне, когда доберешься домой, чтобы я знал, что ты в безопасности.

Усаживаясь в машину, я нахожу на своем сиденье еще одно крошечное черное перо. Я поднимаю его и убираю в карман, чтобы потом положить вместе с остальными найденными мною перышками, теперь сложенными в маленький бархатный мешочек в ящике моей прикроватной тумбочки. Я веду машину как в тумане, совершенно вымотанная физически и эмоционально. Возможно, мне стоило развернуться и остаться с Лукасом, но, думаю, хотя он был бы мне рад, ему, возможно, также необходимо побыть наедине с братом. Сердце разрывается, когда думаю о Вэндале и бедной маленькой Кейти, об остальных жертвах аварии. Какое жуткое напоминание о том, как ценна и хрупка наша жизнь.

Я собираюсь с силами, впереди еще больше половины дороги. Какая жуткая ночь. Мне пришлось увидеть, как сломлен был Лукас этим несчастьем и как ему пришлось стать опорой для своих родных. Я много о нем поняла за эту ночь.

Он, с его трезвой головой и твердым характером, показал, что на него можно положиться в сложной ситуации, несмотря на то, что внутри он разрывался на части от отчаяния, и сердце его разбито от горя за свою маленькую принцессу, как он ее называл. Хотя мне страшно, что необходимость подавить и не показывать собственные эмоции не лучшим образом отразится на его прошлой склонности к депрессиям.

Должна признать, что Лукас был прав. Психологически он гораздо старше своих лет: ответственный, сильный, заботливый. Я и мечтать не могла о том, чтобы в моей жизни и в жизни моих детей был такой мужчина.

ЛУКАС

В очень раннем возрасте мне пришлось узнать, что такое — настоящее горе. Оно почти поглотило меня, превратило в темную тень, омрачило всю мою юность. С тех пор как мы потеряли Кейти, мне кажется, я снова слышу завлекающий шепот тех демонов, манящий меня в их сумеречное лоно, но я отказываюсь, я не позволю им затащить меня обратно в ту черную дыру. И, хотя те же демоны сейчас своими отвратительными щупальцами рвут на части моего брата, я знаю, что он должен побороть их самостоятельно. Последние несколько месяцев я старался помочь ему изо всех сил, а сейчас мне остается только отойти в сторону и надеяться, что он найдет дорогу к свету в тумане своего горя.

Проще сказать, чем сделать; непросто смотреть, как страдает родной человек, попутно беря собственные раны, словно желая еще глубже упасть на дно этой бездны. Еще тяжелее, когда этот человек не хочет принять твою помощь.

— Я хочу жениться и собираюсь сделать предложение, — говорю я Финну, когда он усаживается в кресло в тату-студии, а я заносу над ним тату-машинку. Надеюсь, он не станет слишком дергаться от такой новости.

— Ого, — отвечает он. — Мужик, я польщен, но ты мне не настолько нравишься.

— Я про Айви, придурок. — Я пинаю его по ноге.

Он дергает рукой так, что я едва успеваю убрать машинку, чтобы не распороть его покрытую рисунком кожу.

— Лукас, ты шутишь? Блядь, ты серьезно хочешь жениться?

— Сиди ровно. — Я прижимаю его руку локтем. — Да, хочу.

— Чувак, на хрена?

Я хмурюсь в замешательстве.

— Потому что люблю ее.

— Ты же можешь любить ее и без того, чтобы, типа, узаконивать всю херню, братан. — Он поднимает на макушку солнечные очки, убирая с их помощью длинные черные волосы от лица, и тарачится на меня так, словно я сошел с ума.

— Я хочу все узаконить. Я правда люблю ее и детей. Ее развод наконец-то оформлен. Думал, это никогда не закончится.

Финн криво усмехается.

— Развод, твою мать! Ты правда хочешь быть номером два, мужик? Вторым мужем? Отчимом. Полный отстой!

Я разворачиваюсь к рабочему столу, качая головой в ответ.

— На это мне наплевать. Мы любим друг друга. Нам хорошо вместе. Рядом с ней я спокоен, я в безопасности.

— В безопасности? Она, что — ниндзя? В безопасности от чего?

Сам не знаю, зачем вообще обсуждаю с Финном свои отношения с Айви. Он сам лет с четырнадцати только и знает, что подружки на один раз, и понятия не имеет о том, что значит преданность или любовь. Я все еще надеюсь, что однажды он встретит ту самую девчонку и влюбится, поймет, что это за чувство, о котором кричит весь мир, но до сих пор было глухо.

Снова развернувшись к нему, я беру его руку и продолжаю работу над его предплечьем.

— Я хотел сказать, что уверен в ней. Вот о какой безопасности речь. То есть я знаю, что она не причинит мне боль, не станет флиртовать или трахаться с моими друзьями. Я ей доверяю.

— Кстати, насчет траха, где та телочка-администратор, которая работала у тебя в приемной?

— Я ее уволил.

— Ну вот, твою мать. Хотя новая девчонка даже сексуальнее. Надо бы мне урвать кусочек этого пирожка.

Я замираю и смотрю на него свирепо.

— Это Рейн — моя младшая кузина, мудака. И близко к ней не подходи.

— Какого хрена, кайфолом?

Я вздыхаю и делаю попытку отвлечь его внимание.

— В общем, думаю, на этих выходных я сделаю ей предложение. Нужно только придумать по-настоящему крутой способ, как именно.

— Ну... — Он наклоняет в сторону голову и задумывается. — Можете вместе спрыгнуть с парашютом, скажешь ей все в полете.

— Нет.

— Можешь привязать кольцо к члену, попросить ее отсосать тебе, и когда она спустится вниз... Та-дам!

— Нет.

— Можно устроить ей квест, типа поиска сокровищ. Нагадывай ей загадок, отгадки будут вести ее к цели, а в конце — вот он ты. С кольцом и на одном колене. Ба-бах!

Я медленно киваю. Интересно, насколько я безумен по десятибалльной шкале, если всерьез раздумываю над идеей, которая пришла в его безбашенную голову.

— Хм-м... а это на самом деле неплохая мысль. Надо обдумать.

— Чувак, самолет и минет, по-моему, гораздо круче.

Рейн просовывает голову через бархатную штору-ширму, и я машу ей, чтобы она вошла.

— Что случилось?

— Я собираюсь заказать обед. Хочешь что-нибудь из кафе?

— Только латте, как обычно, спасибо. И для моего друга Финнистера тоже закажи, а деньги возьми из кассы.

Она разворачивается, чтобы выйти, но Финн останавливает ее.

— Эй, малышка, погоди-ка пять сек. Если бы я собирался сделать тебе предложение, что бы ты предпочла: выпрыгнуть со мной из самолета и получить кольцо, пока мы летим с парашютом или обнаружить его привязанным к моему члену?

Я не могу удержаться и смеюсь, а Рейн кривит губы и хмурится в притворном ужасе.

— Мне всего девятнадцать. Я и думать не хочу о замужестве, пока мне где-то лет сорок не исполнится.

— Да! — орет он. — Прекрасный ответ. Да ты просто девушка моей мечты.

Он подмигивает ей, и я едва сдерживаюсь, чтобы не двинуть ему, хотя из-за того, что он заигрывает с моей милой маленькой кузиной, так и хочется зазвездить ему по морде.

— Все, ты просто обязана выйти за меня, — не унимается он. — Когда тебе исполнится сорок, разумеется.

— Рейн, уходи. — Я подбородком указываю в сторону выхода. — Раздобудь что-нибудь на обед. Не провоцируй его.

Она дает деру, хихикая, а я свирепо тарашусь на своего лучшего друга.

— Мужик. Даже не думай. Она для тебя — запрещенная тема. Точка. Усек? — предупреждаю я.

Он вытягивает руку, и я продолжаю работать над запястьем; рисунок в итоге должен дойти до пальцев.

— Почему? Она совершеннолетняя. И охренительно сексуальная.

— Ты совсем тупой? Ты хоть знаешь, кто она?

— Твоя красотка-кузина. Что здесь еще знать?

— Это младшая сестренка практически всех парней из «Эшес и Эмберс». Шторм и Ашер убьют тебя, если близко к ней подойдешь. Не говоря уже о том, что угробят твою карьеру.

— Блядь. — Финн тихонько присвистывает. — Чё-то я не догнал, что она с ними всеми в родстве.

— Вот именно. Так что забудь. Ищи себе игрушки в другом месте.

— Ну и ладно, — пожимает плечами он и улыбается. — Так, а сколько лет твоей будущей падчерице?

ЛУКАС

Большинство людей считают, что предложение куда важнее женщине, и ради нее нужно постараться сделать его особенным — и это правильно (*не надо кидать в меня помидорами, девушки*), — но, думаю, многие мужчины хотели бы сделать этот момент особенным и для себя. Просто парни не хотят в этом признаваться, потому что считают, что это не круто. Вы спросите: «Ну а ты?». Я без проблем признаюсь, что хочу сделать этот вечер запоминающимся для нас обоих. Хотя, конечно, прежде всего я хочу потрясти ее воображение, чтобы воспоминания о том, как это сделал первый муж, навсегда испарились из ее памяти.

Финн в некотором смысле был прав; мне отвратительна мысль о том, что кто-то уже был женат на моей красавице до того, как я ее встретил.

Вечер для моего замысла выдался идеальный. Воздух теплый, но не жаркий, не влажный. Поставив последнюю искусственную свечу на стол, я отхожу на шаг и осматриваю балкон, украшенный особенным образом. Я решил обойтись искусственными свечами, чтобы можно было оставить все наготове и не переживать, как бы не спалить дом, пока мы пойдем ужинать. Маленький диванчик для двоих я передвинул в дальний конец балкона, а на полу расстелил огромный ковер из искусственного меха. В углу горит электрический камин, опция подогрева выключена за ненадобностью. И чуть ранее я развесил по краям перил и окна крошечные фиолетовые огоньки. Вид у балкона сказочный: в точности, как я себе представлял.

Я заезжаю за ней домой, везу ее ужинать в ресторан в соседний городок. Она сегодня очень красивая, в черном платье, прекрасно облегающем ее нежные округлости. Мне даже нравится то, что она сама понятия не имеет о том, как сексуально выглядит. Я замечаю, что она надела аметист, который я подарил несколько недель назад. Он висит на ее шее, на тонкой цепочке из белого золота. Раньше, пока не встретил ее, я очень редко дарил девушкам подарки, но мне нравится делать Айви сюрпризы, просто чтобы посмотреть, как загорается ее лицо, как она смущенно краснеет. Я, кажется, подсел на то, чтобы делать ей подарки. Иногда это симпатичные мелочи вроде мягких игрушек или что-нибудь, что я сам для нее сделал, а иногда что-то дорогое, вроде украшений. Самая офигенная часть вручения подарков — видеть, как сияет ее лицо, как широко раскрываются глаза от удивления, как она чуть ли не прыгает на месте от радости и — мое любимое — едва не валит меня с ног, набрасываясь с поцелуями. Благодаря ей я каждое утро просыпаюсь с улыбкой. Она — мой собственный солнечный лучик, мой якорь, основа моего новоприобретенного мира.

По дороге домой после ужина мы мало разговариваем, но держимся за руки. Я думаю о своем, переживаю, что, может быть, мой план недостаточно хорош или слишком прост. Я перебрал сотни идей, как сделать ей предложение: сумасшедшие, как те, что придумал Финн, экстравагантные, даже слащавые, но решил, что романтика — это верное решение. Что может быть лучше того места, где случился наш первый с ней настоящему глубокий момент — мой балкон?

— Сегодня вечером! — каркает Рэй, когда мы входим в дом, и мне тут же хочется пришибить его. Наверно, услышал, как я днем разговаривал по телефону с Финном.

Айви смеется и снимает пальто.

— О чем это он?

Я небрежно пожимаю плечами и набрасываю на клетку шелковое покрывало. Надеюсь, он заткнется и уснет.

— Он последнее время слишком часто смотрит телевизор. Вечно забываю его выключить, когда ухожу в студию по утрам.

Я беру ее за руку и веду наверх по лестнице. Черт, я прям трясусь, не по себе даже, так нервничаю! Все, успокоиться. Все хорошо.

— Ого, сегодня здесь даже красивее, чем обычно! — восхищается Айви, когда видит, как я украсил балкон. — Мне очень нравится.

— Давай посидим. — Я веду ее к белому ковру и осторожно тяну вниз, приглашая сесть на пол, рядом со мной.

Она снимает черные туфли на высоком каблучке и ноги поджимает под себя, подозрительно глядя на меня.

— С тобой все в порядке? — наконец спрашивает она. — Ты, кажется, немного побледнел. — Она наклоняется ко мне и кладет теплую ладонь мне на лоб.

— Айви... Я люблю тебя, детка, но вот сейчас прекращай вести себя как мамочка. Я в порядке. — Я слегка отклоняюсь и беру скрипку, лежащую возле камина. — У меня для тебя сюрприз, и я немного нервничаю. Вот и все.

— О! — радостно восклицает она. — Ты будешь для меня играть? *Наконец-таки?*

Я улыбаюсь и киваю.

— Я написал песню специально для тебя. Собственно, не песню, а только мелодию. Прости, что ждать пришлось так долго.

Она в восторге и как маленькая хлопает в ладоши, широко улыбаясь.

— Лукас! Я так рада!

Айви умоляла меня сыграть для нее с тех пор, как слышала мою игру на концерте в клубе, а я на протяжении нескольких последних месяцев писал особенную мелодию специально для нее и не хотел, чтобы она услышала ее, прежде чем я достигну совершенства.

Я закрываю глаза и начинаю играть. Мелодия медленная, завораживающая и очень эмоциональная. Именно так я чувствую себя с Айви, и я благодарен Богу, что у меня хватило таланта выразить свои эмоции, дать ей прочувствовать их вместе со мной.

Она не сводит с меня блестящих от слез глаз, пока я играю, только тихонько покачивается в такт музыке. Ей нравится; я чувствую это, как если бы она это сказала. Айви *любит меня*. Она очень быстро стала моим миром, моим лучшим другом, моей возлюбленной, моей самой преданной поклонницей, моей королевой. Мне приходилось играть на скрипке и на фортепиано самым разным людям, приходилось играть метал на рок-концертах и классику во время живых выступлений в кафе, но Айви для меня значит больше любой другой аудитории, перед которой мне довелось выступить. Я хочу, чтобы она гордилась мной, хочу чувствовать, что мы с ней равны, если в один прекрасный день она будет стоять рядом со мной в качестве жены. Я никогда не стану занимающей угловой офис важной шишкой в сшитом на заказ шикарном костюме, но точно знаю, что стану мужем и отцом, которым она и дети смогут гордиться.

— Мне очень понравилось, — шепчет она слегка охрипшим голосом, когда я перестаю играть. — Просто невероятно красиво... и трогательно. У меня мурашки по коже. — Она всхлипывает и смахивает с глаз слезинки. — Ты удивительный человек!

— Рад, что тебе понравилось. Называется «До боли».

Она кивает и понимающе улыбается. Не сомневался, что она тут же вспомнит, что я хотел сказать.

— Я помню, как спрашивала тебя, каково это любить до боли. Ты именно *так* меня любишь, — бормочет девушка.

— Да, Айви. Больше, чем ты себе представляешь.

Я придвигаюсь поближе к ней, кладу ладони на ее лицо и целую нежно, словно хочу завладеть каждой частичкой ее.

— Я тоже тебя очень люблю, — едва шепчет она.

— Я надеялся, что ты это скажешь. Закрой глаза, куколка.

На губах ее мелькает улыбка, и она смыкает веки. Я беру ее за руку и осторожно надеваю ей на палец кольцо с бриллиантом. После поисков, длившихся не одну неделю, я нашел его в антикварном магазинчике, и уверен, оно идеально подойдет ей — подойдет нам обоим. Бриллиант размером в два карата, в форме сердца, в оправе из розового золота, с крошечными бриллиантиками и цветочным орнаментом по бокам — оно нежное и женственное, как сама Айви.

Я целую ее руку.

— Открой глаза.

Ее глаза широко распахиваются, но она не смотрит на свою руку. Вместо этого она ищет мой взгляд.

— Я знаю, что ты сейчас сделал, — с трудом говорит она, словно сейчас заплачет. — Я пока не буду смотреть на него. Сначала я хочу сказать тебе, как ты мне дорог, как я люблю тебя всей душой. Моя душа узнала тебя в тот день, когда мы впервые встретились.

Только она умеет найти особые слова, от которых сердце у меня замирает.

— У меня была приготовлена целая речь, но благодаря тебе все вылетело из головы, — поддразниваю я. — Поэтому я просто скажу, что сейчас чувствую. Ты — все для меня. Ты — тот покой и постоянство, которые мне нужны, и единственная, кому я могу доверять всем сердцем. Ты — живое воплощение всего того, о чем я мечтал, и я хочу, если ты только позволишь, осуществить и твои мечты. Я всегда буду любить и беречь тебя.

Мы снова целуемся, и только теперь она наконец смотрит вниз, на свою руку; губы ее приоткрываются от изумления, глаза широко распахнуты.

— О, Боже, Лукас, как красиво. — Айви прикрывает рот свободной ладонью, разглядывая кольцо у себя на пальце. — У-у-у-у! Ёлки-палки! Мне так нравится! Спасибо большое.

Я улыбаюсь, беру ее за руку и двигаю кистью Айви из стороны в сторону, чтобы посмотреть, как сверкает бриллиант.

— Детка, за кольцо, подаренное по случаю помолвки, благодарить не принято. Обычно в ответ говорят «да». Или «нет». Но будем надеяться на «да».

— Да. Конечно да. И всегда будет только да.

— Ну и хорошо. — Я нежно ее целую. — Добро пожаловать в твоё личное «и жили они долго и счастливо».

Девушка хватается за ворот рубашки и притягивает к себе.

— Господи, Лукас, не знаю, как ты это делаешь, но от одних только твоих слов у меня дух захватывает. — Она прижимается ко мне на мгновение теплыми мягкими губами, а затем, отпрянув, лукаво улыбается. — Немного забавно, но у меня для тебя тоже сегодня есть особенный подарок.

Я облокачиваюсь на стоящий за спиной диванчик и вытягиваю ноги перед собой.

— Неужели? А этот подарок подразумевает что-то вроде раздевания в ближайшее время? Потому что я как раз собирался стащить с тебя это платье. — Эмоциональная близость с ней всегда трансформируется в яростное желание заняться безумным сексом, и сегодняшний вечер не исключение. Хочу раздеть ее, и поскорее.

Айви смеется.

— Это ты тоже получишь, но сначала... — Она, обольстительно улыбаясь, достает из сумочки маленькую коробочку и протягивает мне. — Возьми вот это.

Я беру у нее подарок и осторожно кручу его, разглядывая. Коробочка очень маленькая, похожа на футляр для кольца, сделана из древесины дуба. Я никогда раньше не видел такую крошечную коробочку, изготовленную из настоящего дерева.

— Круто. Мне очень нравится.

— Лукас! — Айви вздыхает от нетерпения. — Это просто коробка. Открой ее.

— А мне нравится коробка. Она ручной работы. Сразу видно.

— Знаю. Я специально ее нашла для того, что *внутри*. Открывай уже.

Внутри коробки, на подушечке из лилового бархата, обнаруживается кольцо из черного металла с небольшим камнем цвета морской волны, как раз такого же оттенка, как ее глаза. Я делаю глубокий вздох, чувствуя, как ускоряется сердцебиение. Никто никогда не дарил мне таких офигенных подарков. Пальцы у меня дрожат, когда я пытаюсь вытащить кольцо из его бархатного гнездышка, и у меня даже не получается его ухватить. Моя любимая наклоняется и достает его сама.

— Похоже, мы с тобой в последнее время думали об одном и том же, — тихо говорит она. — Я хотела подарить тебе символ своей любви, обещание, что всегда буду рядом. — Она надевает кольцо на безымянный палец моей правой руки. — Думаю, этот палец лучше оставить свободным для обручального кольца. — Девушка кивает в сторону моей левой руки.

— Я его никогда не сниму. — Я притягиваю ее поближе, усаживаю к себе на колени, и, скользя руками вверх по бедрам и задирая наверх тесную юбку, сжимаю ладонями ее ягодицы. — Чего нельзя сказать об этом платье. Ты в нем выглядишь сексуально до чертиков, но оно теперь совершенно не к месту, поскольку мешает мне заняться сексом с моей будущей женой.

Я берусь за ткань вокруг V-образной горловины ее платья и разрываю так, что вырез теперь доходит до живота и открывает пупок. Ее грудь остается прикрыта только черным кружевным бельем. Я цепляюсь пальцем за тонкую полосочку ткани бюстгальтера и притягиваю Айви к себе.

— Ты думала, я шучу, куколка моя? — Я слегка прикусываю ее нижнюю губу и, быстро дернув за нежную ткань, разрываю лифчик пополам. Руки сами тянутся вверх, сжимают и ласкают ее грудь, я засасываю в рот сосок и начинаю играть языком с затвердевшей плотью. Девушка шумно вздыхает и хватается меня за плечи, ногтями впиваясь в кожу сквозь рубашку. Эти короткие мгновения паники, охватывающие ее, когда я набрасываюсь на нее, заводят до потери сознания. В большинстве случаев мне нравится обращаться с ней ласково, заниматься любовью медленно, но иногда, как вот сейчас, во мне как будто просыпается жадное животное, которое требует удовлетворения, и медленный секс ему не подходит.

Я скольжу языком по ее мягким округлостям и забираю в рот другой сосок, в то время как моя рука ныряет ей под юбку и, отодвинув в сторону легкую ткань насквозь мокрых от желания трусиков, исчезает у нее между ног.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете, правда? — Я просовываю палец между ее теплых, сливочных влажных губ, и она тихонько всхлипывает.

Айви кивает в ответ. Она всегда так делает, когда возбуждена — как будто даже не в силах говорить.

— Помнишь, сколько раз ты повторяла, что я для тебя слишком молод? — Я просовываю в нее второй палец и осторожно поворачиваю их внутри, раздвигая ее складочки.

Она снова кивает и тянется к пуговицам на моей рубашке.

— Вот ведь полнейшая чепуха, признайся? — насмехаюсь я, пытаюсь раздражить ее, чтобы она потеряла голову и начала говорить. Ничто не заводит меня так, как Айви, шепчущая непристойности мне в ухо.

Ее пальцы касаются моей груди, и она прислоняется головой к моему плечу.

— Скажи мне, — уговариваю я, засовывая пальцы глубже и целуя ее грудь.

— Абсолютная чушь, — шепчет она, раздвигая ноги чуть шире.

— Скажи почему... хочу услышать, как ты это говоришь.

Девушка жадно целует мои губы, а я продолжаю ласкать ее пальцами.

— Я люблю тебя всего целиком... твои татуировки и длинные волосы, и твое сильное тело. Люблю твою музыку, обожаю, как сексуально и дико ты выглядишь на сцене. Мне нравится знать, что ты мой. Нравится, какой ты милый и заботливый. — Я

достаю большим пальцем до ее клитора и неторопливо поглаживаю его, продолжая двигать пальцами внутри нее. — И нравится, как ты трахаешь меня, как мокнут мои трусики, когда ты рядом. Ты сводишь меня с ума.

Сердце мое переполнено нежностью, а член наливается кровью.

— Мне и самому нравится, что девчонка старше меня, которая сидит днем в большом серьезном офисе, вся такая в шикарном деловом костюме и строгих очках, приходит домой и позволяет мне трахать ее до потери сознания в церкви.

Айви протягивает руку между моих ног и сжимает сквозь ткань джинсов мой член.

— Хочу тебя... — выдыхает она. — Хочу стать твоей женой.

Твою мать. До чего же классно звучит. *Моя жена.*

Нежно и сексуально. Как раз то, что нужно.

— Хочу попросить тебя кое о чем, — говорю я, глядя, как она сползает вниз, вдоль моего тела, становится на колени у моих ног и стягивает с меня обувь и брюки.

— Все, что угодно.

— Пожалуйста, не называй меня своим вторым мужем. Ужасно неприятно. Хочется закричать, так больно это слышать.

Она обхватывает мой член своей маленькой ладонью, и медленно проводит рукой вверх-вниз по всей длине.

— Обещаю, — улыбается она и наклонившись, прижимается губами к моему члену. Я откидываюсь назад и, собрав в руку ее волосы, убираю их от лица, чтобы не мешали видеть ее. Знаю, Айви стесняется быть на виду в такие моменты, но еще я успел узнать, что, если ее не подталкивать, она позволит комплексам взять над собой верх и попытается спрятаться от меня. Жаль, Пол никогда не давал ей почувствовать себя желанной и сексуальной, но теперь я могу провести всю жизнь, показывая ей, как он был неправ.

Смотреть, как она делает мне минет — сумасшедший кайф, потому что она сосет меня так, будто от этого действия зависит ее жизнь. Она двигает языком вдоль моей плоти, сжимает меня в руке, жадно вздыхает, и я схожу с ума, едва в состоянии думать. С ней это не просто минет — способ кончить и получить удовольствие. Она словно бы нежно любит каждый сантиметр моего тела, ласкает меня губами, языком и руками, сначала соблазнительно медленно заводит, а потом заглывает все быстрее и глубже в свой очаровательный рот. Мир вокруг мог бы исчезнуть в ядерном взрыве, но пока Айви стоит вот так на коленях у моих ног, я не повел бы взглядом.

Проходит совсем немного времени, и я кончаю ей в рот, а она глотает все до последней капли и медленно облизывает мой член так, словно это изысканный десерт, и она хочет насладиться им сполна.

— Я бы мог столько всего сейчас с тобой вытворить, — говорю я, глядя ее по щеке. — Но сегодня особенный вечер, поэтому я просто займусь тобой на вот этом пушистом ковре, медленно и тщательно. — Она медленно закрывает глаза и снова смотрит на меня. — Ты не против?

— Нет, — выдыхает девушка. — Сегодня это именно то, чего мне хочется.

Я снимаю с нее то, что осталось от ее одежды и белья, и она томным движением, как кошка, растягивается на белом ковре, раздвигает ноги, ждет меня, хочет меня, *любит меня.*

— Классно, что на тебе сейчас осталось только это кольцо. — Мне нравится, как оно блестит на ее пальце, словно маленькая звездочка.

— Оно мне нравится. *Я люблю тебя, Лукас.*

Я опускаюсь на колени между ее ног и погружаюсь в ту вечность, о которой мечтал.

ЛУКАС

Посреди ночи меня разбудил звонящий и вибрирующий рядом телефон. Я поворачиваюсь и, бросив быстрый взгляд на часы на тумбе рядом с кроватью, обнаруживаю, что на дворе час ночи; беру в руку телефон и на экране вижу имя и номер телефона Мейси.

— Привет, мелкая, — поднимаю трубку я.

— Лукас... я тебя разбудила? — спрашивает она, и голос ее, мне кажется, звучит громче, чем обычно.

— Да так. Что случилось? Ты знаешь, который сейчас час?

— Хм... Думаю сейчас... поздно? — хихикает она в трубку.

Я резко поднимаюсь, сна как ни бывало.

— Ты что, пьяная?

— Может быть. Немного? — опять хихикает она.

Я провожу пальцами по волосам и протираю глаза.

— Где ты? С тобой все в порядке?

— Я на вечеринке, а этот мудака, с которым я сюда пришла, свалил с какой-то шалавой и оставил меня здесь. Мне не на чем добраться домой.

— Черт. Ты маме звонила?

— Мы сегодня утром поругались. Она не хотела, чтобы я ходила на эту вечеринку, но я все равно пошла. Теперь я не могу ей позвонить, она начнет истерить, и отцу тоже не могу позвонить. Ты же знаешь, каким он бывает занудой.

Я раздосадовано вздыхаю.

— Ладно. Я приеду, заберу тебя. Можешь переночевать здесь, но твоя мама иногда заезжает ко мне по утрам, чтобы вместе выпить кофе. Она тебя точно здесь увидит.

— Это ничего. Разберусь, если что. У тебя дома она не будет так сильно орать. Только, пожалуйста, не говори ей, что я пила, ладно?

— Ладно, но ты сама ей завтра все расскажешь. Я не собираюсь хранить твои секреты от твоей же мамы.

— Ты просто супер! Спасибо. Давай я продиктую адрес, где нахожусь.

Я набрасываю на себя что-то из одежды и полчаса еду за рулем, чтобы наконец забрать ее из какого-то дома в богом забытом районе. Настоящее гетто. Пьяные детишки, спотыкаясь, шатаются по лужайке перед домом, и это зрелище напоминает о моих собственных проделках и вечеринках в прошлом. У Айви случился бы нервный срыв, узнай она, что Мейси проводит время в таком месте.

— Что это, черт побери, за парень, который бросил тебя здесь? — спрашиваю я, когда она забирается в машину. — И постарайся не наблевать в моей машине!

— Да просто урод, — отзывается она.

Я выворачиваю на улицу и направляюсь к дому.

— Мейси, нельзя вот так вот сбежать из дому с каким-то мальчишкой, чтобы отправиться на вечеринку и напиться. Можешь нажать себе кучу проблем на задницу. Ты знаешь, какой это плохой район?

— Серьезно? — Она закатывает глаза. — Собираешься читать мне нотации?

Я поворачиваюсь к ней и качаю головой.

— Да, собираюсь. Не делай дурацких ошибок.

Девушка закатывается истерическим смехом.

— Из тебя получился бы самый лучший в мире папа, Лукас. Я серьезно.

— Спасибо, мелкая. Я жутко вымотался. Весь день работал, если хочешь знать. В следующий раз, когда тебе понадобится таксист, звони заранее.

— Ладно.

— Сколько ты выпила?

— Несколько бутылок пива и немного виски «Джек Дениелс».

— Мейси, выслушай меня. Знаю, тебе скоро уезжать в колледж, и, понятное дело, там тебя ждут сплошные вечеринки, но постарайся не терять голову, ладно? Не нужно напиваться, и наркота тебе тоже ни к чему. Поверь мне. Я все это пробовал в твоём возрасте, и это весело разве что с неделю. А потом только погано.

— Принято к сведению.

— Я серьезно.

— Хорошо, хорошо. Голова болит. Можешь помолчать?

— Завтра будет болеть еще больше.

— Вот радость-то!

Когда мы добираемся до моего дома, она, запинаясь, направляется прямым ходом к клетке Рэя.

— Мейси, не лезь к нему, пожалуйста. — прошу я, совершенно не в настроении слушать птичье бормотание всю ночь. — Он знает, что по ночам должен вести себя тихо.

— Но я же его обожаю!

— Я — хорошая птичка, — говорит Рэй.

— Ну конечно! Ты просто потрясающий.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Рэй. — Она покачивается на нетвердых ногах и хватается за клетку, чтобы не упасть. — Из тебя получился бы такой классный парень, если бы ты не был птицей.

— Ты такая сексуальная, — каркает Рэй. *Господи Боже!* Нужно прекращать забавляться с Айви в гостиной.

Мейси начинает хихикать и едва не опрокидывает клетку.

— Обожаю эту чертову птицу.

Я беру ее за локоть и осторожно оттаскиваю от Рэя.

— Пойдем. Уже поздно. Пьяные разговоры с птицей нам вести ни к чему.

— Ну и ладно, — рявкает она, вырывая у меня руку.

Я приношу ей воды и таблетку аспирина из кухни и подаю их ей, когда возвращаюсь из кухни в гостиную, где она напряженно разглядывает один из моих рисунков на стене.

— Выпей воды и прими вот это. Уверена, что не хочешь позвонить маме?

— Да. Она только наорет на меня. Я сказала ей, что останусь у Шелли.

— Тогда пойдем. Отведу тебя в гостевую комнату, а с остальным разберемся завтра. Уже почти три часа ночи. Я хочу спать, и тебе тоже не помешает.

— Господи, сколько ступенек. Зачем тебе нужно столько ступенек? — бормочет девушка, следуя за мной наверх по лестнице в гостевую спальню.

— Простыни чистые, — замечаю я, не обращая внимание на пьяное бормотание. Вот именно поэтому я не хочу встречаться с девчонками своего возраста или моложе. Большинство из них любят потусить, ведут себя как идиотки, а я этого совершенно не выношу. — Тебе нужно что-то из одежды, в чем спать?

— У тебя такой, типа, прекрасный дом. — Она оглядывает комнату. — Я хочу здесь жить.

— Да, мы с твоей мамой как раз над этим раздумываем. Я хочу, чтобы мы все вместе здесь жили, но она считает, что это не самое подходящее для твоего брата место.

— Мама иногда ужасно отстойная. Расти здесь было бы офигенно. У тебя тут куча клевых вещей.

— Спасибо. Ты мне не ответила. Дать тебе что-нибудь, в чем будешь спать?

Она озадаченно смотрит вниз на узкие джинсы и блузку, которые на ней надеты.

— Да, было бы здорово, если у тебя есть что-нибудь.

— Сейчас вернусь.

У себя в комнате я нахожу для нее футболку и трикотажные шорты.

— Вот, держи, — говорю я, заходя обратно в гостевую спальню как раз в тот момент, когда она выходит из прилегающей к комнате ванной, раздевшись до трусов и лифчика.

— Эй, эй! — охреневаю я, поднимаю вверх руки и отворачиваюсь. — Где твоя одежда?

Она подплывает ко мне и прикасается к моей груди.

— Думаю, одежда мне не понадобится.

— Какого черта? Ты что творишь?

— А чего бы тебе хотелось, Лукас? — она слегка поглаживает мою грудь ладонью.

— Прекрати. — Я хватаю ее за руку. — Почему ты так себя ведешь? Ты что-то приняла? — Я всучиваю ей шмотки и быстро осматриваю комнату в поисках каких-нибудь таблеток или упаковки от них. — Надень вот это, пожалуйста. И прекращай вести себя так.

— Я тебе не нравлюсь? — Она отходит на шаг назад и медленно разворачивается кругом, демонстрируя свой черный бюстгальтер с пуш-апом и стринги.

Твою мать. Копия Айви, только моложе. Я быстро отвожу взгляд в пол.

— Оденься. *Немедленно*. Конечно, ты мне нравишься. Ты практически член моей семьи, и ты сама это знаешь. Но вот в этом смысле ты мне не нравишься.

Может быть, она правда приняла какую-то гадость и поэтому ведет себя вот так, потому что с тех пор, как я чинил крышу их пристройки, и она откровенно со мной флиртовала, Мейси ни разу со мной так не обращалась. Но тогда она еще не знала, кто я и всегда общалась со мной, как с бойфрендом своей мамы, спрашивала иногда совета или просила помочь, а я всегда относился к ней, как к будущей падчерице. Никогда, ни разу я не думал о ней иначе, особенно в сексуальном ключе.

Она опять кладет руки мне на грудь, поднимается на носочки и, прежде чем я успеваю отпрянуть, прижимается губами к моему рту.

— Знаешь, мы с тобой могли бы быть вместе. По возрасту я подхожу тебе больше, чем моя мать.

— Мейси, даже не начинай. Я люблю твою маму.

Она опускает руку вниз и сжимает мой член.

— А похоже, что и я тебе безразлична.

Схватив ее за руки, я убираю их от себя и крепко сжимаю.

— *Не прикасайся ко мне*, — шиплю я. — Ты пьяна.

— А у тебя стояк. — Она хихикает и пытается прижаться ко мне всем телом. — Ну же, Лукас, расслабься.

Я отталкиваю ее, охваченный отвращением и стыдом.

— Ложись спать. Не знаю, какого хера на тебя нашло, но лучше прекращай немедленно. Я о тебе в этом ключе не думаю.

Она спотыкается, и я пытаюсь удержать ее от падения на пол, при этом не позволяя приблизиться к себе.

— Ты же рок-звезда, твою мать. Только не говори мне, что не хочешь поиметь все, что движется в поле зрения, и меня в том числе.

Я в бешенстве прижимаю кулаки к бедрам.

— Даже не представляешь, насколько ты сейчас далека от правды. Ложись спать.

Я бросаюсь вон из комнаты, несусь к себе в спальню и запираю дверь за собой на замок. Какого черта сейчас произошло? Я сижу на кровати, пытаюсь справиться с подкатившей тошнотой. Она права; я немного возбудился и ненавижу себя за это. Не потому, что она мне нравится. Всего-навсего нормальная мужская реакция на полуголую

девицу, которая ко мне прикасалась. Я бы никогда не тронул ее. Я люблю Айви больше всего на свете и никогда не изменил бы ей, особенно с ее же собственной дочерью. От одной этой мысли меня выворачивает.

Возможно, следовало бы позвонить Айви прямо сейчас, сказать ей, что Мейси здесь, рассказать, как ее дочь себя ведет, чтобы она приехала и забрала ее, но Айви расстроится и тут же понесется ко мне. Придется будить Томми, везти его с собой, будет полнейший хаос. Не хочу все это на нее вываливать в три тридцать ночи.

Растянувшись на кровати, я мирюсь с тем фактом, что поспать особо не удастся. В соседней комнате спит дочь моей невесты, которая только что повела себя со мной, как дешевая стриптизерша, пытающаяся заработать лишнюю двадцатку. Ничего хорошего из всего этого не выйдет. Я это чувствую.

АЙВИ

Рано утром в воскресенье я отвожу Томми к своим родителям, потому что они хотят сводить его в театр на дневное представление и потом где-нибудь пообедать. По дороге домой я решаю порадовать Лукаса нашим любимым завтраком из карамельного латте и рогаликов. Чем больше я об этом размышляю, тем сильнее склоняюсь к идее переехать к нему. Мы пока еще не назначили дату свадьбы, но оба хотели бы, чтобы она состоялась в течение следующего года, поэтому вопрос с проживанием в любом случае скоро придется решать.

Он открывает дверь, удивленный и взъерошенный, одетый в одни только выцветшие джинсы.

— Привет. Ты сегодня раньше, чем обычно. — Он пропускает меня внутрь и быстро целует.

— Ты кажешься усталым, — обеспокоенно замечаю я. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Я протягиваю ему его кофе, прохожу на кухню и нахожу пару таблеток аспирина.

— Спасибо, любимая, — благодарит он, когда я возвращаюсь, и проглатывает таблетки. — Я не выспался. Нам нужно поговорить.

Если не считать периода вскоре после автокатастрофы с Вэндалом, я никогда еще не видела Лукаса настолько не в своей тарелке и расстроенным.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? — спрашиваю я, трогая его лоб, чтобы понять, нет ли у него температуры. Очень трудно задавить в себе мамочку. Я стараюсь не нянчиться с ним, но иногда просто не могу удержаться.

Он берет меня за руку и целует ее, улыбаясь.

— Нет. Я в порядке. Просто мне немного не по себе, оттого что ты приехала, а я чувствую себя так погано.

— У всех бывают неважные дни. Я просто хотела тебя увидеть. Вчера поздно вечером позвонили родители и спросили, могу ли я привезти Томми к ним на весь день, поэтому у меня теперь весь день свободен. Хочешь, иди обратно в постель. Я приду полежать с тобой рядом, почитаю тебе, пока тебе не полегчает.

— Ну и ладно, — вдруг каркает Рэй из своего угла голосом, похожим на голос моей дочери.

— Ого! Он что, копирует Мейси? — смеюсь я. — Это ее фирменная фразочка.

— Да, может быть. — Лукас смущенно оборачивается и смотрит на птицу. — А может, услышал по телевизору.

Мы проходим в гостиную и присаживаемся на диван. Лукас определенно выглядит болезненно и трет глаза ладонями.

— Ты уверен, что все нормально? — еще раз спрашиваю я, не на шутку разволновавшись.

— Все хорошо, куколка. Просто мигрень.

— Я еще не говорила с Мейси после вчерашней ссоры, — рассказываю я, делая маленькие глоточки кофе. — Она осталась дома у Шелли, не позвонила, даже смс не написала. Знает же, как сильно я переживаю, если она вот так вот пропадает.

— С ней все нормально. Просто взросление дается ей с трудом. Наверное, сложно вести себя, как взрослый человек, когда ты, по сути, еще ребенок.

— Знаю. Просто ненавижу, когда мы с ней ссоримся, и мне ужасно не нравится, когда она ходит на вечеринки и выпивает.

— Мы с ней поговорим, когда она успокоится, — молодой человек берет меня за руку, — но мне нужно поговорить с тобой о...

Какое-то движение наверху лестницы привлекает мое внимание, и я не верю своим глазам. Моя дочь стоит наверху лестничного пролета в одном полотенце, волосы растрепаны, макияж размазан, и она вышла со стороны спальни Лукаса.

— Мама, что ты здесь делаешь?

Я слишком ошарашена и не в состоянии говорить, подсказываю с дивана, расплескивая кофе и в ужасе перевожу взгляд от Лукаса к Мейси. Он быстро встает, глаза у него полны паники.

— Айви, все не так, как выглядит. Как раз об этом я хотел с тобой поговорить.

Мейси стоит наверху как истукан, не сводит с меня сердитого взгляда.

— А мне все еще не о чем с тобой разговаривать, — злобно заявляет она и затем поворачивается к Лукасу. — Ты собираешься сюда вернуться?

Тошнота подкатывает к горлу, я едва удерживаюсь от того, чтобы меня не вырвало прямо посреди гостиной.

— Что, черт побери, здесь происходит? — спрашиваю я срывающимся голосом.

— Айви, — молодой человек крепко берет меня за плечи, — клянусь, я ее не трогал. Она напилась...

— Почему она здесь? Она здесь спала? — требую ответа я.

— Она позвонила мне посреди ночи со своей вечеринки. Ей не на чем было доехать, поэтому я поехал за ней и привез сюда, чтобы не расстраивать тебя.

— Почему, черт возьми, она голая? И что делает в твоей комнате?

— Я не знаю! Она спала в гостевой спальне. Не знаю, какого хрена она вытворяет.

Я поворачиваюсь и смотрю наверх на свою дочь, которая откровенно усмехается, глядя на нас.

— Мейси, это — правда?

Она пожимает плечами.

— Ну да, он за мной заехал, но потом кое-что произошло.

О Боже всевышний! Голова идет кругом. Я смотрю на Лукаса — он без рубашки, кажется уставшим, волосы в беспорядке, а потом гляжу на свою дочь, прижимающую к голому телу полотенце. Они определенно выглядят так, словно не спали всю ночь и занимались одному Господу Богу известно чем. Поверить не могу. Какая же я глупая! Как я могла поверить такому, как он.

— Ты мне противен, — резко выплевываю я, глядя на Лукаса. — Как ты мог сотворить подобное с моей дочерью?

Я разворачиваюсь и направляюсь к двери, а он тут же бросается за мной, хватая и разворачивает к себе.

— Айви, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза и увидишь, что я говорю тебе правду. Ты же знаешь, я бы никогда так не поступил. Ты с ума сошла? Я же люблю тебя.

— Я смотрю на тебя. — Я всхлипываю и качаю головой. — Ты сегодня сам не свой. У тебя такой вид, словно ты занимался этим всю ночь. Уж я-то прекрасно знаю, что это за вид.

— Айви, нет. — Он берет меня за плечи, и его пальцы впиваются в мою кожу. — Я бы никогда не сделал что-то подобное. Никогда, черт возьми. Я просто устал. Она разбудила меня посреди ночи. Мне пришлось чертов час провести за рулем, пока я ездил за ней и обратно. Я отвел ее в гостевую комнату, но она была пьяна и вела себя как сумасшедшая, лезла ко мне. Мне кажется, она что-то приняла, потому что сама на себя не похожа была. И до сих пор не понимает, что творит. Я оттолкнул ее и заперся у себя в комнате. Я к ней не прикасался.

— Она к тебе лезла? — с недоверием переспрашиваю я. — Ради всего святого, Лукас! Она еще ребенок, и она относится к тебе с уважением. Она бы ни за что так не поступила.

— Айви, клянусь тебе, я говорю правду. — Взгляд у него совсем обезумевший, в уголках покрасневших, уставших глаз блестят слезы. — Ты же знаешь меня. Знаешь, я бы никогда так с тобой не поступил, и с ней тоже, это же наша семья. То, что у нас с тобой есть, для меня самое важное в жизни.

— Я хочу уйти отсюда. — Я отталкиваю его. — Меня сейчас стошнит. Не могу смотреть ни на тебя, ни на нее.

Одним рывком я срываю с пальца бриллиантовое кольцо и швыряю в него. Оно отскакивает от его обнаженной груди, и Лукас ошарашенно смотрит, как украшение катится по полу.

— Нет. Пожалуйста, не делай этого. — Лукас поднимает кольцо с пола и идет за мной. — Пожалуйста, надень его обратно. Не поступай так с нами. Пожалуйста, — умоляет он.

Я растерянно качаю головой. Мне сейчас нужно только убраться прочь отсюда и от него. Все так же, как было с Полом, только в этот раз я его в буквальном смысле застукала.

— Это ты с нами так поступил, и я понятия не имею почему! Я не выйду замуж за очередного изменщика, — выкрикиваю я, яростно мотая головой, чувствуя, как разрывается на куски сердце. — Поверить не могу, что ты так со мной поступил, Лукас! Я тебе доверяла!

Я наконец распахиваю дверь и бегу к своей машине.

— Айви! — Лукас мчится вслед за мной и догоняет, как раз когда я захопываю за собой дверь автомобиля и закрываю ее изнутри. — Айви, пожалуйста, ты должна мне поверить. — Он молотит ладонью по стеклу, но я уже выезжаю с парковки, всхлипывая и заливаясь слезами.

Перед глазами все еще стоит эта картина, и я не могу выбросить ее из головы: моя полуголая дочка, усмехающаяся так, словно она победила. Неужели она все это время пыталась подобраться к нему и только притворялась, что рада за меня? Неужели она может быть такой коварной? Мой мобильный начинает разрываться от пропущенных звонков и сообщений от Лукаса.

Я отключаю его. Не хочу ни слова от него слышать.

В конце концов все оказались правы. Он обманул меня, как самую настоящую дурочку.

И моя собственная дочь не устояла перед его обаянием и предала меня.

Я никому не могу доверять.

Лукас был неправ. «И жили они долго и счастливо» — в жизни так не бывает.

ЛУКАС

Я забегаю обратно в дом, захопываю за собой дверь и бегом, перепрыгивая через ступеньки, взлетаю вверх по лестнице. Я обнаруживаю ее уже одетой, сидящей на кровати в гостевой спальне.

— Какого черта ты только что натворила? — ору я прямо ей в лицо.

— Прости. — Она смотрит вверх на меня с широко открытыми глазами. — Я не помню, что вчера произошло.

Девушка встает, берет свою кожаную сумочку и мобильный телефон.

— Какого хрена? Как это ты не помнишь?

— Ладно, Лукас. Спасибо, что вчера подвез. — Она пытается оттолкнуть меня и прошмыгнуть мимо, но я хватаю ее за руку.

— Куда это ты, твою мать, собралась? Ты мне расскажешь, какого хрена ты сейчас натворила, и зачем ты это сделала.

У нее в глазах мелькает страх, и я ослабляю хватку, но все же не отпускаю ее руку.

— Зачем ты разделась и пробралась в мою комнату? Ты все это подстроила.

— Отпусти меня, — велит она дрожащим голосом. — И перестань на меня орать. Ты мне не отец.

— Тебе, твою мать, крупно повезло, что я не твой отец. Моя дочь никогда бы ничего подобного не выкинула. Это твой папаша тебя надоумил?

— Нет, — оправдывается она, глядя в пол, на свои ноги. — Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я не помню ничего, помню только, как трогала тебя.

Ярость берет верх, и я чувствую, что вот-вот сорвусь с цепи.

— Зачем ты это сделала, Мейси? Я думал, мы с тобой друзья. Думал, ты переживаешь за свою маму.

— Я и переживаю. Просто что случилось, то случилось.

— Нет! — ору я, яростно тряся головой. — Ничего этого не случилось. Ты все это дерьмо нарочно подстроила, и я хочу, чтобы ты немедленно, твою мать, сказала мне, какого, блядь, хрена ты это устроила!

— Оставь меня в покое! — визжит она в ответ, и я усилием воли напоминаю себе, что ей всего восемнадцать. Кроме того, она, очевидно, не в себе и в один прекрасный день станет моей падчерицей.

Я заставляю себя сделать глубокий вздох и успокоиться, пока не сказал или не сделал что-то непоправимое.

— Мейси, прошу тебя, просто объясни мне, что происходит, хорошо? Обещаю, я успокоюсь и больше не буду на тебя злиться. Просто расскажи правду, чтобы я смог исправить ситуацию с твоей матерью, ладно?

— Я ничего не помню, — отвечает она. — Помню, как этот урод бросил меня на вечеринке, и что ты заехал за мной, и что мы целовались.

— Я тебя *не целовал*. — Я хватаю ее за плечи и встряхиваю. — Ты попыталась меня поцеловать. Я тебя оттолкнул, и ты это прекрасно знаешь. Зачем ты так делаешь?

Неожиданно в дверном проеме появляется Вэндал.

— Мужик, я уже десять минут звоню в дверь, а твои крики еще с парковки слышно. — Он смотрит на Мейси, потом на меня и снова на нее. — Что за херня тут творится?

— Я не знаю. — Я в отчаянии на секунду прижимаю ладони к лицу. — Она меня подставила. Устроила так, как будто бы я с ней переспал, и Айви ей поверила.

— Какого хера ты творишь? — Вэн смотрит на девушку, злобно прищурившись.
— Я ничего не делала. — Она даже дрожит от страха перед ним и поглядывает в сторону двери. — Не смотри на меня так.

— Ты лжешь. У тебя на лице написано, — обвиняет он, нависая над ней, как скала. Выглядит он жутко, и она съеживается в ужасе.

— Оставь меня в покое, — ноет она.

Он оттесняет ее в угол, загораживая своей практически двухметровой фигурой, как стеной, возможные пути отхода.

— Если ты специально натворила что-то, чтобы навредить моему брату, я заставлю тебя сильно пожалеть, девочка. Поверь мне.

— Вэндал, она же еще ребенок, — напоминаю ему я.

— Ей уже восемнадцать. — Он не сводит с нее пристального взгляда, — достаточно взрослая, прекрасно понимает, что делает, и в состоянии нести ответственность за последствия своих действий, когда лезет в чужую жизнь.

— Я хочу домой. — От угроз Вэндала она опять начинает дрожать. — Я не помню, что произошло.

— Я могу тебе помочь вспомнить. — Он кладет руку ей на горло, едва касается ее, но она каменеет от ужаса. И правильно делает. Вэндал — психопат, с ним не поиграешь. На самом деле я не думаю, что он стал бы причинять ей вред, но с тех пор как умерла Кэти, психически он стал еще более неуравновешен, чем обычно.

— Вэндал... — предостерегаю я.

— Хочешь со мной поразвлечься? — спрашивает он отвратительным, мрачным голосом. Так, наверное, звучит голос самого Сатаны. — Любишь играть в игры? Я покажу тебе, как это делается по-настоящему, малышка, и ты отсюда потом без инвалидного кресла не выйдешь.

Твою мать. Мой брат съехал с катушек.

— Вэндал, прекрати. Лучше вызови ей такси и убери ее отсюда к чертовой матери.

— Нет. Она все вспомнит. Правда, малышка?

Мейси еще сильнее вжимается в стену, по щекам ее начинают течь слезы.

— Говори. Сейчас же, — велит он, нависая над ней всем своим огромным телом. — Хочешь узнать, каково трахаться с мужчиной постарше? Я тебе все подробно покажу, если сейчас же, твою мать, не начнешь выкладывать, как все было.

— Вэндал! — прикрикиваю я, хватая его за плечо. — Довольно. Она мне практически родня.

— Родные люди друг с другом так не поступают. — Он смотрит на нее, как на насекомое, достает бумажник и бросает ей пятьдесят баксов. — Вали отсюда на хер, найди такси.

Я наблюдаю, как девушка поднимает деньги и опрометью бросается вон из комнаты и вниз по лестнице. Входная дверь захлопывается за ней с таким грохотом, что, кажется, стены зашатались.

Вэндал разворачивается ко мне. Взгляд у него усталый и немного дикий, как у животного.

— Дерьмово выглядишь, бро. Ты ее правда?..

— Нет, — резко прерываю его я. — Ни в коем случае. Она мне позвонила пьяная с вечеринки. Я поехал за ней, забрал и привез сюда. Она вела себя странно, все пыталась меня потрогать. Я ее оттолкнул и ушел к себе. Спал один у себя в комнате. Я бы ни за что к ней не притронулся. Это дочь женщины, которую я люблю, почти что член моей семьи. Ты же сам отец, Вэн. Мог бы ты что-то такое вытворить?

— Я был отцом. — Он отворачивается к окну, я замечаю, как подрагивает его подбородок. — И, думаю, я мог бы вытворить практически все, что угодно.

— Прости. — Я морщусь. Надо же было такое ляпнуть. — Я плохо соображаю.

— Не переживай. — Он подходит ко мне, хлопает по плечу. — Что будешь делать?

— Ну, очевидно, мне нужно как-то заставить ее признать, что она все это подстроила, и убедить Айви мне поверить. — Я стягиваю с кровати простыни, бросаю все в кучу на полу, хочу избавиться от любых следов присутствия Мейси. — Она швырнула в меня кольцо, Вэн. Как будто сердце мне вырвала.

Он прислоняется к стене возле дверного проема, скрещивает мощные руки на груди. Черные, как смоль, волосы спадают ниже плеч. Даже меня его внешний вид иногда пугает, не представляю, какого страха натерпелась Мейси, будучи мишенью его ярости.

— Думаю, мудила бывший муж приложил ко всему этому дерьму руку.

Достойная кличка для уроды. Усмехнувшись, я киваю в ответ.

— Я тоже так думаю. Этот говнюк меня ненавидит и никак не смирится, что мы с Айви вместе. Думаю, когда он узнал, что мы обручились, ему совсем крышу снесло.

— Хочешь, я с ним побеседую.

— Пока не надо. — Вэндаловы методы ведения бесед меня пугают. — Мне нужно поговорить с Айви и еще раз поговорить с Мейси, когда она успокоится.

— Одно только слово, бро. — Вэндал хрустит костяшками пальцев, — и я его, ублюдка, урою.

— Тебе правда нравится причинять людям боль, да?

Его лицо искривляется в злобной ухмылке.

— Не всем подряд, но, в целом, да. Процесс мне нравится. Люблю причинять боль. В любом доступном виде.

Остается только радоваться, что эти гены мне не достались.

После того, как Вэндал уезжает, я быстро принимаю душ и еду к Айви домой. Еще один удар прямо в сердце поджидает меня на улице, когда я вижу машину Пола, припаркованную на подъездной аллее.

Я в бешенстве колочу в дверь, пока Айви не открывает, заплаканная, с покрасневшим лицом.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

— Какого черта он здесь делает? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Пол появляется в дверном проеме за ее спиной.

— Где, черт возьми, моя дочь? — требует он.

Поверить не могу. Что за херня?! Мы с ней помолвлены. Совсем недавно мы занимались сексом на кухонном столе в этом самом доме. А теперь я стою на крыльце у входа, а они загораживают дверь?! Вместе.

— Она уехала от меня больше часа назад. Мой брат дал ей денег на такси.

Пол отталкивает Айви в сторону.

— Ты переспал с моей дочерью, а после отправил ее домой на гребанном такси?

— Можно уже прекратить этот цирк. Я с ней не спал, и ты, твою мать, это прекрасно знаешь, — теряю над собой контроль я. — Какого хрена вообще происходит? Я знаю, что это ты, Пол. Ты сделал что-то с Мейси, как-то заставил ее оболгать меня вот таким вот отвратным образом.

— Лукас! — в шоке подскакивает Айви. — Он бы никогда так не поступил с нашим собственным ребенком! — заявляет она в его защиту. *В его защиту. Не в мою.*

— Я бы тоже так не поступил! Ты знаешь, как я люблю твоих детей.

Пол опять отталкивает ее, он смотрит прямо мне в лицо. Я сжимаю кулаки, как же хочется двинуть по его самодовольной роже!

— Судя по всему, одного из них ты даже слегка чересчур любишь, — усмехается он. — Ты им не отец, а Мейси — красивая девушка. Ты воспользовался ею слабостью, когда она была незащищена. Радуйся, что я полицию не вызвал, — угрожает он.

— Никто не собирается вызывать полицию! — кричит Айви. — Лукас, пожалуйста, уходи.

Уходи. Она хочет, чтобы я ушел. А он останется здесь.

— Мне нужно с тобой поговорить. Наедине. Пожалуйста, Айви.

Она бросает взгляд на Пола.

— Дай мне минутку, — говорит она ему, а я не понимаю, почему он вообще здесь, почему она не прикажет ему уйти.

Он откровенно смеется надо мной за ее спиной, а затем уходит внутрь, в ее дом. *В их дом.*

Я пытаюсь обнять ее, но она отстраняется и скрещивает руки на груди.

— Айви, я не понимаю, что все это значит. Я не прикасался к Мейси. никоим образом, только пытался оттолкнуть ее от себя. Почему ты веришь в эту херню? Что он с тобой сделал? Что это за извращенный ад, и почему мы здесь вообще оказались?

— Мейси ни за что не обманула бы меня насчет такого, Лукас. — Она поднимает на меня красные, опухшие глаза. — Она знает, как сильно я тебя люблю. Думаю, она напилась и, наверное, флиртовала с тобой, а ты, под влиянием момента, не удержался.

Ее слова, как нож прямо в сердце — кажется, оно даже биться перестало.

— Что? Ты думаешь, я такой слабовольный? Айви, на меня женщины постоянно вешаются. Взрослые женщины, а не пьяные подростки, не имеющие понятия о том, что творят. Ты серьезно думаешь, что я стал бы рисковать нашими с тобой отношениями ради быстрого перепихона с пьяной малолеткой, помимо прочего еще и дочерью своей невесты?

— Она была в твоей комнате. — Слезы начинают струиться по ее лицу. — Я видела, как она оттуда выходила.

— Наверное, она пробралась туда, когда я спустился вниз открыть дверь. Она не была в моей комнате ночью, ни одной секунды.

— Ну зачем ей это делать? Она всегда была искренней девочкой, и она не лгунья. Никогда ею не была.

Внутри у меня все обрывается.

— А я? Я, по-твоему, лгун?

Она быстро качает головой и кладет ладонь мне на грудь, там, где сердце.

— Нет. В это я тоже не могу поверить. Если только ты не притворялся все время. Может быть, последние несколько месяцев были притворством.

— *Для чего?* Зачем мне так заморачиваться?

— Не знаю, — кричит она, всхлипывая. — Я не знаю, чему верить.

Я в отчаянии запускаю руки в волосы, отхожу от нее немного. Как же я хочу, чтобы она позволила мне войти в дом, а этот говнюк свалил на хер.

— Айви, я думаю, Пол ее подговорил. Он пытается задурить тебе голову, хочет нас разлучить. Он точно знал, что сделать, чтобы ты во мне засомневалась. Знает, как сильно ты боишься снова оказаться в подобной ситуации после того, как он с тобой поступил. Он все это подстроил. Я уверен.

— Нет. — Она яростно мотает головой. — Он бы не поступил так с собственным ребенком, не стал бы ее так использовать.

Я обнимаю ее, несмотря на протесты и попытки вырваться.

— А я думаю, поступил бы. Думаю, именно это он и *сделал*. — Я целую ее в макушку и глажу по шелковистым волосам. — Пожалуйста, ты должна мне поверить, Айви. Я люблю тебя. Люблю твоих детей. Я бы никогда никого из вас не обидел. Не хочу тебя потерять.

Она прижимается лицом к моей груди, обвиняет руками меня за талию.

— Я тоже тебя люблю. Только не знаю, чему верить. Это все отвратительно. Ты сам не можешь это не признать. Я в замешательстве.

— Поверь *мне*. Пожалуйста. — Я заставляю ее поднять лицо и посмотреть на меня.
— Ты знаешь мое сердце лучше кого бы то ни было.

Ее огромные, наполненные слезами голубые глаза — глубокие печальные озера — смотрят прямо на меня.

— Дай мне немного времени во всем разобраться. Мне нужно поговорить с Мейси наедине, спокойно.

— Не заставляй меня уйти. Отправь его домой, давай вместе во всем разберемся, прошу тебя.

— Он и так уже уходил. Лукас, поезжай домой. Дай мне время подумать, успокоиться.

— Я хочу, чтобы ты надела кольцо обратно. Оно у меня с собой.

Она качает головой и делает шаг назад, отступает.

— Нет. — Айви всхлипывает, вытирает новые слезы, размазывая по щекам косметику. — Я не могу. Не могу, пока не разберусь во всем.

Боль разливается у меня в груди, сжимает в тиски сердце. В глазах темнеет.

— Ты не понимаешь, что сейчас делаешь, Айви. Ты убиваешь нас. Убиваешь *меня*.

АЙВИ

Дни проходят мимо. Много дней. Бесцельно потраченных, проведенных в бесконечных сомнениях. Я не верю собственной дочери, не верю Лукасу, не верю самой себе. Я чувствую, что с каждым днем развершаяся пропасть становится все больше, и я не уверена, что смогу все исправить. Не уверена, что вообще кто-то из нас может все исправить.

По сравнению с тем упорством, с которым Лукас пытался исправить ситуацию, настойчивость, с которой он изначально пытался пригласить меня на свидание — хм, просто детский лепет. Он звонил каждый вечер, слал бесчисленное количество смс. Присылал мне цветы. Писал письма. Рисовал картины и сочинял стихи. Я игнорировала все его попытки. А потом все прекратилось. Кажется, часть меня умерла, когда я поняла, что он наконец сдался. И, если он на самом деле говорил правду, я заслуживаю каждую невыносимую минуту этой муки за то, что разбила самое нежное, любящее сердце на свете.

Я разбита и чувствую себя больной. Меня тошнит, мучают головные боли, а сердце разбито. Я разрываюсь на части между двумя людьми, которым, была уверена, могу доверять.

Я видела, как моя дочь вышла из комнаты моего любимого. Голая, прикрываясь одним только полотенцем. Я не могу выбросить эту картину из головы. Она снова и снова всплывает перед глазами, бесконечно. Дочка не отрицала, что они провели вместе ночь. Она спросила его, собирается ли он вернуться к ней. *Прямо у меня на глазах.*

Мейси, конечно, не совершенна, но она никогда не была лгуньей, даже когда была совсем маленькой. Она говорила правду и просто принимала необходимость нести ответственность за последствия своих действий.

Знаю, она злилась на меня из-за того, что я попыталась не пустить ее на ту вечеринку с ее новым парнем. Неужели она была настолько зла, чтобы попыталась отомстить мне вот таким вот образом, переспав с Лукасом или претворившись, что они были вместе? В голове у меня никак не укладывается, что дочка могла бы поступить так со мной. Да и как она могла знать, что я приеду к нему? Мой приход утром был спонтанным решением, я хотела сделать Лукасу сюрприз, принеся ему его любимый кофе. Возможно ли, что она все придумала и сразу же реализовала свой план? Не могу себе представить, что она так сделала. Никак не могу. Если только не принять как факт, что я не знаю собственного ребенка так хорошо, как привыкла думать.

Но Лукас... мой милый Лукас с его темной, чувственной, скрытой от посторонних стороной. Мог ли он прикоснуться к моей дочери? Я с самого начала знала, что он ей нравится. Может быть, это увлечение не прошло? Или, может, я только все усугубляла, когда, пытаясь сделать его частью нашей семьи, позволяла им проводить время вместе и даже радовалась этому? Может быть, это мое стремление только подпитывало ее чувства к нему, и она только притворялась, что рада за нас, чтобы иметь возможность быть к нему поближе? Мейси красивая девушка, с идеальным телом. Любой мужчина увлекся бы ею, любому было бы трудно сказать ей «нет», если бы она сама предложила себя, дала понять, что не против. Если она была пьяна и флиртовала с ним в тот вечер, смогла бы она надавить на те самые точки, заставить его забыть обо всем и переступить через черту вместе с ней?

Тошнота и слабость накатывают на меня, когда я пытаюсь заставить себя нарисовать в воображении сценарий произошедшего: Лукас прикасается к ней, ведет ее в

свою спальню, целует ее, раздевает. *Нет.* Секс по-быстрому — это не про Лукаса. Лукас — любовник в полном смысле этого слова. Он не умеет заниматься бессмысленным сексом. Если только что-то не назревало между ними уже давно, а я просто была слепа и не видела...

Может быть, я ему надоела? Может, Мейси — юная, сексуальная и беззаботная — показалась ему привлекательнее? Как Шарлен для Пола. Мейси — фанатка его группы; ей понравился бы такой образ жизни, она идеально подошла бы на роль молодой и красивой подружки рок-музыканта. Не то что я. Старая, скучная мамочка, которая только и может, что сидеть с ним на балконе и попивать латте.

«Ты — то, чего я хочу. Стабильность и безопасность, которые мне нужны. Тебе единственной я могу доверить свое сердце. Ты одна можешь исполнить все мои мечты».

Эти его слова, которые он сказал, когда надевал кольцо мне на палец, крутятся в голове снова и снова. Только за них и цепляются сейчас мое разбитое сердце и моя раненая душа. Он всего себя, до последней частички, вложил тогда в эти слова. В этом я уверена, без тени сомнения. Я прочувствовала это до мозга костей. Маленький мальчик, игравший старинными вещами на чердаке у бабушки с дедушкой, самостоятельно учившийся играть прекрасную музыку и веривший, будто статуэтки горгулий его охраняют, вырос и превратился в мужчину, который мечтал только об одном: встретить кого-то, кто будет любить его настолько крепко, чтобы никогда не бросить.

Я — этот кто-то. Он в этом уверен. Он верил мне. Я обещала ему быть рядом. А он, в ответ, пообещал мне все, чего я хотела, в чем нуждалась, и даже больше. Он подарил мне сказку, о которой я мечтала.

Не стал бы Лукас ставить такое под удар. Никогда.

Или нет?

Мое сердце говорит «не стал бы», но тогда нужно перевернуть эту медаль, и посмотреть в глаза ужасному, ошеломляющему факту. Моя собственная дочь солгала мне, и подстроила ему ловушку, чтобы уничтожить меня.

Спустя почти месяц, который Мейси прожила у Шелли, она, наконец, снова появляется дома и приезжает на новой машине.

— Откуда у тебя эта машина? — требовательным тоном спрашиваю я, выйдя на улицу и осматривая сияющее новенькое красное авто, припаркованное перед домом.

— Папа мне купил. Не хотел, чтобы я ездила на своей старой развалюхе, когда поеду в колледж. Сказал, это небезопасно.

— Серьезно? Так и сказал? — Ну конечно. Теперь все ясно. Оглушительная волна ярости накрывает меня.

— Да.

Она направляется к дому, и я слеую за ней буквально по пятам.

— Присядь. Будем разговаривать.

— Mam, я устала. — Она разворачивается и закатывает глаза. — Я несколько недель спала у Шелли на диване, ждала, пока шум уляжется.

— Шум уляжется? — повторяю я. — Сейчас же садись. Ничего еще не закончилось.

Она раздраженно бросает сумочку на диван, усаживается и упирается взглядом в пол.

— Mam, мне жаль насчет Лукаса.

— Правда? — Я стараюсь отвечать ровным тоном и не взорваться от возмущения.

— Ну конечно мне жаль. Я не хотела, чтобы так получилось... просто так получилось.

— Расскажи, что именно случилось. — Я присаживаюсь рядом с ней и стараюсь держать себя в руках. — Все, как было.

— Что? Мам, это же извращение какое-то!

— Я хочу, чтобы ты мне рассказала. Прямо сейчас. Не расскажешь, я позвоню и велю немедленно оттащить машину обратно к дилеру.

— Ты не сможешь. — Она смотрит на меня волком.

— Хочешь проверить?

— Ладно. Я пошла на вечеринку с Брентом, хотя ты сказала, что не разрешаешь. — Дочка ерзает на диване, теребит ремешок на чехле своего смартфона. — Я на тебя злилась. Мне уже восемнадцать. Не надо указывать мне, что делать.

— Пока живешь под моей крышей, изволь следовать моим правилам. Продолжай.

— Я выпила несколько бокалов, а он вел себя со мной как козел. — Она вздыхает. — На вечеринке было много народу, но знакомых никого. Там было полно шалава, и я застучала его, когда он с одной из них целовался. Мы сильно поругались, и он свалил с ней, а меня оставил там. Домой мне было никак не добраться, я не хотела звонить тебе и выслушивать бесконечные «я же тебе говорила», поэтому позвонила Лукасу, попросила его приехать и забрать меня. Он хотел, чтобы я рассказала тебе, что произошло, но я отказалась, пообещала позвонить тебе утром.

— Дальше что? Ты была пьяная?

— Да. Не так, чтобы на ногах не стоять, но слегка не в себе. Он сказал, что я могу переночевать в гостевой комнате. Когда мы туда зашли, он предложил одолжить что-нибудь из одежды, в чем спать, а я разделась и поцеловала его.

— Зачем? — Кровь леденеет у меня в венах.

— Потому что он сексуальный. — Она пожимает плечами. — И я на тебя злилась.

— Что случилось потом?

— Мы еще какое-то время целовались, а потом мы с ним... этим занялись. Я уснула в его кровати и проснулась, когда услышала твой голос внизу.

— Вы этим занялись? — повторяю я.

— Ну да. Хотя я была не совсем трезвая, не помню все, что произошло.

— Он отвел тебя в свою спальню?

— Ага. — В ее голосе начинают проскальзывать нотки неуверенности.

— Мейси, это серьезное заявление.

— Я знаю.

— И ты спала в его комнате?

— Да. Я проснулась, когда он встал, чтобы открыть тебе дверь.

— Ты лжешь.

— Нет, не лгу.

— Лжешь, Мейси. И ты непременно расскажешь мне, зачем тебе это нужно. Но для начала я тебе кое-что объясню. Я знаю, что ты лжешь, потому что верю Лукасу. Я все это время просидела здесь, прокручивая все снова и снова у себя в голове и в сердце, потому что доверяю вам *обоим*. Я *обоих* вас люблю. — Я стараюсь сдержать слезы, но они все равно текут по щекам. — Ты — моя маленькая девочка. Все, что я делала с тех пор, как в восемнадцать лет забеременела тобой, я делала для тебя, чтобы обеспечить тебе хорошую, комфортную жизнь, и я никогда бы не подумала, что ты можешь так со мной поступить. Не только со мной. Поступить так в принципе.

— Мам... — Она начинает дрожать и плакать. — Прости.

Я опускаю ладонь на ее колено.

— Это страшно, когда приходится выбирать между двумя людьми, которых ты любишь, решать, кто из них обидел тебя, пытаться понять, кто из них соврал тебе, и, хотя мне ужасно не хочется так говорить, родная, потому что это очень больно... но я тебе не

верю. Я верю Лукасу, потому что знаю, как много наши отношения для него значат, как сильно ему хотелось чего-то настоящего. Он не стал бы этим разбрасываться, не стал бы лгать и изменять мне, потому что я знаю, он очень любит меня.

Дочка смотрит на меня, часто моргая, лицо ее заливается краской.

— По какой-то причине ты вдруг решила напакостить мне, разрушить мою жизнь, лишит меня счастья, а я, хоть убей, не могла понять почему. — Я глотаю комок в горле, а Мейси, прикусив нижнюю губу, опускает взгляд и отказывается смотреть мне в лицо. — Сначала я думала, что он тебе все еще нравится. Я представляю, каково тебе было бы, будь это так. Но сейчас я знаю настоящую причину. Она стоит перед нашим домом, разве не так?

Она пытается встать и уйти, но я хватаю ее за руку.

— Разве я не права, Мейси?

Ее голос — едва различимый шепот, когда она признает: «Да».

— Зачем ты так поступила?

— Прости, мама. — Она начинает плакать, плечи ее вздрагивают. — Я не хотела.

— Тогда зачем? Просто признайся, скажи мне правду.

— Папа пообещал купить мне новую машину, если я разлучу тебя с Лукасом. Он предложил обставить все так, как будто Лукас со мной переспал. Сначала я отказывалась, но, когда я с ним общалась, он каждый раз заводил об этом речь. Как будто ни о чем другом думать не мог и все дурил мне голову, предлагал новые идеи, как мне это устроить. Показывал фотографии машины, которую купит мне. Я ему говорила, что не хочу этого делать, а потом, в тот вечер, когда Лукас разрешил мне остаться у него дома, все как бы само сложилось. Я правда не думала, что ты согласишься, но в итоге все отлично получилось.

Отлично получилось. Моя дочь думает, что навредить другим людям — это отлично. Собственный отец уговорил ее натворить такое, подкупив новой машиной.

Вот ведь убудок. От бешенства у меня дрожат руки, кожа покрывается мурашками. С каким удовольствием я бы разбила в кровь его рожу.

— Мам, прости, пожалуйста. — Сквозь шум ярости в голове до меня доносится голос Мейси. — Я не думала, что все будет так плохо.

— Даже не знаю, в ком я больше разочарована, — тихо отвечаю я. — В нем или в тебе. То, что он попросил тебя сделать, просто отвратительно, поверить не могу, что ты согласилась. Ради *машины*.

— Мам...

— То, что ты сделала, отвратительно. — Я закрываю руками лицо, залитое слезами отчаяния. — Лукас — хороший человек. Он бы что угодно сделал для тебя и Томми.

— Я знаю. Мне нравилось, что вы с ним были вместе, мам. И мне, и Томми. Он для нас старался быть лучшим отцом, чем был папа.

— Как же ты тогда могла так с ним поступить? — практически кричу я. — И со мной?

— Я не знаю! — воет она. — Папа все твердил, что так будет лучше. Говорил, что Лукас только притворяется, что он не тот, за кого себя выдает, что он просто молодой парень, который вздумал поразвлечься с одинокой постаревшей женщиной, и что он тоже тебя обидит рано или поздно. Убеждал, что в конце концов я тебе даже одолжение сделаю.

— И ты в это поверила?

— Нет. Просто я очень хотела машину, мам. Моя старая — просто ржавый кусок металлолома! У всех моих друзей новые машины.

Образ мышления подростка чудовищный: они могут оправдать что угодно просто потому, что так захотелось.

— И ты решила разлучить двоих людей, которые тебя любят, ради машины? Ради всего святого, Мейси! Знай он, что тебе хочется новую машину, Лукас, скорее всего, одолжил бы тебе на нее денег просто так. Он же хорошо к тебе относился!

— Я знаю. Мне так жаль, — кивает она соглашаясь. — Я не думала, что все будет так плохо, что ты так расстроишься. И не ожидала, что Лукас со своим братом-психопатом накинется на меня.

— Это правда, что ты его трогала? — Я молюсь про себя, чтобы эта часть истории оказалась неправдой. — Он сказал, что ты к нему прикасалась.

— Да. — Она смущенно поеживается. — Я полезла к нему и поцеловала его.

Рвота подкатывает к горлу.

— Ты мне сейчас отвратительна, Мейси. Словами не выразить, насколько.

— Не только моя в этом вина, мам! Мог бы оттолкнуть меня посильнее, если бы хотел. Он же намного больше меня. Он меня хотел. Я почувствовала.

— *Довольно.* — Я подсказываю, не в силах больше это выносить. — Тебе нужно уйти. Возьми необходимые тебе вещи и поезжай к отцу.

— Мам! Ты же не можешь вышвырнуть меня из дома! — Она, открыв рот, шокированная смотрит на меня с ужасом.

— Нет, могу. Можешь пожить у отца, пока не начнутся занятия в колледже. Поверить не могу, что ты могла так меня обидеть. Я не знаю, кто ты вообще такая!

— Ладно, все что случилось, было по моей вине. Я сама к нему полезла. Теперь ты довольна? Он оттолкнул меня и все твердил, как любит тебя. Все? Я тебе все рассказала. Пожалуйста, можно я останусь здесь? Не хочу жить с отцом и его гребаной Шарлен!

— Нет. — Я яростно трясу головой. — Забирай свою новую машину и езжай жить к ним. И, надеюсь, ты подумаешь о том, какой ужасный поступок совершила из жадности. Я не так тебя воспитывала, чтобы ты на такое смогла решиться, и не могу сейчас находиться с тобой рядом. Ты права. Тебе уже восемнадцать. Ты взрослый человек. Поэтому поезжай к отцу, живи взрослой жизнью у него в доме или остановись у кого-то из друзей, пока я не смогу простить тебя за то, что ты натворила.

С разрывающимся на части сердцем я наблюдаю, как она в слезах убегает в свою комнату и спустя несколько минут возвращается обратно с битком набитой спортивной сумкой в руках, в точности как ее отец в не таком уж далеком прошлом.

У двери она останавливается и поворачивается ко мне; лицо у нее покраснело, макияж размазан.

— Мам, ну пожалуйста, можно я останусь здесь? — Голос у нее дрожит. — Не заставляй меня уходить. Обещаю, я извинюсь перед Лукасом. Ничего подобного больше не повторится. Если хочешь, я с ним больше вообще разговаривать не буду. Мам?

Я качаю головой и стою на своем.

— Нет. Я люблю тебя, Мейси, но то, что ты натворила — просто ужасно. Мне нужно время, чтобы все обдумать и прийти в себя. — Я отворачиваюсь и только слышу, как открывается и закрывается дверь, а спустя секунды ее новая сияющая машина отъезжает от дома.

Я тихо сажусь на диван и даю волю слезам. Ненавижу Пола, он снова лишил меня всего, что я любила, и разрушил мою жизнь.

— Я, пожалуй, прогуляюсь и пойду пообедать, — на ходу говорю я своей ассистентке, проходя мимо ее рабочего стола. — Вернусь примерно через час.

Она кивает, настолько поглощенная работой, что даже не поднимает голову от экрана монитора, и я отмечаю про себя, что надо бы выяснить, когда у девушки следующая аттестация.

Я пешком прогуливаюсь до парка, расположенного в нескольких кварталах от моего офиса, и присаживаюсь на скамейку под огромным ивовым деревом. Может, свежий воздух последних летних деньков поможет мне расслабиться. Я плохо спала в последнее время, и, похоже, усталость наконец берет свое; в голове сплошной туман, и настроение все время неважное. В тот вечер, когда, выяснив все обстоятельства у Мейси, я позвонила Лукасу, я не ожидала, что он в ответ скажет, что ему нужно время подумать, прежде чем он сможет позволить мне вернуться в его жизнь. С тех самых пор меня преследует бессонница.

По собственной глупости я была уверена, что, как только извинюсь за свои сомнения, он примет меня обратно с распростертыми объятиями, учитывая, что он без остановки звонил и писал мне в первые дни после того, как я обнаружила Мейси у него дома. Но он не похож ни на кого из знакомых мне людей. Он, конечно, невероятно любящий человек с огромным сердцем, но я на собственной шкуре убедилась: у него есть та часть, которую он открывает лишь немногим. И второго шанса может не случиться.

С Лукасом только так: или все, или ничего, а я не подарила ему свое сердце целиком. Я думала, что подарила, но когда пришла пора доказать это на деле, то не оправдала его ожиданий. Я не должна была отталкивать его и отгораживаться. И это себя я считала взрослой сформировавшейся личностью в наших отношениях.

— Позволишь присесть?

Я поднимаю глаза, но он уже взял на себя смелость опуститься на скамейку рядом со мной.

— Ашер? — Я оглядываюсь вокруг, думая, что он, наверное, не один. Может, он с Лукасом? Но он один. — Что ты здесь делаешь?

— Встречаюсь с другом. — Он неспешно пожевывает травинку, торчащую в углу рта. — А ты?

— Вышла подышать в обеденный перерыв. Работаю недалеко отсюда.

— Хороший день для прогулки.

— Да, ты прав.

Он кивает и какое-то время смотрит на меня изучающе.

— Ты знала, что Лукас родился с дырой в сердце?

Я резко впиваюсь взглядом в его глаза, шокированная этим неожиданным заявлением.

— Что? — Голос у меня дрожит, и я судорожно сглатываю комок, мгновенно сжавший горло в тиски. — Нет... он мне об этом никогда не говорил.

— Что ж, я не удивлен. Он не любит об этом говорить. Врожденный порок сердца. Поэтому мать от него отказалась. Боялась, что с ним будет слишком трудно.

Я даже не пытаюсь смахнуть слезу, медленно ползущую по моей щеке. В голове вихрем проносятся мысли, и меня вдруг охватывает ужас, что он болен или умирает.

— Порок прооперировали уже очень давно, — продолжает Ашер своим мелодичным голосом. — Но, признаться, я до сих пор нахожу немалую долю иронии в том, что у человека с таким большим сердцем есть в нем дырочка, и что люди, которые должны бы любить его, похоже, проваливаются в нее и исчезают навсегда.

— Я правда люблю его, — словно оправдываясь, отвечаю я. — Тебе просто не понять.

— О, поверь мне, я понимаю. — Он вытаскивает травинку изо рта.

— Я хочу вернуть его. Хочу выйти за него замуж. Мне больше ничего не нужно.

Еще один мужчина подходит к нам и присаживается рядом с Ашером. Он очень высокий, широкоплечий, одет в черную кожаную косуху, обут в высокие грубые ботинки, а глаза прячет за солнечными очками. Голова его обрита, но покрыта татуировками.

— Здорово, дружище. Как жизнь? — спрашивает у него Ашер.

— Я умираю, — со смехом отвечает мужчина. — Сам-то как думаешь?

— Все мы потихоньку умираем. Просто некоторые быстрее остальных.

Я хочу встать и уйти, но меня словно прибили гвоздями к скамье.

— Как твоя вторая половинка? — интересуется друг.

Ашер протягивает ему маленькую бутылочку с какой-то жидкостью.

— Она спит, — отвечает он.

— Хотелось бы и мне поспать, твою мать, — усмехается друг.

— И мне тоже, — бормочу я.

— Как считаешь, что хуже? — Ашер разворачивается ко мне. — Не доверять человеку, которому подарил свое сердце, или отдать другому всю душу, а потом понять, что он тебе не доверяет?

— Ну вот... — друг его шумно вздыхает.

— Заткнись, пожалуйста, твою мать. — Ашер стучает ногой по его высокому ботинку, а затем снова поворачивается ко мне.

— Ну так, что скажешь? — спрашивает он.

— Думаю, оба варианта одинаково ужасны, — отвечаю я, судорожно соображая, что вообще сейчас происходит на этой скамейке. Что здесь, в парке, делают эти двое? Они специально тут появились?

— Да, конечно, ужасны, — вторит он, откидываясь назад, опираясь на руки.

Мы какое-то время сидим в тишине, наблюдаем за птичками и белками, скачущими вокруг в поисках еды. Откуда-то сверху вдруг падает и приземляется мне на колено крошечное черное перышко. Я поднимаю его, осторожно зажав между пальцев, и восхищенно рассматриваю мягонькие ворсинки пуха.

— Знаешь, как говорят? — улыбается Ашер, поднимаясь.

— О чем ты?

— Упавшее перо означает, что где-то рядом сейчас ангел.

Я снова опускаю взгляд на крошечное перышко и вспоминаю все те маленькие черные перья, которые находила в самых неожиданных местах последние несколько месяцев. Может, они — знак? Но тогда знак чего?

— Ты должна быть рядом и заполнить собой дыру в его сердце, ладно? Вы теперь семья. — Ашер вдруг наклоняется и целует меня в макушку.

Его друг тоже поднимается и немного потягивается.

— Приятно было познакомиться, — кивает он в мою сторону.

— Мне тоже... — отвечаю я, хотя понятия не имею, кто он и как его зовут. Может быть, один из братьев Ашера или его кузен? Внешне он выглядит так, словно мог бы быть членом их группы, но в тот вечер, на концерте в клубе, я его среди них не видела. Я убираю перышко в карман пиджака, чтобы потом положить к остальным в ящик тумбочки возле кровати.

— И еще кое-что, пока я не ушел, — словно бы вдруг вспоминает Ашер. — Ему понадобится твоя помощь. Если ты сможешь быть рядом, все будет просто замечательно. Я лично думаю, что все это только к лучшему.

— Помощь с чем? — я смотрю на него нахмурившись, в полном смятении. Ну что за расплывчатость? — С ним все в порядке?

— У него все нормально, милая. Просто будь рядом с ним.

— Хорошо... Буду. — Я что угодно сделаю, только бы исправить все с Лукасом.

— У вас двоих все будет хорошо. — Улыбается он. — Не тяните с датой свадьбы, мне нужно все распланировать.

Прежде чем я успеваю ответить, он и его друг уходят, бодро шагая по дорожке в сторону выхода из парка. Я смотрю им вслед до тех пор, пока они не скрываются из виду, раздумывая, куда они могут направляться и случайна ли эта наша встреча с Ашером? Какова вообще вероятность того, что это случайность?

АЙВИ

«Я: Можно я заеду к тебе сегодня вечером? Хочу увидеть тебя. И поговорить».
«Лукас: Нет».

Сердце у меня сжимается.

«Лукас: Приезжай прямо сейчас. Мой последний клиент уходит через десять минут. Не хочу ждать».

Черт. Знать бы, хороший это или плохой знак.

Я предупреждаю своего руководителя, что мне нужно срочно отлучиться по личному делу и, быстро выйдя из офиса, направляюсь прямо к дому Лукаса. Забирать Томми из школы мне сегодня не нужно, потому что за ним заедет Пол, он возьмет его к себе на выходные. Я, конечно, не рада такому положению вещей после того номера, что он выкинул с Мейси. Что, если он попытается повернуть еще что-то подобное или попробует использовать Томми? С момента той истории с Мейси мы с Полом не разговариваем, поэтому все общение происходит через наших адвокатов. Честно говоря, я вообще не хочу делить с ним опеку над детьми, но мой адвокат заверил меня, что выиграть эту битву будет очень непросто даже после того, как он так беспринципно и жестоко манипулировал Мейси. Кроме того, адвокат переживает, что это может спровоцировать Пола, и он приплетет в историю Лукаса, будет стараться выставить того в неприглядном свете, настаивать, что тот может негативно повлиять на Томми, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Когда я подъезжаю к дому Лукаса и звоню в дверь, у меня от волнения дрожат руки. Мы не виделись почти месяц. Что, если Лукас просто не хочет больше со мной быть, несмотря на загадочные комментарии Ашера?

Он кажется каким-то другим, когда открывает дверь и впускает меня в дом, как будто немного повзрослевшим. Вид у него усталый, но еще он, похоже, стал больше и мускулистее, как будто чаще обычного занимался в спортзале. Не знаю, возможно ли это вообще, но теперь он кажется мне еще привлекательнее.

Лукас ничего не говорит, но быстро притягивает меня к себе и крепко сжимает в объятиях прямо посреди фойе. Я обвиваю его руками, внутренне сжимаясь от страха, что это прощальные объятия. Я вдыхаю его запах, вбираю его тепло, сливаюсь с ним в одно целое. Как же я по нему скучаю!

— Нам нужно поговорить, — шепчет он.

— Да. Нужно.

Мы проходим в гостиную и садимся вместе на большой диван. Он держит меня за руку, словно не может найти слов, и я решаю заговорить первой.

— Лукас, прости. Я знаю, что обидела тебя, и мне очень-очень стыдно. Слов не найти, чтобы выразить, как мне жаль. Просто я не знала, кому верить. Я люблю вас обоих и обоим доверяла. Попытаться понять, кто из вас говорил неправду, было слишком трудно. Мейси — моя дочь.

Он смотрит мимо меня, и лицо его ничего не выражает.

— Ты был прав, — продолжаю я. — Пол подкупил Мейси новой машиной. И когда подвернулся случай, она все быстро спланировала.

— Я это и так знаю, Айви, — наконец говорит он. — Проблема в том, что ты мне не поверила. Ты так быстро решила, что я способен на подобное, как будто совсем меня не знаешь.

Нахлынувшие эмоции сжимают мое сердце, как в тиски. Боже мой, я так сильно его обидела! А ведь я клялась, что никогда его не предаю. Я делаю глубокий вздох в надежде, что это поможет успокоить расшатавшиеся нервы.

— Я могу только просить прощения и шанс начать все сначала. Мне очень жаль. Она моя дочка, Лукас. Ты не представляешь, как я разрывалась, не зная, кому верить. Раньше она меня никогда не обманывала.

Он переводит взгляд на мое лицо, мои глаза встречаются с его, полными тихого укора.

— Я тоже тебя не обманывал.

— Знаю. — Я сжимаю крепче его руку. — Просто все выглядело так страшно, когда она вышла из твоей комнаты обнаженная. Что я должна была думать?

— Ты бросила в меня обручальным кольцом. Ты выбросила из своей жизни *меня*. — Он тяжело вздыхает. — Ты разбила мне сердце, Айви.

Сердце колотится о ребра.

— Я не хотела. Мне было страшно, я была растеряна. Все дерьмо, в котором меня вывалил тогда Пол, словно снова выплыло на поверхность. Я знаю, как была неправа, я должна была дать тебе возможность объяснить все, но я тогда совсем потеряла самообладание.

— Я сам был напуган и растерян всю свою жизнь, Айви. Пока не встретил тебя, и все вдруг не встало на свои места. А потом ты ушла и вырвала мне сердце. Даже не выслушала меня. Мне пришлось разговаривать с тобой на пороге твоего дома, в то время как твой бывший муж сидел внутри, а потом ты заставила меня уйти, когда он остался.

От этого воспоминания я непроизвольно съеживаюсь. Ну почему я так поступила? У него есть все права злиться на меня, я это заслужила.

— Знаю, и я была неправа. С моей стороны это было ужасно, сейчас я это очень ясно понимаю. — Ну как я могла быть так слепа? — Но в тот день у меня голова шла кругом.

— Мне очень трудно справиться со всем, что навалилось — Кэти умерла, ты ушла, у Вэндала проблемы с новой подружкой. Я не могу помочь всем сразу, особенно, когда сам в таком положении: разбит и словно в тумане. Очень трудно было оставаться на плаву все это время... Без тебя.

— Лукас, ты и не должен всем помогать. Вэндал сам может о себе позаботиться. Он сильнее, чем ты думаешь. А с этим мы справимся вдвоем. Дай мне шанс доказать тебе, как сильно я тебя люблю. Я больше никогда тебя не подведу.

Он молча таращится в стену несколько минут. Я знаю, он обдумывает ситуацию, он так всегда делает. *Думает*. Но каждая пролетающая секунда пугает меня, потому что я не представляю, что он скажет или сделает.

— Я могу понять тебя, потому что видел, как ты разрывалась. Мне и самому было трудно поверить, что Мейси могла сделать что-то подобное, хотя я был всему свидетелем. Поэтому, да, я понимаю. — Он медленно поглаживает мою руку большим пальцем, продолжая говорить. — Но в будущем ты должна доверять мне. Серых зон здесь быть не может. Я не смогу... Не буду жить с кем-то, кто мне не доверяет. Я хочу, чтобы ты всегда, несмотря ни на что, была на моей стороне, так же как я всегда буду на твоей. Без единого сомнения и вопроса. Если ты, как жена, не сможешь мне этого дать, тогда ничего у нас не получится.

— Ты прав. На меньшее ты не согласишься, я знаю. Обещаю, больше никогда не засомневаюсь в тебе.

Он ласково гладит ладонью мою щеку и заглядывает мне в глаза.

— Надеюсь, так и будет, Айви. Мы не сможем быть вместе, если такое случится еще раз. Я уже говорил тебе, что хочу быть с тобой всегда. Мое сердце принадлежит тебе, и я хочу, чтобы твое было моим без остатка. И без всяких условий. Я хочу забыть про это безумие, оставить его в прошлом, потому что знаю, как ты была ошеломлена и растеряна оттого, что твоя дочь оказалась замешана в обмане, но не хочу, чтобы такое повторилось.

— Я тоже не хочу. Не хочу больше с тобой разлучаться, — шепчу я. — Я люблю тебя и жутко по тебе скучаю. Эти несколько недель были настоящей пыткой. Я сама себя ненавижу за то, что так тебя обидела. — Кажется, где-то внутри меня прорывает плотину, и накопившиеся слезы рвутся наружу, душат меня.

Он притягивает меня к своей груди и, нежно придерживая за затылок мою голову, тихонько прижимается к макушке губами.

— Я тоже тебя люблю, Айви. И мне ужасно неприятно сейчас так с тобой поступать, потому что хуже момента для этого разговора просто не найти, но мне нужно поговорить с тобой кое о чем. С тех пор, как мы расстались, много чего произошло. — Он судорожно глотает комок в горле. — Если ты не сможешь остаться со мной, я все пойму.

Я отстраняюсь от него, заглядываю ему в лицо и вижу на нем следы внутренней борьбы, о которой ничего не знаю, но которая мучит его. Что бы это ни было, я должна была быть здесь, рядом с ним, помогать ему справиться с бедой, а не сидеть дома, в одиночестве пытаюсь разобраться, изменил ли он мне.

— Ты меня пугаешь, — осторожно говорю я, вспомнив о том, что рассказал Ашер о его сердце. — Ты болен?

Он вздыхает и трет ладонями глаза.

— Нет, я в порядке. Хотя, честно говоря, совсем вымотался, придумывая, как разобраться с ситуацией и при этом не потерять тебя снова. Поэтому мне нужно было время, чтобы все обдумать. Прости, что тоже тебя расстроил. Я так устал. Есть еще кое-что, о чем ты не знаешь.

— Расскажи мне. Пожалуйста. — Я беру его за руку.

— То, что я скажу, может многое изменить. — Он нервно облизывает губы.

— Это не страшно, — заверяю я его, уверенно кивая, хотя внутри сжимаюсь от страха. — Я люблю тебя и хочу быть с тобой. Это не изменилось. Ничто не сможет это изменить.

— Я тоже этого хочу, но теперь все немного сложнее. — Он делает глубокий вздох. — Мне нужно знать, сможем ли мы быть вместе, несмотря на новые обстоятельства, чтобы я мог принять окончательное решение. Точнее, чтобы мы *оба* могли принять решение.

Не могу понять, к чему он клонит, и что это вообще за разговор.

— Ничего не понимаю, — признаюсь я. — Что-то случилось?

— Да. — Он закрывает глаза на несколько секунд.

— Теперь ты меня точно напугал.

— На прошлой неделе ко мне заезжала Рио.

Я наклоняю голову в сторону, не уверенная, что слышала это имя.

— Рио? — повторяю я.

— Это моя подруга, но, кроме того, я встречался с ней до нашего знакомства.

О Боже, нет! Сердце тяжело колотится, я понимаю, что то, что он сейчас скажет, изменит наши жизни навсегда.

— Ладно, — отвечаю я, припоминая что-то подобное. — Ты, кажется, говорил о ней в один из моих первых визитов в студию. Ты тогда только с ней расстался.

— Да, именно. Это она, — кивает молодой человек.

— И что с ней?

— Она беременна. На самом деле ей уже вот-вот рожать.

Сердце у меня, кажется, перестает биться.

— О. — Вот все, что я могу из себя выдавить в ответ. *Другая женщина вот-вот родит ему ребенка.*

Лукас приподнимает мою голову за подбородок и заглядывает в мои глаза.

— Айви, это не мой ребенок.

— Что... что ты имеешь ввиду? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Это ребенок Вэндала.

— Он с ней тоже был? — У меня в буквальном смысле отвисает челюсть.

— Ага. До, и как выяснилось, во время и еще какое-то время после меня. Все прекратилось, только когда он встретил Таби.

Я прикрываю ладонью приоткрывшийся от шока рот. Представляю, как сильно Лукаса должен был ранить тот факт, что двое близких людей предали его одновременно.

— Лукас, мне так жаль. Поверить не могу, что твой собственный брат мог с тобой так поступить.

— Я не особенно удивился, — коротко усмехается он. — Вэндал просто берет, что хочет. И, если честно, эта часть истории меня не особенно беспокоит. Я не был в нее влюблен.

— Но тогда какое это имеет отношение к нам? Я совсем запуталась. — Не представляю, что именно происходит, и почему он так сильно расстроен по этому поводу.

— Рио сейчас не в том положении, чтобы заводить ребенка. — Он какое-то время молчит. — Она играет в группе, постоянно путешествует, много тусуется, ходит на вечеринки, и она сама сказала, что не чувствует в себе потребности заботиться о ребенке. Она совсем к этому не готова. А Вэндал не знает.

— Она ему не сказала?

— Нет. И не хочет говорить. Он совсем расклеится, Айви. И мы это прекрасно понимаем. Да черт возьми, все это понимают. Он окончательно слетит с катушек, если узнает, что она забеременела так скоро после того, как он потерял Кэти. Это его прикончит. Он до сих пор не пришел в себя после всего, что случилось.

— А тебе не кажется, что он будет рад? Что будет счастлив, когда в его жизни появится другой малыш? Может, это наоборот ему поможет все пережить? Прекрасный повод начать жизнь сначала, — с надеждой предлагаю я.

— Нет. — Молодой человек прикусывает колечко у себя на губе. — Не поможет. Я его хорошо знаю, родная. Он будет ненавидеть малыша только за то, что тот жив, а Кэти умерла.

— Лукас, нельзя так говорить. Ты не можешь быть в этом уверен.

— Я *уверен*, Айви. Поверь мне. У него мозги устроены не так, как у всех. Рио вообще отказывается как-то его включать в ситуацию, она боится, что он навредит ей или ребенку, или себе. Как бы я ни любил своего брата, должен признать, она права. Для него это слишком скоро. Прошло еще мало времени.

— Но это же его ребенок. — Я качаю головой, не желая верить, что хоть один родитель в состоянии так себя повести. — У него есть право знать.

— Рио хочет отдать малыша на усыновление. Она всем дала понять, что не знает, кто отец. — Он подается вперед и опирается локтями на колени. — Ты не представляешь, каково это — быть нежеланным ребенком для собственных родителей. Я так жил, Айви. И Вэндал тоже. Я не хочу, чтобы этому малышу пришлось расти так же. Она носит моего племянника или племянницу, и я не могу позволить ей отдать ребенка чужим.

Я осторожно глажу его по спине, и он поворачивается, чтобы посмотреть мне в глаза. Волосы закрывают часть его лица, почти скрывая выражение отчаяние на нем. Внутри он разрывается на части.

— Я не могу позволить незнакомым людям забрать малыша, Айви. Я не смогу с этим жить. Жить, зная, что ребенок моего брата, частичка моей семьи неизвестно где и неизвестно как растет без моей поддержки. Не зная, как у него дела, любят ли его люди, которые взяли на себя заботу о нем. Я просто не могу позволить такому случиться.

Моя рука замирает у него на спине. Не понимаю, куда он со всем этим клонит. Я тоже не хочу, чтобы малыш оказался в плохом доме, но что мы можем поделать? Это ребенок Рио, и только она может принять такое решение.

— Что ты собираешься делать, Лукас? Если ребенок не твой, прав на него у тебя никаких нет. Ты всего лишь дядя.

— Об этом знаем только *мы*, Айви. Другим знать не обязательно.

Кажется, в сотый раз за сегодня сердце у меня замирает, когда то, на что он намекает, медленно начинает до меня доходить.

— Что ты хочешь сказать? — *Он что, хочет воспитывать ребенка вместе с Рио?*

— Я хочу, чтобы все поверили, что малыш мой. Хочу его усыновить и воспитывать вместе с тобой. Рио готова подписать документы, отказаться от прав, согласиться на частное усыновление и разрешить нам с тобой воспитывать ее ребенка. Я обсуждал это с Ба и с Ашером, мы вместе консультировались с адвокатом, и все документы уже готовы. Рио согласна на все условия; она считает, что так будет лучше для ребенка. Она мне доверяет. Мне нужно только знать, готова ли ты вместе со мной ввязаться в это, потому что я не хочу тебя потерять.

Этот вариант развития событий — последнее, чего я могла ожидать. Мой мозг не в состоянии сейчас оценить его предложение, особенно потому, что я еще не успела отойти от напряжения, с которым провела последние недели после истории с Полом, Мейси и Лукасом. А теперь еще и такое вот неожиданное, шокирующее предложение в качестве вишенки на торте. Смогу ли я воспитывать чужого ребенка? При том, что по официальной версии это будет ребенок моего мужа от другой женщины? Я всегда надеялась, что успею родить еще одного сама, но никогда не задумывалась об усыновлении. И уж тем более о таком вот странном развитии событий.

Молодой человек разворачивается ко мне и берет мои руки в свои ладони.

— Айви, я понимаю, такое трудно принять, я очень много от тебя прошу, да и, наверное, в самое неподходящее время. Но, несмотря на то, что мы только что пережили ужасно неприятную историю с Мейси, я все равно уверен в нас на сто процентов. И я понимаю, как трудно тебе будет растить малыша, если все вокруг будут думать, что он от какой-то там чужой девчонки. Ты не заслуживаешь такого, я знаю. Но только ты — прекрасная мама. Мы можем подарить малышу замечательную семью. Я уверен, мы будем сильно его любить. Или ее.

— Лукас... — Ну какой нормальный двадцатичетырехлетний парень хочет заниматься воспитанием ребенка, к тому же еще и не собственного? Взять на себя пожизненную ответственность, ни секунды не сомневаясь. Ну конечно, *только Лукас*.

— Я не могу позволить, чтобы ребенка моего брата отдали на воспитание чужим. Это просто неправильно. Не могу позволить ему потерять двух детей, даже если он никогда не узнает о существовании второго. *Я буду знать*. И я не могу такое допустить. Я так сильно любил Кэти, а этот малыш ей наполовину брат или сестренка. Семья для меня слишком много значит. Я просто не могу позволить Рио отдать малыша на воспитание кому-то другому и потом не иметь возможности знать, все ли у него хорошо. Боюсь, я просто не смогу ни на минуту выкинуть это из головы.

Он ждет, что я что-то отвечу, но я не могу даже у себя в голове составить разборчивое предложение. Ни в голове, ни в сердце у меня не укладывается то, о чем он у меня просит. *Усыновить ребенка. Воспитывать еще одного ребенка. Не родного ребенка. И даже не родного ему. Ребенка, зачатого его психопатичным братом*.

— Я смогу справиться с этим и без тебя, Айви. Но мне бы очень хотелось, чтобы мы воспитывали его вместе, как семья. Я не поэтому хочу вернуть тебя. Я люблю тебя, хочу провести с тобой всю жизнь. Время для этой ситуации очень неподходящее, но ничего не поделаешь, мне нужно принять решение уже очень скоро. Даже если ты не захочешь принимать участие в жизни малыша, я все равно хочу, чтобы мы были вместе.

Мы обязательно найдем способ устроить все так, чтобы я смог усыновить ребенка и продолжить отношения с тобой. Я не позволю тебе уйти. Я смогу все уладить.

— Так много всего сразу — в голове не укладывается, — наконец решаюсь заговорить я, глубоко вздыхая. — Ты планируешь когда-нибудь рассказать Вэндалу?

— Честно? Не знаю. Может быть, когда-нибудь, если он сумеет успокоиться и взять свою жизнь в руки.

— Если он узнает, может возненавидеть тебя, Лукас. Может попытаться оспорить права опеки и забрать ребенка. Это он его биологический отец. Я даже представить не могу, в какой кошмар это все может вылиться.

— Не думаю, что такое вообще произойдет, Айви. Единственные люди, которые знают правду — это Рио, мы, Ашер и Ба. Никому другому знать нет необходимости.

Годы просмотра сериала «Дни нашей жизни» заставляют меня верить, что рано или поздно все узнают, и наша жизнь превратится в одну большую драку за опеку, в эпицентре которой окажется ни в чем не повинный малыш. Вот уж действительно, такой вариант развития событий никому не нужен.

— Лукас, думаю — то, что ты хочешь сделать, очень благородно и в очередной раз говорит о твоей внимательности и заботливости, но в один прекрасный день ситуация может стать по-настоящему некрасивой. Такое легко может разрушить семейные отношения, разбить не одно сердце.

— Я понимаю, — отвечает он, покусывая колечко на губе. — Но альтернатива еще хуже. По крайней мере, для меня. Если когда-то случится так, как ты говоришь, значит, будем решать проблему. Но во всяком случае, ребенок будет в безопасности, в родной семье, рядом с любящими людьми.

— Ты уверен, что ребенок не твой? Может, есть хоть какая-то вероятность? — Мне, естественно, не хочется, чтобы другая женщина родила Лукасу ребенка, но в сложившихся обстоятельствах с такой ситуацией было бы гораздо проще справиться, чем жить с дамокловым мечом в виде Вэндала, вечно занесенным над нашими головами.

— Я на самом деле спал с ней всего два раза, — качает он головой. — И использовал защиту. Она говорит, что с Вэндалом они много раз были вместе, будучи пьяными, и был один случай, когда презерватив порвался. А больше ни с кем она в это время не была.

Я вспоминаю, как мне самой было восемнадцать, я была беременна и напугана до чертиков — не знала, останется ли Пол рядом со мной, объясняла все родителям и видела, как они во мне разочарованы. Весь мой мир изменился, когда я забеременела, и единственное, чего мне хотелось — чтобы мой ребенок был любим и был в безопасности. Родители пытались уговорить меня отдать его на усыновление, но сама мысль о расставании с малышкой и о том, что я могу не знать, что с ней и где она, была для меня невыносима. И, хоть я сейчас и разочарована в Мейси, я не стала бы ничего менять. Я понимаю, что сейчас чувствует Лукас. Он глубоко привязан к семье. А потребность заботиться о родных людях была привита ему с самого детства. Пытаться отговорить его от мысли воспитать этого ребенка — значит разрушить саму его душу и идти наперекор всем тем прекрасным человеческим качествам, которые я люблю и уважаю в нем.

Я молилась о безусловной любви и получила ее именно с ним. Ну конечно, я не могу не ответить ему тем же.

— Хорошо... — медленно говорю я, глубоко вздохнув. — Если ты этого хочешь, то я согласна. Будем растить этого малыша вместе и надеяться на лучшее.

Он не моргая смотрит на меня, словно вбирая в себя мои слова, и крепче сжимает мою руку в своей.

— Правда? Ты любишь меня так сильно, что готова на это пойти?

— Лукас, я люблю тебя так сильно, что и на большее пошла бы. Я хочу, чтобы ты был счастлив, чтобы на душе у тебя было спокойно. Для меня это — самое важное. Если я

могу тебя поддержать и подарить тебе такое душевное спокойствие, то обязательно это сделаю. Что бы ни случилось.

Прежде чем я успеваю продолжить, он прижимается губами к моим губам и целует меня долгим, нежным поцелуем.

— Господи, как я люблю тебя! И я так по тебе скучал, — быстро произносит он между поцелуями. — Я люблю тебя, Айви. Обещаю, я никогда тебя не обижу. Я все сделаю, чтобы все наши мечты стали реальностью.

Он засовывает руку в карман и достает из него мое обручальное кольцо.

— Попробуем еще разок? — спрашивает он, и в его голосе слышится такая знакомая игривая хрипотца. — Ты же знаешь, каким я могу быть настойчивым. Если потребуется, я по несколько раз в день буду делать тебе предложение.

— Нисколько не сомневаюсь, что так и будет, — смеюсь я. — Давай еще разок, и на этот раз — в последний.

Он надевает кольцо обратно мне на палец, притягивает меня к себе и накрывает своим ртом мои губы, снова увлекая меня в то волшебное место, что существует только в сказках и рядом с ним. И уже скоро мы судорожно стягиваем друг с друга одежду, не прерывая поцелуя. Мы занимаемся любовью на полу гостиной, а сверху, сквозь витражи в окнах, на нас льется нежный свет заходящего летнего солнца. И я знаю, ни минуты не сомневаясь, что все у нас будет хорошо, пока мы рядом друг с другом.

ЭПИЛОГ

ЛУКАС

Моя жена.

Я наблюдаю с противоположного конца комнаты, как она проходит от одного гостя к другому с Хоуп на руках, давая им возможность поздравить ее с первым днем рождения и поцеловать в нежную крошечную макушку. Хоуп хихикает и машет маленькими пухлыми ручками, когда каждый из собравшихся обнимает и целует ее. Дом бабушки сегодня превратился в безумный сказочный домик, так его разукрасили ко дню рождения моей девочки. Везде развешаны шарики и все вокруг украшено розовыми единорогами. Даже торт, который Мейси и Томми самоотверженно помогли мне печь, сделан в форме единорога с блестящим, покрытым съедобным глиттером рогом. Получилось, кстати, зашибенски. Можно только порадоваться — любовь и терпение по отношению друг к другу помогли нам с Айви создать по-настоящему крепкую семью. Пройдет еще какое-то время, прежде чем мы сможем окончательно доверять Мейси, но уверен, что медленно, но верно мы к этому придем.

Я не думал, что смогу любить Айви еще сильнее, но теперь мне кажется, моя любовь с каждым днем становится к ней все глубже и крепче. Она подарила мне все то, о чем я мечтал, на что надеялся, и чего так страстно желал. Как прекрасное вино, со временем она становится только прекраснее.

И я счастлив, что она моя.

Моя дочь.

Я улыбаюсь, глядя, как жена передает Хоуп на руки Вэндалу, а малышка тут же захватывает полные крошечные кулачки его темных волос. Его девушка, Таби, целует ее в щечку, и мой брат даже смеется, пытаясь отобрать свои волосы у девочки, когда Айви забирает ее обратно. В его глазах все еще мелькают грусть и боль, хоть он и старается скрыть их. Но для меня его вечная мука ясна как день.

Хоуп — самый очаровательный ребенок, что я видел в жизни. Почти никогда не плачет и не капризничает, зато смеха и милых беззубых улыбок у нас в доме в избытке. Ее появление в нашей жизни сделало нас с Айви еще ближе, даже укрепило нашу связь. Теперь у нас есть общий маленький ангелочек, которого папа просто обожает.

Мне абсолютно все равно, что она не моя, я об этом даже не задумываюсь, просто люблю ее больше жизни.

Мы с Рио были правы; Вэндал не готов завести другого ребенка так скоро после смерти Кэти. Его и без того не самая устойчивая психика не выдержала бы такой новости, он сожрал бы сам себя, и всем его попыткам начать новую жизнь пришел бы конец, узнай он, что она беременна. Он старается собрать обломки своей жизни в нечто целое, но впереди у него еще долгая работа. Таби как-то недавно поделилась с Айви, что как только она пытается завести разговор о том, чтобы завести детей, он тут же отгораживается от нее. Что только придает мне уверенности, что я поступил правильно, решив уберечь его дочку от него же самого.

Айви подходит ко мне со счастливой крошкой-именинницей на руках и, приподнявшись на носочках, целует в щеку.

— Мы тебя любим, — тихо говорит она. — Спасибо за праздник. Все получилось прекрасно.

Я обнимаю ее за талию, притягиваю к себе и вновь ощущаю знакомый электрический разряд, который, пульсируя, разливается волной по телу — притяжение, которое чувствую каждый раз, когда она рядом.

— Обожаю своих девочек, — целую ее в лоб, отвечаю я. Хоуп тянет ко мне руки, хочет, чтобы я ее подержал, а я, естественно, не могу ей отказать. Она обвивает пухлыми ручками меня за шею и льнет ко мне нежной щечкой — она часто так делает, и каждый раз я таю, как свечка. Айви подбирает с платица Хоуп крошечное черное перышко и улыбается.

— Перышки Рэя повсюду, — замечает она. — Даже когда мы с тобой расстались, я как-то нашла одно.

— Может быть, это специально, чтобы ты обо мне не забыла. — Я подмигиваю.

— Можно подумать, такое вообще возможно.

— Не забудь, Мейси сегодня вызвалась посидеть с маленькой. Думаю, пора начать практиковаться, нам нужно будет заделать еще одного ребенка.

— Ты уверен? — шепчет она и смотрит на меня, тут же заливаясь краской смущения.

Я знаю: Айви, как и я, любит Хоуп как родную. Но, хоть мы никогда это не обсуждали, мы оба хотим «нашего» ребенка — частичку нас обоих, того, кого мы запланировали вместе, о ком вместе мечтали, ради кого прошли вместе через этот волшебный, но непростой путь.

— Уверен. — Я целую ее в ответ. — Для полного счастья мне не хватает только еще одного, нашего с тобой общего малыша. Тогда мне больше не о чем будет мечтать — исполнятся все мои желания.

АЙВИ

Не так давно я загадала желание на падающую звезду, стоя на темной парковке рядом с молодым человеком, который целиком захватил мое сердце и душу в тот самый момент, когда наши глаза встретились.

Я загадала одно маленькое желание: чтобы все *его мечты* исполнились.

И так случилось, что вместе с его мечтами стали реальностью и мои собственные.

